

ЖИЛБЛАЗЪ

ДЕ

САНТИЛЛАНА.

Сочиненіе Лесажа.

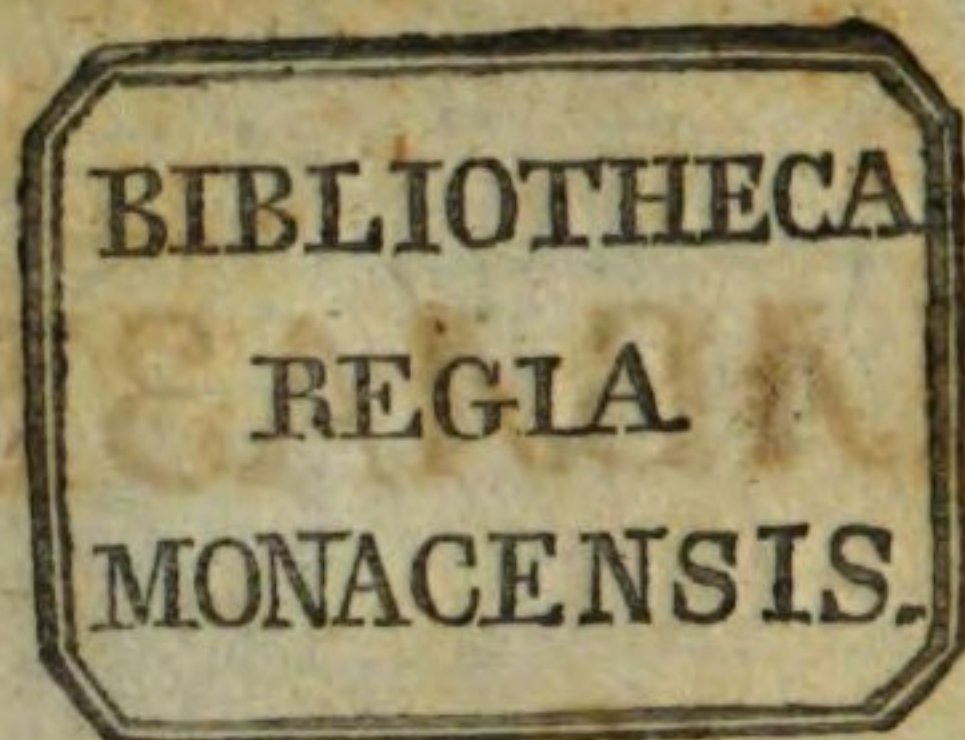

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

—●●●●●●●●●●●●●●●●●●—
САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Морской Типографіи.

1820 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министрства просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библиотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Сентября 17 дня 1819 года.

*Цензоръ, Стат. Совѣт. и Кавалеръ
Иванъ Тимковской.*

ЖИЛБЛАЗЪ
ДЕ
САНТИЛЛАНА.

~~~~~
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА I.

Жилблазъ не можетъ привыкнутьъ къ образу жизни актрисъ, оставляетъ Арсенію и находитъ себѣ лучшее мѣсто.

Остатокъ нравственности и благочестія, который сохранилъ я и посреди разврата, заставилъ меня рѣшиться не только отойти отъ Арсеніи, но даже прервать всякую связь съ Лаурою, ко-

порая , не смотря на многіе опыты ея невѣрности, была все еще мнѣ любезна. Счастливъ, кто можетъ пользоваться минутами размышленія и среди самыхъ удовольствій ! Однимъ упрямъ связавъ свои пожитки въ узелокъ , не разсчитавшись съ Арсеніей , которая , правду сказать, ничего почти не была мнѣ должна , и даже не простившись съ моею любезною Лаурой, вышелъ я изъ дому , гдѣ все дышало развратомъ. Едва успѣлъ сдѣлать такое доброе дѣло, какъ Небо за то меня наградило. Мнѣ попался навспрѣчу управитель покойнаго господина

моего, Дона Матиаса. Я ему
 поклонился; онъ узналъ меня,
 останоуился и спросилъ, гдѣ
 я теперѣ служу. Я отвѣчалъ
 ему, что сей часъ шолько
 отошелъ отъ мѣста; что
 около мѣсяца пробылъ у Ар-
 сеніи; но образъ жизни въ
 ея домѣ мнѣ не понравился,
 и я оставилъ его по доброй
 волѣ, для сохраненія своей не-
 винности. Управитель, какъ
 будто бы человекъ самой
 строгой нравственности, по-
 хвалилъ мою разборчивость
 и сказалъ, что принимаешь
 на себя доставить мнѣ вы-
 годное мѣсто, за то, что я
 такихъ честныхъ правилъ.
 Онъ сдержалъ свое слово, и

въ шотъ же день предс-
 тавилъ меня къ Дону Винцен-
 ту де Гусману, дворецкой ко-
 тораго былъ ему пріятель.

Мнѣ не лѣзя было желать
 лучшаго мѣста, и въ послѣд-
 ствіи времени я не раскаял-
 ся, что удержалъ его за со-
 бою. Донъ Винценсъ былъ
 старый, богатый дворянинъ.
 Нѣсколько уже лѣтъ жилъ
 онъ очень спокойно, не имѣя
 ни пѣжебъ, ни жены: послѣд-
 ней лишился онъ по мило-
 сти докторовъ, лѣчившихъ
 ее отъ кашля, съ которымъ
 бы она могла прожить еще
 долго, еслибъ не принима-
 ла прописываемыхъ ими лѣ-
 карствъ. вмѣсто того, что-

бы женился въ другой разъ, онъ посвятилъ себя воспитанію единственной дочери своей, Авроры. Она была тогда двадцати пяти лѣтъ и могла почесаться за совершенную дѣвицу. Съ необыкновенною красою соединяла она образованный умъ и прекрасное сердце. Отецъ ея былъ хотя человекъ недалекой, но за то хорошій хозяинъ. Онъ имѣлъ одинъ недоспашокъ, копорый впрочемъ проспигеленъ старикамъ: охотникъ былъ поговорить, особливо же о войнѣ и о сраженіяхъ. Случалось ли кому нечаянно завести при немъ разговоръ объ этомъ предметѣ, въ ту же

минуту начиналъ онъ тру-
 бишь въ свою героическую
 трубу, и слушатели его по-
 читали за счастіе, когда онъ
 дѣлывались описаніемъ двухъ
 осадъ и трехъ сраженій. Двѣ
 трети своей жизни провелъ
 онъ въ военной службѣ, по-
 чему память его была неиз-
 черпаемымъ источникомъ раз-
 ныхъ дѣяній, о копорыхъ
 слушали другіе не всегда съ
 такимъ удовольствіемъ, съ
 какимъ онъ ихъ рассказывалъ.
 При всемъ этомъ былъ онъ
 не только многорѣчивъ, но
 еще и заикался; что дѣлало
 рассказъ его чрезвычайно не-
 пріятнымъ. Впрочемъ, я не
 видывалъ знашнаго господина

съ такимъ хорошимъ характеромъ; онъ имѣлъ всегда одинаковое расположеніе духа, не былъ ни упрямъ, ни причудливъ: я удивлялся этому въ человѣкѣ его состоянія. При всей своей бережливости, жилъ онъ очень порядочно. Содержалъ много слугъ для себя и трехъ служанокъ для Авроры. Я скоро примѣшилъ, что управитель Дона Матіаса доспавилъ мнѣ прекрасное мѣсто, и думалъ только о томъ, какъ бы на немъ удержаться. Старался узнавать состояніе дома; вывѣдывалъ склонности каждаго изъ живущихъ въ немъ и, сообразно

тому поступая, скоро приобрѣлъ милость моего господина и любовь всѣхъ служителей.

Проживши у Дона Винченша уже болѣе мѣсяца, замѣнилъ я, или, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось, что дочь его удостоиваетъ меня нѣкотораго отличія предъ прочими служителями. Всякой разъ, когда глаза ея встрѣчались съ моими, я видѣлъ въ нихъ какую-то благосклонность, которой не примѣтно было, когда она смотрѣла на другихъ. Когда бы я не жилъ съ пешиметрами и акшерами, то не пришло бы мнѣ и въ голову,

что Аврора занимается мною; но я избаловался между эпими господами, у которых и самыя знатныя дамы не всегда бывають на хорошемъ счету. „Если вѣрить большей части актеровъ, говорилъ я самъ себѣ, то и у знатныхъ господъ бывають иногда извѣстныя прихоши, коими онѣ пользуются. Почему знашь, можетъ быть и моя барышня имѣетъ такія же прихоши? Но нѣтъ, и воображать мнѣ эшаго не должно. Она не изъ числа тѣхъ Мессалинъ, которыя, не смотря на свое высокое происхожденіе, и забывъ весь стыдъ, вступають въ недо-

стойныя ихъ связи съ самы-
ми ничтожными и презри-
тельными твореніями. Ско-
рѣе можно причислить ее къ
тѣмъ добродѣтельнымъ, но
чувствительнымъ дѣвицамъ,
которыя, оставаясь въ пре-
дѣлахъ честности и цѣло-
мудрія, не почитаютъ за
преступленіе внушать и чув-
ствовать нѣжную страсть,
доставляющую имъ безвин-
ное и безвредное удоволь-
ствіе.“—

Такъ судилъ я о своей го-
спожѣ, не зная самъ, на чемъ
остановишься. Между тѣмъ,
при каждомъ свиданіи со
мною, она улыбалась и об-
наруживала свою радость.

Сшоль ласковое и необыкновенное обхожденіе обмануло бы и самаго скромнаго чело-
вѣка; можно ли же мнѣ было не подумашь, что Аврора пора-
жена моими достоинствами? Я почиталъ уже себя однимъ
изъ шѣхъ счастливицевъ, ко-
торымъ любовь дѣлаешъ и
самое рабство пріятнымъ.
Чтобы не совсемъ казашь-
ся недостойнымъ счастья,
какое судьба моя для меня го-
товила, началъ я болѣе преж-
няго заниматься своею на-
ружностью. Всѣ свои деньги
испрашилъ я на покупку
бѣлья, помады и благовон-
ныхъ духовъ. По утру пер-
вое мое дѣло было нарядишь-

ся и напрыскашья духами, чшобы не появишья неряхою на глаза госпожи моей. При такомъ вниманіи къ своему наряду, и при всѣхъ усиліяхъ нравишья, я ласкался надеждою, что счастіе мое отъ меня уже не далеко.

Въ числѣ служительницъ Авроры была одна, по имени Оршицъ, женщина спарая, которая въ домѣ Дона Винченша жила уже болѣе двадцати лѣтъ. Она находилась при воспитаніи его дочери и все еще носила на себѣ званіе Дуенны, хошя и не опшправляла болѣе этой трудной должности. Вмѣсто того, чшобы, попрежнему, на-

блюдают Аврорины поступки, она старалась только скрывать ихъ. Однажды вечеромъ, госпожа Оршицъ, нашедши случай бытъ со мною наединѣ, сказала мнѣ шихонько, что если я уменъ и скромнень, то пришелъ бы около полуночи въ садъ, гдѣ узнаю нѣчто для меня пріятное. Я ошефчалъ Дуеннѣ, пожавъ ей руку, что приду туда непременно, и мы разошлись, какъ можно скорѣе, опасаясь, чшобы насъ вмѣстѣ не заспали. Ни мало не сомнѣвался я въ томъ, что увижусь тайно съ прелестною дочерью Дона Винценца, и едва могъ скрыть свою ра-

доспѣ. Какъ долго шло для меня время опѣ этой минуты до ужина, хопя ужинали очень рано, а опѣ ужина до того часу, когда господинъ мой легъ спать! Мнѣ казалось, что въ домѣ все дѣлалось съ чрезвычайною медлѣнностію. Къ умноженію моей досады, Донъ Винценшъ, пришедши въ свою спальню, вмѣсто того, чтобы лечь спать, вздумалъ рассказывать о своихъ Португальскихъ походахъ, о копорыхъ уже давно прожужжалъ мнѣ уши. Но—чего онъ еще не дѣлывалъ — вздумалъ какъ нарочно въ эту вечеръ называть мнѣ по именамъ

всѣхъ отличившихся въ его время офицеровъ и даже исчислилъ cadaго изъ нихъ подвиги порознь. Чего мнѣ стоило все то выслушать! Наконецъ пересталъ онъ говорить и легъ спать. Я пошелъ тотчасъ въ маленькую каморку, гдѣ стояла моя постель, и откуда можно было сходить въ садъ по пошатенной лѣстницѣ. Всего себя вымазалъ я помадою, надѣлъ чистую рубашку, напрыскавъ ее благовонными духами; не забылъ ничего, что, по мнѣнію моему, могло быть пріятно влюбленной въ меня дѣвицѣ, и пошелъ на назначенное для свиданія мѣсто.

Я не нашелъ однако шамъ
 госпожи Орпицъ, и подумалъ,
 что она, соскучивъ ждашь
 меня, ушла въ свою комна-
 ту, и что я опоздалъ. Всю
 въ этомъ вину сложилъ я
 на Дона Винценца; но меж-
 ду тѣмъ, какъ проклиналъ
 его походы, услышалъ, что
 бьетъ десяшь часовъ. Ко-
 нечно, подумалъ я, ча-
 сы идутъ невѣрно: теперь
 долженъ бышь по крайней
 мѣрѣ часъ по полуночи. Одна-
 кожъ я славно обманулся:
 спустя добрую четверть ча-
 са услышалъ, что на другихъ
 часахъ бьетъ также десять.
 „Хорошо же, сказалъ я самъ
 себѣ, только цѣлые два часа

остается мнѣ еще подождать!
 По крайней мѣрѣ не пожа-
 луюшся на мою неискрав-
 носшь. Чшожь дѣлать мнѣ
 до полуночи? Похожу по са-
 ду и подумаю, какъ бы луч-
 ше сыграшь новую свою ро-
 лю: мнѣ еще неизвѣстны всѣ
 прихоши и зашѣи знашныхъ
 госпожь. Знаю только, какъ
 обращаься съ горничными
 и актрисами. Къ нимъ под-
 ступаешь смѣло и начинаешь
 ошкрывашься безъ всякихъ
 околичносшей; а съ знашною
 особою должно употребить
 совсемъ другіе приемы. При-
 ней, кажешся, любовникъ дол-
 женъ бытъ учтивъ, услуж-
 ливъ, нѣженъ и почтительнъ,

однакожь и не заспѣнчивъ. Вмѣсто того, чѣобы спараться ускорить свое счастье изъявленіемъ пламенныхъ чувствованій, онъ долженъ ожидать съ ея стороны минуты слабости.“

Вотъ какъ рассуждалъ я, и рѣшился такъ поступать съ Авророю. Скоро, воображалъ я себѣ, буду имѣть счастье упасъ къ ногамъ прелестной дѣвицы, и на-скажать ей много нѣжнаго и спрасшнаго. Я приводилъ себѣ на память цѣлыя ширеды изъ нашихъ театраль-ныхъ сочиненій, надѣясь съ пользою употребить ихъ при нашемъ свиданіи, и — какъ

удавалось многимъ изъ зна-
 комыхъ мнѣ актеровъ—про-
 слышь чрезъ то умнымъ че-
 ловѣкомъ, хотя тупъ нуженъ
 былъ не умъ, а одна только
 память. Въ такихъ мысляхъ,
 копорыя, при всей моей не-
 терпѣливости, доставляли
 мнѣ болѣе удовольствія, чѣмъ
 повѣствованія о военныхъ
 подвигахъ моего господина,
 услышалъ я, что было один-
 надцать часовъ. „Ну, Жил-
 блазъ, сказалъ я самъ себѣ,
 вооружись терпѣніемъ: тебѣ
 остается ждать еще цѣлыхъ
 шестьдесятъ минутъ!“—Обо-
 дрившись немного, погру-
 зился я опять въ прежнія
 размышленія: то ходилъ взадъ

и впередъ, то сѣдился въ бесѣдку, которая была на концѣ сада. Напослѣдокъ давно ожидаемый часъ насталъ: пробило двѣнадцать. Черезъ нѣсколько минушъ, Орпицъ, столь же исправная, но не столь неперпѣливая, какъ я, показалась. „Давно ли вы здѣсь, господинъ Жилблазъ?“ — спросила она. — Два часа уже, отвѣчалъ я. — „Ахъ! какъ вы исправны, вскричала она со смѣхомъ. Очень пріятно назначать вамъ ночныя свиданія. Правду сказать, продолжала она, принявъ на себя важный видъ, вы не можете довольно дорого заплачивать за то счастье, о которомъ

объявлю вамъ. Госпожа моя
хочетъ поговорить съ вами
наединѣ. Болѣе не скажу вамъ
ни слова: остальное есть
тайна, копорую узнаете вы
изъ собственныхъ ея устъ.
Спущайте за мною: я про-
вожу васъ въ ея спальню.“—
Сказавши это, Дуенна взяла
меня за руку, и черезъ ма-
ленькую дверь, опъ копорой
былъ у нее ключъ, привела
меня въ Аврорину комна-
ту.

ГЛАВА II.

*Какъ Аврора приняла
Жилблаза, и о темъ они
разговаривали.*

Я заспалъ Аврору въ спаль-
номъ плашьѣ; что меня не
мало обрадовало. Я поклонил-
ся ей весьма почтительно
и со всею возможною лов-
костью. Она приняла меня
съ улыбкою, посадила возлѣ
себя, а посланницѣ своей ве-
лѣла выйти въ другую ком-
нату. Послѣ такого начала,
которое обѣщало много хо-
рошаго, она сказала мнѣ: „Ты
конечно замѣшилъ, Жилблазъ,
что я смотрю на тебя бла-

госклонно , и опличаю опъ всѣхъ прочихъ служителей моего опца. Если бы изъ взглядовъ моихъ и не могъ ты заключить , что я опмѣнно расположена къ тебѣ, то настоящій мой поступокъ не позволяетъ тебѣ въ этомъ сомнѣваться.“

Я не далъ ей времени продолжать , и—какъ человекъ , знающій свѣтъ—вздумалъ пощадить скромность ея опъ дальнѣйшаго объясненія: вскочилъ съ воспоргомъ, бросился къ ногамъ Авроры , какъ театральнй герой , копорый спановипся на колѣни передъ своею Принцессою, и воскликнулъ съ жаромъ де-

кламатора:— Чшо я слышу,
 сударыня? Мнѣ ли вы это
 говорите? Возможно ли, что-
 бы Жилблазъ, служившій до
 сихъ поръ игралищемъ фор-
 туны и опринутый всею
 природою, имѣлъ счастіе
 внушить вамъ чувствованія.
 . . . „Не такъ громко! пре-
 рвала она, разсмѣявшись: ты
 разбудишь моихъ горничныхъ,
 которыя спятъ въ той ко-
 мнатѣ. Встань, сядь на свое
 мѣсто и выслушай меня до
 конца, не прерывая моей рѣ-
 чи. Да, Жилблазъ, продолжа-
 ла она, принявъ на себя опять
 важный видъ, я расположена
 къ тебѣ, и въ доказательство
 того, чшо тебя уважаю, хо-

чу ввѣришь тебѣ тайну, отъ которой зависишь спокойствіе моей жизни. Я люблю одного молодаго, пригожаго кавалера; онъ знашной фамиліи; его зовушь Донъ Людовикъ Пашеко. Я вижу его иногда въ театрѣ и на гуляньяхъ, но никогда еще съ нимъ не говорила. Ни характеръ, ни поведеніе его мнѣ не извѣстны. Я желала бы узнать объ этомъ, какъ можно обстоятельнѣе. Мнѣ нуженъ человекъ, который бы развѣдалъ хорошенько, каковъ онъ, и далъ бы мнѣ вѣрный въ томъ отчетъ. Я избираю къ этому себя, не предусматривая никакой для себя

опасности. Надѣюсь, что ты
исправишь порученіе мое съ
такимъ благоразуміемъ и
скромностію, что не буду
раскаяваться въ моей къ те-
бѣ довѣренности.“

Тутъ госпожа моя замол-
чала и ожидала отвѣта. Спер-
ва пришелъ было я въ вели-
кое замѣшательство отъ по-
го, что такъ жестоко обма-
нулся; но потчасъ опять обо-
дрился, и преодолѣвъ стыдъ,
который бываетъ всегдаш-
нимъ спутникомъ неудачной
дерзости, изъяснилъ Аврорѣ
столько усердія къ ея поль-
зѣ, съ такимъ жаромъ обѣ-
щался служить ей, что еже-
ли не истребилъ въ ней мнѣ-

нія, что я безразсудно ла-
 скался ея къ себѣ склонно-
 стию, но по крайней мѣрѣ
 показалъ, что умѣю загла-
 дить свою глупость. Я про-
 силъ сроку только на два
 дни, чтобы дать ей вѣрный
 отчетъ о Донѣ Людовикѣ.
 Послѣ того, госпожа Оршицъ,
 которую барышня опять по-
 звала къ себѣ, отвела меня
 въ садъ, и проходя сказала
 мнѣ съ насмѣшливымъ видомъ:
 „Спокойной ночи, господинъ
 Жилблазъ! Не нужно напо-
 минать вамъ, чтобы вы и
 впредь приходили поранѣе:
 точность ваша въ этомъ
 случаѣ совершенно мнѣ те-
 перь извѣстна.“

Я возвратился въ свою комнату не безъ досады, что обманулся въ ожиданіи. Однакожь былъ столько благо-разуменъ, что почелъ для себя гораздо приличнѣе быть наперсникомъ моей госпожи, нежели любовникомъ. При томъ же и надѣялся чрезъ это что нибудь выиграть: любовники не оставляющъ никогда посредниковъ своихъ безъ хорошей награды. Я легъ спать въ швердомъ намѣреніи исполнить желаніе Авроры. На другой день пошелъ со двора. Жилище такого кавалера, каковъ Донъ Людовикъ, отыскать было не трудно. Я развѣдывалъ

объ немъ у его сосѣдей; но они не могли удовлетворить совершенно моего любопытства, что заставило меня на другой день снова продолжать мои поиски. Въ этотъ разъ я былъ счастливѣе: на дорогѣ попался мнѣ одинъ знакомой слуга, и мы остановились съ нимъ поговорить. Между тѣмъ прошелъ мимо насъ одинъ изъ его пріятелей, остановился также и сказалъ, что Донъ Юсифъ Пашеко, отецъ Дона Людовика, сей часъ выгналъ его отъ себя за то, будто бы онъ выпилъ четверть бочки вина. Я не пропустилъ такого благопріятнаго слу-

чая освѣдомиться обо всемъ, что нужно было узнать мнѣ; надѣлалъ ему множество вопросовъ, и пришелъ домой очень доволенъ, что могъ сдержавъ данное господѣ моею слово. Мнѣ должно было явиться къ ней ночью въ такое же точное время и такимъ же образомъ, какъ и первый разъ. Я не чувствовалъ уже такого безпокойства, какъ прежде, и не только слушалъ рассказы моего спараго господина безъ скуки, но еще самъ заговаривалъ о его походахъ. Съ величайшимъ спокойствіемъ ожидалъ я полуночи, и не прежде, какъ услышавъ, что

на многихъ часахъ било двѣ-
надцать, сошелъ въ садъ, не
напомадясь и не напрыскав-
шись духами.

Я нашель вѣрную Дуенну
на мѣспѣ. Съ лукавою на-
смѣшкою сдѣлала она мнѣ
выговоръ за мою медлѣнность.
Я не отвѣчалъ ей и велѣлъ
проводить себя въ комнату
Авроры, которая, увидѣвши
меня, спросила, обстоятель-
но ли я развѣдалъ о Донѣ
Людовикѣ?—,,Какъ не лѣзя об-
стоятельствѣ, сударыня, я мо-
гу удовлетворить любопыш-
ство ваше въ полной мѣрѣ.
Во первыхъ, скажу вамъ, что
онъ ѣдетъ скоро опять въ
Саламанку, чтобы кончить

тамъ науки. Это молодой кавалеръ самыхъ благородныхъ и честныхъ правилъ. Чтожь касается до храбрости, то какъ природный дворянинъ и Каспилланецъ, не имѣетъ онъ въ ней недостатка; при томъ же очень уменъ и знаетъ, какъ жить въ свѣтѣ. Одно только, можетъ быть, вамъ не понравится; онъ имѣетъ общій всѣмъ молодымъ знашнымъ людямъ порокъ: страшный волокита. Знаете ли, что въ такихъ лѣтахъ, онъ имѣлъ уже тѣсныя связи съ двумя актрисами? — Что ты говоришь? прервала Аврора. Какое распутство! Да точно ли

ты увѣренъ, Жилблазъ, что онъ ведетъ такую развратную жизнь?— „Совершенно, сударыня. Мнѣ сказывалъ объ этомъ одинъ изъ его слугъ, котораго сего дня по утру согнали со двора; а слуги очень чистосердечны, когда говорятъ о порокахъ господъ своихъ. Почти всякой день бываетъ онъ у Дона Алексо Сегіара, Дона Антоніо Центеллеса и Дона Фернандо де Гамбоа: одно это ясно уже доказываетъ его распустиство.“— Перестань, Жилблазъ, сказала госпожа моя со вздохомъ; послѣ такого извѣстія я постараюсь преодолѣть недостойную страсть

свою. Хопя она уже глубоко укоренилась въ моемъ сердцѣ, однакожь я еще не теряю надежды испребитъ ее. Поди — продолжала она, сунувъ мнѣ въ руку небольшой кошелекъ, кошорый не былъ пустъ — вотъ тебѣ за твои труды. Берегись открывать мою тайну; помни, что я повѣрила ее тебѣ, надѣясь на твою скромность.—

Я увѣрялъ госпожу мою, что она можетъ на меня положиться, что я настоящій Гарпократъ (*) изъ слугъ —наперсниковъ. Послѣ эшаго

(*) Богъ молчанія у Египтянъ.

увѣренія , я вышелъ , желая
 съ нешерпѣніемъ узнатьъ , что
 было въ кошелькѣ. Я нашелъ
 въ немъ двадцать пистолей.
 Конечно , думалъ я , Аврора
 дала бы мнѣ еще болѣе , ес-
 либъ я принесъ ей пріятную
 вѣсть , когда она заплашйла
 такъ хорошо и за худую. Я
 жалѣлъ , что не скрылъ для
 своей выгоды , по примѣру
 стряпчихъ и приказныхъ слу-
 жишелей , истины и досадо-
 валъ , что истребилъ , при
 самомъ началѣ , любовную
 связь , которая была бы мнѣ
 очень полезна въ послѣдствіи.
 По крайней мѣрѣ то ушѣ-
 шало меня , что я получилъ
 назадъ деньги , истраченные

понапрасну на духи и на
помаду.

ГЛАВА III.

*Большая перемена въ домъ
Дона Винцента ; стран-
ное намереніе , которое
любовь заставила при-
нять прекрасную Аврору.*

Чрезъ нѣсколько времени
послѣ эшаго приключенія за-
немогъ Донъ Винцентъ. Бо-
лѣзнь его шакъ усилилась ,
что если бы онъ и не былъ
шакъ дряхлъ , то и тогда
бы можно было опасаться

за его жизнь. Тотчасъ пригласили двухъ славнѣйшихъ врачей Мадридскихъ: Доктора Андроса и Доктора Оквепоса. Съ величайшимъ вниманіемъ осмотрѣли они больного и послѣ продолжительнаго изслѣдованія заключили оба, что соки въ его тѣлѣ находящся въ чрезвычайномъ волненіи; но только въ одномъ этомъ они и согласились.—„Надобно, говорилъ Андросъ, какъ можно скорѣе очиспить соки, хотя они еще и сыры, чтобы въ сильномъ движеніи прилива и отлива, не остановились они въ какойнибудь благородной части тѣла.“—

Часть III.

Окветось ушверждалъ напро-
шивъ того, что не долж-
но давать слабишельнаго до-
тѣхъ поръ, пока не сварят-
ся соки.—, Но ваша мепода—
прервалъ Андросъ—прошивна
меподѣ славнаго Иппократа.
Онъ предписываетъ давать
слабишельное въ первые дни
самой жестокой горячки, и
говоришь очень ясно, что
не надобно нисколько мед-
лить, когда соки находяшся
въ *оргазмѣ*, то естѣ, въ вол-
неніи.“— О! въ этомъ — то
вы и ошибаетесь, сказалъ
Окветось. Иппократъ подѣ
словомъ *оргазмѣ* разумѣетъ
не волненіе, а вареніе со-
ковъ.

Тушъ Доктора наши раз-
 горячились. Одинъ приво-
 дишъ Греческой тексты, и
 ссылается на всѣхъ авшо-
 ровъ, которые толковали
 это слово такъ же, какъ онъ;
 другой, основываясь на Ла-
 шинскомъ переводѣ, споритъ
 еще болѣе. Кому же изъ нихъ
 вѣришь? Донъ Винценшъ не
 въ состояніи былъ рѣшить,
 кто правъ, кто виноватъ.
 Между тѣмъ, видя, что дол-
 жно кошораго нибудь вы-
 бравъ, онъ поручилъ себя
 тому, который больше оп-
 равилъ на тошъ свѣшъ
 больныхъ, то есть, старше-
 му. Андрось, какъ младшій,
 тошчасъ вышелъ вонъ, ска-

завши старшему своему товарищу нѣсколько колкихъ словъ на счетъ оргазма. И такъ Оквешось остался побѣдителемъ. Слѣдуя правиламъ Доктора Санградо, онъ началъ тѣмъ, что предписалъ какъ можно чаще пускать больному кровь, а слабительное давать опло-жилъ до тѣхъ поръ, пока сварятся соки; но смерть, опасаясь, конечно, чтобы столь благоразумное оплагательство не лишило ее добычи, предупредила вареніе соковъ и похишила моего господина. Таковъ былъ конецъ Дона Винценца, кошорый лишился жизни отъ по-

го, что врачъ его не зналъ погречески.

Аврора, похоронивъ отца своего съ приличною званію его пышностью, вступила въ управленіе своимъ наследствомъ. Сдѣлавшись полною госпожею самой себя, она отпустила нѣкоторыхъ служившелей, наградивъ каждого изъ нихъ соразмѣрно его услугамъ, и скоро потомъ отправилась въ свой замокъ, находившійся на берегахъ Тага, между Сацедономъ и Буендіею. Я былъ въ числѣ тѣхъ, которыхъ она при себѣ оставила и которые поѣхали съ нею; даже имѣлъ счастье сдѣлаться для нее

необходимымъ. Не смотря на вѣрное мое донесеніе о Донѣ Людовикѣ, она все еще его любила, или лучше сказать, будучи не въ силахъ преодолѣть любви своей, предалась ей совершенно. Она не имѣла уже болѣе нужды въ предосторожностяхъ, чтобы говорить со мною наединѣ. — „Жилбазъ, сказала она мнѣ со вздохомъ, не могу забыть Дона Людовика; какъ ни стараюсь испрестать его изъ памяти, онъ представляется мнѣ безпрестанно, не такимъ, какъ ты описалъ его, погруженнымъ въ распутство, но такимъ, какимъ бы я желала его видѣть: нѣжнымъ, спра-

спнымъ, постояннымъ.“—Говоря это она такъ распрыгалась, что невольно на глазахъ ея навернулись слезы. Чуть было и я не заплакалъ, такъ мнѣ жалко ее спало. Я не могъ ничѣмъ больше ей угодишь, какъ показавшись чувствительнымъ къ ея страданіямъ. „Другъ мой — продолжала она, оперевъ свои прекрасные глаза — вижу, что ты доброй малой, и очень довольна своимъ усердіемъ. Будь увѣренъ, что я тебя не забуду. Помощь швоя, любезный Жилблазъ, теперь для меня нужнѣе, чѣмъ когда нибудь. Я должна открышь тебѣ планъ, копорый у меня

въ головѣ; можетъ бытъ онъ покажется тебѣ очень страшнень. Я хочу какъ можно скорѣе ѣхать въ Саламанку. Тамъ переодѣнусь въ мужское платье, и подъ именемъ Дона Феликса, познакомлюсь съ Пашеко; постараюсь приобрести его довѣренность и дружбу, стану говорить часто объ Аврорѣ де Гусманъ, выдавая себя за двоюроднаго ея брата. Ему вздумается, можетъ бытъ, ее увидѣть, а эшаго-то я и ожидаю. Мы будемъ имѣть въ Саламанкѣ двѣ кварширы. Въ одной буду я Дономъ Феликсомъ, а въ другой Авророй; и показываясь Дону Людовику, то

въ мужскомъ плащѣ, то въ настоящемъ моемъ нарядѣ, доспигну авось своей цѣли. Признаюсь, что выдумка моя очень странна, но спрасъ одолѣваетъ меня, а невинность моихъ намѣреній не позволяетъ мнѣ думать объ опасностяхъ, сопряженныхъ съ такимъ смѣлымъ и безразсуднымъ поступкомъ.“

Сколь ни безразсудно показалось мнѣ предпріятіе Авроры, однакожь я не осмѣлился дѣлать ей никакихъ возраженій. Напротивъ того, я принялся золошить пилюлю, и утверждалъ, что эта нелѣпая выдумка есть ничто иное, какъ пріятная и не-

винная игра ума. Это понравилось моей госпожѣ. Влюбленные хотѣли, чтобы льстили и самымъ глупѣйшимъ ихъ мечпаніямъ. И такъ это смѣлое предпріятіе почитали мы за комедію, и думали только о томъ, какъ бы лучше сыграть ее. Мы выбрали дѣйствующихъ лицъ изъ своихъ домашнихъ, попомъ раздѣлили роли, безъ всякихъ споровъ и шуму, попому что мы были не настоящіе актеры. Рѣшено было, чтобы госпожа Оршицъ представляла шепку Авроры, подъ именемъ Донны Кимены де Гусманъ, и имѣла бы при себѣ лакея и горничную; а

у Авроры, когда она наря-
 дишся кавалеромъ, былъ бы
 камердинеромъ я для одного
 виду; для особенныхъ же у-
 слугъ находилась бы при ней
 женщина, въ плашьѣ пажа.
 Раздавши такимъ образомъ
 роли, возвратились мы въ
 Мадридъ, и узнали, что Донъ
 Людовикъ еще тамъ, но сби-
 рается уже ѣхать въ Сала-
 манку. Тотчасъ заказали сдѣ-
 лать нужное для насъ платье.
 Когда оно было готово, го-
 спожа моя велѣла уложить
 до времени все это хоро-
 шенько. Потомъ, поручивъ
 смотрѣніе за домомъ своему
 управителю, сѣла въ карету,
 запряженную чешырью му-

лами, и поѣхала по большой
дорогѣ въ Королевство Леонъ.
Всѣ служители, которымъ
надобно было играть какую
нибудь роль въ этой коме-
діи, находились при Аврорѣ.

Мы проѣхали уже Старую
Касшиллію, какъ у кареты
переломилась ось. Это слу-
чилось между Авилою и Вил-
лафлоромъ, въ трехъ или
четырехъ шагахъ отъ
замка, который видѣнъ былъ
подъ горою. Ночь наступала,
и мы не знали, что дѣлать.
Къ счастью прошелъ мимо
крестьянинъ, который вы-
велъ насъ изъ затрудненія.
Онъ объявилъ намъ, что за-
мокъ принадлежитъ Доннѣ

Эльвирѣ, вдовѣ Дона Педро Пинареса; насклазалъ намъ объ этой госпожѣ столько хорошаго, что Аврора послала меня просить у ней позволенія переночевать въ ея замкѣ. Эльвира оправдала слова крестьянина: она приняла меня ласково, и дала желаемый отвѣтъ. Мы всѣ отправились въ замокъ, куда мулы допашили пошихоньку и карешу. Вдова Дона Педро встрѣтила госпожу мою у самыхъ воротъ. Я пропустивъ учтивыя привѣтствія, сдѣланныя съ обѣихъ сторонъ при этомъ случаѣ; скажу только, что Эльвира была уже довольно пожилая жен-

щина, весьма учпивая и совершенно гостепріимная. Введши Аврору въ великолѣпную комнату, и оставивъ ее тамъ немного отдохнушь, начала она сама заботиться, чшобы у насъ не было ни въ чемъ недоспашка. Потомъ, когда кушанье было уже готово, велѣла накрышь столъ въ комнатѣ Авроры, и сѣла вмѣстѣ съ нею ужинашь. Вдова Дона Педро не принадлежала къ числу тѣхъ людей, копорые угрюмымъ и печальнымъ своимъ видомъ наводятъ на посѣщителей скуку. Она была веселаго нрава, умѣла занимать своихъ гостей, изъяснялась съ благородствомъ

и съ пріятностію. Я удивлялся остроумію ея разума. Аврора, казалось, восхищалась ею столько же, какъ и я. Онѣ очень подружились, и дали одна другой обѣщаніе вести между собою переписку. Карета наша могла бытъ готова не прежде, какъ на другой день ввечеру; а какъ ѣхать поздно было бы опасно, то и рѣшились мы остаться еще въ замкѣ на слѣдующій день. Насъ служителей и служительницъ также накормили и напоили, какъ не льзя лучше; и дали намъ такой ночлегъ, который не уступалъ угощенію.

На другой день, госпожа моя нашла въ бесѣдѣ съ Эльвиною новыя прелести. Онѣ обѣдали въ большой залѣ, гдѣ висѣло множество картинъ. Одна, между прочими, написана была масперски; она представляла весьма плачевное зрѣлище. На ней изображенъ былъ мертвый кавалеръ, лежащій гавзничъ и утопающій въ крови. Самая смерть не могла опнять у него грознаго его вида. Подлѣ него лежала молодая женщина, также распроспершая на полу, но въ другомъ видѣ. Въ грудь ея вонзена была шпага; испускающая послѣдніе вздохи, устремляла она уми-

рающій взоръ свой на молодого челоуѣка, которому потеря ея, казалось, причиняла смертельную горестъ. Недалеко отъ него стоялъ старикъ благороднаго виду, сильно тронутый предметами, глаза его поражающими. Онъ былъ также печаленъ, какъ и молодой челоуѣкъ. Эта трагическая сцена, повидимому, сдѣлала надъ обоими ими весьма сильное впечатлѣніе, только чувствованія ихъ были различны. Сстарикъ, погруженный въ глубокую горестъ, казался совершенно удрученнымъ ею; напротивъ того печаль молодого челоуѣка смѣшана была съ яростію. Все

сіе написано было такъ искусно и такъ живо, что мы не могли довольно насмотрѣться. Госпожа моя спросила, что за происшествіе представляетъ эта картина?— „Вы видите, сударыня, ошвѣчала Эльвира, вѣрное изображеніе несчастій моей фамиліи.“—Такой ошвѣтъ возбудилъ любопытство Авроры. Она изъявила споль сильное желаніе узнать о томъ болѣе, что вдова Дона Педро должна была обѣщать удовлетворить ея просьбу. Это обѣщаніе, сдѣланное при господѣ Оршицъ, двухъ ея подругахъ и при мнѣ, остановило насъ всѣхъ четверыхъ

въ залѣ, по окончаніи сшолла. Госпожа моя хошѣла насъ выслать; но Эльвира, примѣшивъ, что намъ смертельно хочешся услышашъ изъясненіе картины, позволила намъ оспашься, сказавъ, что исторія, которую она будетъ рассказывать, не требуетъ тайны. Минуту спустя, начала она повѣсшвовање свое слѣдующимъ образомъ,

ГЛАВА IV.

Бракъ изъ мщенія.

У Рожера, Короля Сицилійскаго, были братъ и сестра. Манфредъ (такъ звали брата) взбунтовался противъ него; но потерявъ, по несчастію, два сраженія, попался въ руки Короля, копорый, въ наказаніе за возмущеніе, лишилъ его только свободы. Не смотря на такое милосердіе, многіе изъ подданныхъ почитали Рожера варваромъ. Одни говорили, что онъ продлилъ жизнь своему брату только для того,

чтобы совершивъ надъ нимъ медлѣнное и безчеловѣчное мщеніе. Другіе, съ большею основательностію, приписывали Матильдѣ, сестрѣ Рожера и Манфреда, всѣмъ тѣмъ жестокостямъ, которыя послѣдній претерпѣвалъ въ темницѣ. Въ самомъ дѣлѣ, эта Принцесса чрезвычайно ненавидѣла несчастнаго своего брата и не переставала гнать его во всю жизнь. Она умерла скоро послѣ него и смершь ея почитали праведнымъ наказаніемъ за ея звѣрскіе съ нимъ поступки.

Послѣ Манфреда остались два малолѣтніе сына. Рожеру хотѣлось сбыть ихъ съ рукъ:

онъ опасался, чтобы, пришедши въ совершенный возрастъ, не вздумали они мстить за своего отца и вооружить опять паршію, которая не совсемъ еще была испреблена, и могла причинить въ Государствѣ новое возмущеніе. Онъ открылъ это намѣреніе Министру своему, Сенатору Леонтіо Сиффреди, который, желая отклонить его отъ такого ужаснаго предпріятія, принялъ на себя воспитаніе старшаго Принца, Генриха, а младшаго, котораго звали Донъ Педро, совѣщавалъ поручить надзору Коннеша-

ля (*) Сицилійскаго. Рожеръ, не сомнѣваясь, что племянники его будутъ воспитаны сими двумя особами въ должномъ къ нему повиновеніи, отдалъ ихъ имъ на руки, а самъ взялъ на себя воспи-

---

(*) *Коннетабль*, Главнокомандующій надъ войсками. Въ Испаніи было два Коннешабля: Каспильскій и Наваррскій. Они раздѣляли между собою почти неограниченную власть надъ всѣми войсками Государства. Коннешабли были также и во Франціи до 1627 года, когда Людовикъ XIII, по смерти Коннешабля Ледигьера, отменилъ сіе Государственное званіе, сдѣлавшееся опаснымъ для Королевской власти, и командованіе арміею, съ нѣко-

таніе племянницы своей, Констанціи. Эта единственная дочь Машильды была однихъ лѣтъ съ Генрихомъ. Король назначилъ ей приличный шпашъ, опредѣлилъ къ ней самыхъ лучшихъ учипелей и не щадилъ ничего для ея воспитанія.

порымъ ограниченіемъ, ввѣрилъ Маршаламъ Франціи, которые до того времени были Намѣстниками Коннетабля. Испанское и Французское Правительсшво въ Сициліи подало поводъ ко введенію и шамъ сего достоинсшва. Со времени Вильгельма Завоевателя до 13 года царсшвованія Генриха VIII, имѣла и Англія своихъ Коннетаблей : достоинсшво сіе было наслѣдсшвенное.

Леонтіо Сиффреди имѣлъ замокъ, въ двухъ миляхъ отъ Палермы, въ мѣстечкѣ Бельмоншъ. Тутъ - то старался онъ сдѣлать Генриха достойнымъ вступить со временемъ на Сицилійской престолъ. Скоро замѣтилъ онъ въ молодомъ Принцѣ столько хорошихъ качествъ, что полюбилъ его какъ роднаго своего сына. Впрочемъ и онъ имѣлъ двухъ дочерей. Старшая, по имени Бланка, годомъ моложе Принца, была совершенная красавица; а меньшая, Порція, рожденіе которой стоило жизни ея матери, находилась еще въ колыбели. Бланка и Принцъ Ген-

рихъ почувствовали любовь другъ къ другу, какъ скоро сдѣлались способны любить; но имъ не лъзя было видѣться наединѣ. Не смотря на то Принцъ находилъ иногда минуты для тайнаго свиданія съ Бланкою и умѣлъ ими воспользоваться. Онъ убѣдилъ Сиффредіеву дочь, чтобы она позволила ему исполнить намѣреніе, о которомъ давно уже думалъ. Это случилось въ то самое время, когда Леонтіо долженъ былъ, по повелѣнію Короля, ѣхать въ отдаленнѣйшую обласъ острова. Въ его отсутствіе Генрихъ приказалъ сдѣлать отъверзшіе въ стѣнѣ своей

комнаты, находившейся под-
лѣ Бланкиной спальни. Это
отверзсіе закрыто было
деревянною задвижкой, ко-
торая будучи весьма искусно
задѣлана рѣзною по дереву
работою, отодвигалась и за-
двигалась самымъ непримѣт-
нымъ образомъ. Искусный ху-
дожникъ, котораго Принцъ
склонилъ на свою сторону,
произвелъ эту работу съ ве-
личайшею поспѣшностію и
скрытностію.

Влюбленный Генрихъ про-
крадывался иногда черезъ
это отверзсіе въ спальню
своей любовницы, однакожь
не употреблялъ во зло ея
снисхожденія. Если она и

имѣла неосторожность позво-
 волишь ему входить пихонь-
 ко въ ея комнату, но по
 крайней мѣрѣ сдѣлала это
 послѣ данныхъ имъ обеща-
 ній, что онъ никогда не по-
 требуетъ отъ нее ничего,
 кромѣ самыхъ невинныхъ бла-
 госклонностей. Въ одну ночь
 нашелъ онъ ее въ величай-
 шемъ безпокойствѣ; она у-
 знала, что Рожеръ при кон-
 цѣ жизни, и что потребо-
 валъ къ себѣ Сиффреди, какъ
 Великаго Государственнаго
 Канцлера, для составленія съ
 нимъ духовнаго завѣщанія.
 Бланка уже представляла се-
 бѣ любезнаго своего Генриха
 на тронѣ, и опасалась по-

перяшь его, когда будетъ
 онъ на сей высокой степени.
 Такой страхъ произвелъ силь-
 ное волненіе въ ея сердцѣ;
 когда Принцъ вошелъ, то у
 нее на глазахъ показались
 слезы. „Вы плачете, судары-
 ня, сказалъ онъ ей: что дол-
 женъ я думать о вашей печа-
 ли?“—Ваше Высочество!—оп-
 вѣчала Бланка—немогу скрыть
 отъ васъ моей горести. Ко-
 роля, вашего дяди, скоро не
 будетъ на свѣтѣ, и вы за-
 сшупите его мѣсто. Когда
 привожу себѣ на мысль, сколь
 много опдалишъ васъ отъ
 меня новое ваше высокое зва-
 ніе, то, признаюсь, чувствую
 немалое безпокойство. Мо-

нархъ смотришь на все не такъ, какъ обыкновенный любовникъ, и то, что было единственнымъ предметомъ его желаній, когда онъ признавалъ еще надъ собою чью нибудь власть, дѣлаетъ на него уже весьма слабое впечатлѣніе на тронѣ. Не знаю, истинное или обманчивое предчувствіе снѣсняетъ мое сердце: самая увѣренность въ вашей ко мнѣ привязанности не можетъ его успокоить. Не сомнѣваюсь въ вашемъ постоянствѣ; сомнѣваюсь только въ моемъ благополучіи. — „Обожаемая Бланка! опасеніе ваше для меня лестно: оно оправдываетъ мою къ вамъ

привязанность; но неумѣст-
ное сомнѣніе ваше оскор-
бляетъ мою любовь, и, если
смѣю сказать, уваженіе, ко-
торое вы имѣете ко мнѣ обя-
заны. Нѣтъ, не думайте,
чтобы судьба моя могла быть
разлучена съ вашей. Вы для
меня все: единственная моя
опрада, единственное мое
счастье. Оставьте напрасной
страхъ: зачѣмъ отправлять
имъ столь сладостныя ми-
нуты?“—Ахъ, Ваше Высоче-
ство! при вступленіи вашемъ
на престолъ, подданные ва-
ши могутъ потребовать отъ
васъ, чтобы вы, для присо-
единенія новыхъ владѣній къ
вашему Государству, всту-

пили въ бракъ съ какою нибудь Принцессою, происшедшею отъ древней Королевской фамиліи, и уввы! можешъ бышь, прошивъ воли своей, должны вы будете согласиться на ихъ требованіе и пожертвовать для ползы Государства склонностію своего сердца.— „Зачѣмъ—вскричалъ Генрихъ съ жаромъ—зачѣмъ мучишь себя прежде времени, и представляешь будущее въ такомъ печальномъ видѣ? Если Богу угодно будешъ разлучишь насъ съ Королемъ, моимъ дядей, и сдѣлашь меня обладателемъ Сициліи: то обещаюсь опдашь вамъ мою руку въ Па-

лермѣ, въ присутствіи всего Двора. Клянусь въ томъ всемъ, что ни есть свято!“

Увѣренія Генриха успокоили нѣсколько дочь Сиффредіеву. Они спали потомъ говорить о болѣзни Короля. Генрихъ показалъ при семъ случаѣ доброту своего сердца, изъяснивъ искреннее сожалѣніе объ участи дяди, не смотря на то, что не имѣлъ причины огорчаться слишкомъ его смертію: сила родства невольно принудила его пожалѣть о Государѣ, копорого кончина обѣщала ему корону. Бланка не знала еще всѣхъ угрожавшихъ ей несчастій. Ковнешабль Сици-

лійской , прїѣхавъ однажды въ Бельмонтъ по нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ, увидѣлъ ее, какъ она выходила изъ кабинета своего отца, и былъ пораженъ ея красотою. На другой же день просилъ онъ у Сиффреди руки ея , и получилъ отъ него обѣщаніе ; но въ это самое время Рожеръ сдѣлался боленъ; почему отложили бракосочетаніе, и Бланкъ ничего о томъ не сказали.

Однажды утромъ , когда Генрихъ лишь только успѣлъ одѣться , Леонтіо и Бланка, къ удивленію его, вошли къ нему въ комнату. „Государь, сказалъ ему Министръ, я при-

несъ вамъ печальную вѣсть;
но утѣшеніе, соединенное съ
нею, должно умѣришь вашу
горестъ. Король, вашъ дядя,
скончался; смерть его дѣ-
лаетъ васъ наслѣдникомъ его
престола. Сицилія покоряет-
ся вамъ. Гранды Королевства
ожидаютъ вашихъ повелѣній
въ Палермѣ. Мнѣ поруче-
но принять ихъ изъ устъ
вашихъ; и я пришелъ съ моею
дочерью принеши Вашему
Величеству первую и искрен-
нѣйшую присягу, которою
обязаны вамъ новые ваши
подданные.—Принцъ, зная,
что Рожеръ цѣлые уже два
мѣсяца былъ опасно боленъ,
не удивился этому извѣстію.

Однакожь, будучи пораженъ внезапною переменною своего состоянія, почувствовалъ въ сердцѣ своемъ различныя движенія. Нѣсколько времени пребылъ онъ безмолвенъ; потомъ, прервавъ молчаніе, сказалъ Леоншію: „Мудрый Сиффреди, я всегда почишалъ васъ какъ своего отца. Долгомъ себѣ поставлю слѣдовать во всемъ совѣщаніямъ вашимъ, и вы будете владѣть Сициліею гораздо болѣе, нежели я.“— При сихъ словахъ подошелъ онъ къ столу, на кошоромъ была чернильница, и взявъ листъ бѣлой бумаги, написалъ внизу его свое имя. —Государь! что вы хотише

дѣлать?—спросилъ Сиффредди.— „Изъявлю вамъ признательность мою и уваженіе“—отвѣчалъ Генрихъ. Потомъ, подавая листъ Бланкѣ, сказалъ: „примите, сударыня, залогъ моей вѣрности и власти, которую я даю вамъ надъ собою.“ Бланка взяла листъ покраснѣвши и отвѣчала Принцу:—Государь! съ должнымъ благоговѣніемъ принимаю столь неоцѣненную милость Вашего Величества; но я завишу отъ родителя, и такъ позвольте мнѣ вручить эту бумагу ему: благо-разуміе его внушитъ ему, какое должно сдѣлать изъ нее употребленіе.

Она дѣйствительно отдала бумагу своему отцу. Тогда только Сиффреди узналъ то, что до сихъ поръ скрывалось отъ пронцапельныхъ его взоровъ. Онъ не могъ уже сомнѣваться въ чувствованіяхъ Принца, и сказалъ ему: „Ваше Величество будете мною довольны. Не употреблю во зло довѣренности, которую. . . .“—Любезный Леонтіо, прервалъ Генрихъ, путь не можетъ быть злоупотребленія. Что вы ни сдѣлаете съ подписаннымъ мною листомъ, я на все буду согласенъ. Но, продолжалъ онъ, поѣзжайте теперь въ Палерму, прикажите сдѣлать нуж-

ныя приготовленія къ моему
 коронованію, и объявите под-
 даннымъ моимъ, что и я въ
 слѣдъ за вами прїѣду при-
 нявъ отъ нихъ присягу въ
 вѣрности и обнадежитъ ихъ
 въ моей благосклонности. —
 Министръ повиновался пове-
 лѣнію новаго своего Госуда-
 ря и поѣхалъ съ дочерью въ
 Палерму.

Нѣсколько часовъ спустя
 послѣ ихъ отъѣзда, Принцъ
 отправился также изъ Бель-
 монша, будучи занявъ болѣе
 своею любовію, нежели вы-
 сокимъ саномъ, въ который
 вступитъ готовился. При
 въѣздѣ въ городъ, встрѣ-
 чень онъ былъ толпою на-

рода, и посреди радостныхъ восклицаній, вошелъ во дворецъ, гдѣ все было уже готово къ церемоніи. Онъ увидѣлъ тамъ Принцессу Констанцію въ глубокомъ траурѣ. Смерть Рожера, казалось, сильно ее тронула. Будучи обязаны изъявить другъ передъ другомъ сожалѣніе о кончинѣ Короля, они сдѣлали это съ великою пристойностію и благоразуміемъ; только Генрихъ въ привѣпствіи своемъ показалъ болѣе холодноши, нежели Констанція, которая, не смотря на бывшіе въ ихъ фамиліи раздоры, не могла ненавидѣть Принца. Онъ вошелъ на тронъ,

а Принцесса сѣла возлѣ него въ креслы, поставленные нѣсколько пониже. Гранды Королевска заняли свои мѣста по старшинству. Церемонія началась. Леонтію, какъ Государственный Канцлеръ и хранишель завѣщанія покойнаго Короля, распечатавъ его и прочелъ въ слухъ. Содержаніе онаго было то, что Рожеръ, не имѣя дѣшей, объявляетъ послѣ себя наследникомъ престола старшаго Манфредова сына, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ вступилъ въ бракъ съ Принцессою Констанціею; въ случаѣ же его на то несогласія, лишается онъ короны, которая

достанется Инфаншу Дону Педро, брату его, съ такимъ же условіемъ.

Споль неожиданное завѣщаніе привело Генриха въ величайшее изумленіе. Не лъзя описать горести, которую онъ отъ того почувствовалъ, и которая еще увеличилась, когда Леонтіо, прочитавъ завѣщаніе, сказалъ всему собранію: „Господа! новый Монархъ нашъ повинуется послѣдней волѣ покойнаго Короля, и соглашается удостоить руки своей Принцессу Констанцію, двоюродную сестру свою.“— При сихъ словахъ Генрихъ прервалъ Канцлера.— Леонтіо, сказалъ онъ

ему, вспомните о той бума-
гѣ, которую вамъ Бланка....
„Вошъ она, Государь! отвѣ-
чалъ Сиффреди, не давши
Принцу договорить. Гранды
Королевства — продолжалъ
онъ, показывая бумагу собра-
нію—увидятъ изъ августѣй-
шей подписи Вашего Величе-
ства уваженіе, которое имѣе-
те вы къ Принцессѣ, и совер-
шенную покорность вашу къ
исполненію завѣщанія покой-
наго Короля, вашего дяди.“

Сказавъ сіи слова, прочелъ
онъ акшъ, написанный имъ
на листѣ, который полу-
чилъ отъ Бланки. Новый Ко-
роль дѣлалъ въ сей бумагѣ
торжественное обѣщаніе сво-

ему народу вступишь въ бракъ съ Констанціею, согласно Рожеровой волѣ. Радоспныя восклицанія раздались по залѣ.— „Да здравствуетъ великодушный нашъ Король, Генрихъ!“— вскричали всѣ присутствовавшіе.

Что Принцъ не любилъ Констанцію, то было всѣмъ извѣстно, а потому не безъ причины опасались, чтобы онъ не воспротивился этой счастъ завѣщанія, и не причинилъ возмущеній въ Королевствѣ; но чтеніе такого акта, убѣдивъ Грандовъ и народъ въ прошивномъ, произвело всеобщія восклицанія, которыя раздирали сердце несчастнаго Монарха.

Констанція, не ожидавшая получить короны и давно уже любившая Генриха, болѣе всѣхъ была обрадована; она воспользовалась симъ случаемъ, чтобы увѣрить его въ своей благодарности. Напрасно старался Принцъ принудить себя: онъ выслушалъ приѣздъ Принцессы съ такимъ смущеніемъ, былъ въ такомъ замѣшательствѣ, что не могъ даже отвѣчать ей и того, чего требовала отъ него благоприспособность. Наконецъ, не въ силахъ будучи долѣе владѣть собою, подошелъ онъ къ Сиффреди, который по званію своему обязанъ былъ находиться близь

него, и сказалъ ему тихонько: „Что вы дѣлаете, Леонтіо? Листъ, который вручилъ я вашей дочери, назначенъ былъ не для такого употребленія. Вы измѣняете...“

—Государь!—прервалъ Сиффреді швердымъ голосомъ, подумайте о своей славѣ. Если вы опречетесь исполнить волю Короля, вашего дяди, то лишитесь короны.—Сказавши это, потчасъ отошелъ отъ Короля, чтобы не дать ему времени отвѣчать. Генрихъ остался въ чрезвычайномъ недоумѣніи; тысяча различныхъ движеній волновали его душу. Онъ сердился на Сиффреді; не могъ рѣ-

шипясь оставишь Бланку ; колебался между ею и своею славою и не зналъ, что дѣлать. Наконецъ онъ рѣшился, и думалъ, что нашелъ средство сохранить Сиффредіеву дочь , не лишаясь престола. Онъ припворился , будто охотно повинуетъ волѣ Рожера , намѣреваясь , между тѣмъ , какъ будутъ испрашивать въ Римѣ разрѣшенія на бракъ его съ двоюродною сестрою , привлечь къ себѣ благосклонностію своею Грандовъ Королевства , и утвердить власть свою такимъ образомъ, чтобы не лѣзя уже было принудить его къ исполненію завѣщанія.

Принявши такое намѣреніе, сдѣлался онъ спокойнѣе, и оборотясь къ Констанціи, подтвердилъ ей то, что Великій Канцлеръ прочелъ предъ всѣмъ собраніемъ. Но, въ ту самую минушу, когда онъ проливъ чувствъ своихъ давалъ ей обѣщъ въ вѣрности, вошла въ залу Бланка. Она пришла туда по приказанію отца своего, чтобы принести поздравленіе Принцессѣ и услышала, какія обѣщанія дѣлалъ ей Генрихъ. Леонтіо, желая увѣришь ее совершенно въ ея несчастіи, сказалъ, предсказывая ее Констанціи: „Дочь моя, вошь твоя Королева! Изъяви ей предан-

ность свою и пожелай ей счастливаго правленія и брака.“— Эти слова были громовымъ ударомъ для несчастной Бланки. Напрасно хотѣла она скрыть свое опечаленіе. Лице ея то краснѣло, то блѣднѣло; всѣ члены дрожали. Однакожь Принцесса не взяла на нее никакого подозрѣнія. Она приписывала замѣшательство ея и несвязность привѣтствія обыкновенной застѣнчивости дѣвицъ, воспитанныхъ въ уединеніи и непривыкшихъ еще къ придворному обращенію. Но не въ такомъ положеніи былъ молодой Король. Видъ Бланки привелъ его въ сму-

щеніе ; а опчаяніе , которое примѣшилъ онъ въ глазахъ ея , лишило его послѣдней швердосми. Онъ не сомнѣвался , что судя по наружности , она почтетъ его невѣрнымъ . Безпокойство его не такъ было бы велико , еслибъ онъ могъ перегово-рить съ нею ; но какъ сыскашь къ тому случай , когда вся Сицилія , такъ ска-зашъ , не спускала глазъ съ него? Наконецъ жестокой Сиф-фреди опнялъ у него и по-слѣднюю надежду. Опгады-вая тайну любовниковъ , и желая опвратить несчастія , копорыя спраспная любовь ихъ могла причинишь Госу-

дарству, онъ искуснымъ образомъ вывелъ дочь свою изъ собранія, и поѣхалъ съ нею въ Бельмоншъ, въ швердомъ намѣреніи выдать ее за мужъ, какъ можно скорѣе.

По пріѣздѣ ихъ туда, онъ открылъ ей весь ужасъ несчастной судьбы ея—объявилъ, что Коннетабль ей женихъ.— „Праведное Небо!—вскричала она въ горести, которую не могло удержатъ и присутствіе отца—какія ужасныя мученія готовишь ты несчастной Бланкѣ!“—Отъ сильнаго волненія лишилась она чувствъ. Смертный хладъ разлился по жиламъ ея; она поблѣднѣла и упала въ без-

памятствѣ на руки къ отцу. Онъ былъ тронутъ ея положеніемъ; но оставался непоколебимъ въ первомъ своемъ намѣреніи. Наконецъ Бланка пришла опять въ чувство, болѣе отъ сильной горести, нежели отъ воды, которою Сиффреди брызгалъ ей въ лице. Открывъ томные глаза и увидѣвъ, съ какимъ усердіемъ отецъ ея спарается помогать ей: „бапюшка, сказала она ему прерывающимся голосомъ, спыжусь, что показала вамъ мою слабость; но смерть, которая скоро кончитъ мои мученія, освободитъ васъ отъ несчастной дочери, осмѣлившейся

располагать сердцемъ своимъ безъ вашего согласія.“—Нѣтъ, любезная Бланка, отвѣчалъ Леонтіо, ты не умрешь, и добродѣтель твоя опять надъ побѣдою восторжествуетъ. Конешабль дѣлаетъ тебѣ честь, требуя руки твоей: знатнѣе его нѣтъ во всемъ Государствѣ . . . ., Я уважаю его самого и его достоинства, прервала Бланка; но Король подалъ мнѣ надежду. . .“ — Довольно, дочь моя! Любовь твоя къ Государю мнѣ извѣстна, и я не охуждалъ бы ее въ другихъ обстоятельствахъ. Ты увидѣла бы даже ревностныя старанія мои къ соединенію тебя съ Ген-

рихомъ , еслибъ собственная
его честь и честь цѣлой на-
ціи не принуждали его оп-
даться руку свою Констанціи.
Только съ тѣмъ условіемъ
покойный Король и назна-
чилъ его преемникомъ престо-
ла , чтобы онъ женился на
Принцессѣ. Не ужь ли хо-
чешь ты , чтобы онъ пред-
почелъ тебя Сицилійской ко-
ронѣ? Повѣрь , что смертель-
ный ударъ , поражающій те-
бя , чувствительнѣе и моему
сердцу. Но мы не можемъ про-
тивиться опредѣленію судь-
бы. И такъ будь великодуш-
на: преодолѣй себя. Ты долж-
на опомнѣть всѣхъ скрывать , что
льстивалась пустою надеждою:

честь твоя того требуетъ. Страсъ твоя къ Королю можетъ подасть поводъ къ невыгоднымъ для тебя под-камъ; чшобы избѣгнушь эшаго, остается тебѣ одно только средство — отдашь руку Коннетаблю. Словомъ, Бланка, разсуждаешь теперь болѣе не о чемъ. Король предпочитаетъ тебѣ престолъ онъ; женился на Констанціи. Я далъ слово Коннетаблю. Ты должна согласишься: я прошу тебя; если же, для убѣжденія твоего къ тому, нужна родительская власть, то я тебѣ приказываю. —

При сихъ словахъ Леонтіо оставилъ ее, чшобы дать ей

время подумашъ о сдѣланномъ
 имъ предложеніи. Онъ надѣ-
 ялся, что обдумавъ все на
 свободѣ, она сама рѣшится
 выдши за Коннетабля. Онъ
 и не ошибся въ этомъ. Но
 чего стоило несчастной Блан-
 къ принять такое намѣреніе!
 Она была въ самомъ жало-
 сномъ положеніи. Видя, что
 подозрѣнія ея на невѣрность
 Генриха сбываются на са-
 момъ дѣлѣ, и принуждена бу-
 дучи, лишась его, опдашся
 человѣку, котораго не могла
 любить, чувствовала она же-
 спочайшія мученія; каждая
 минута была для нее новымъ
 страданіемъ.— „Если несча-
 стіе мое несомнѣнно, вскри-

чала она, то что оспается
 мнѣ, кромѣ смерти? Немило-
 сердая судьба! зачѣмъ питала
 ты меня сладчайшими надеж-
 дами, когда хотѣла низри-
 нуть въ бездну золь? А ты,
 вѣроломный любовникъ, ты
 отдаешь сердце другой послѣ
 всѣхъ обѣщаній твоихъ бывъ
 вѣрнымъ мнѣ навѣки! Не ужь
 ли могъ ты такъ скоро по-
 забыть священную клятву
 любить меня? Дай Богъ, что-
 бы въ наказаніе за жестокой
 твоей обманъ, брачное ложе,
 которое ты осквернишь вѣ-
 роломствомъ своимъ, было
 свидѣтелемъ не наслажденій
 твоихъ, но угрызений совѣ-
 сти; чтобъ ласки Констанціи

вливали смертоносный ядъ
 въ твое невѣрное сердце;
 чтобы бракъ твой сдѣлался
 для тебя столь же ужаснымъ,
 сколько и мой для меня!
 Такъ, измѣнникъ, я выду за
 Коннетабля, котораго не лю-
 блю, чтобы самой себѣ оп-
 мсшить за себя; чтобы на-
 казать себя за то, что из-
 брала тебя предметомъ моей
 безразсудной спраси! Законъ
 запрещаетъ мнѣ посягнушь
 на жизнь мою, и потому ос-
 татокъ дней моихъ будетъ
 цѣлью страданій и горестей.
 Если въ груди твоей оста-
 лась еще хоть искра любви
 ко мнѣ, то я нарочно при
 глазахъ твоихъ предамся въ

объятія другому. Если же ты совсемъ забылъ меня, то по крайней мѣрѣ Сицилія можетъ похвалиться, что произвела на свѣтъ такую женщину, которая сама наказала себя за то, что слишкомъ легкомысенно располагала своимъ сердцемъ.“

Въ такомъ ужасномъ состояніи сія несчастная жертва любви и обязанности провела ночь передъ своею свадьбою. Сиффреди, нашедши ее на другой день готовою исполнить его желаніе, поспѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. Онъ призывалъ Коннешабля въ Бельмоншъ въ тотъ же день, и

обвѣнчалъ его съ дочерью своею тайно въ домовою своею церкви. Какой день для Бланки! Не довольно того, что она отказалась отъ короны, лишилась обожаемаго ею любовника, и вступила въ бракъ съ ненавистнымъ для нее человекомъ; но еще принуждена была скрывать чувства свои отъ мужа, который не оставлялъ ее ни на минуту и чрезвычайно ревнивъ былъ отъ природы. Въ восторгъ, что обладаетъ Бланкою, безпрестанно стоялъ онъ передъ нею на колѣняхъ: не давалъ ей и горестнаго утѣшенія оплакивать наединѣ свои несчастія. При на-

спупленіи ночи, печаль ея удвоилась. Но каково ей было тогда, когда женщины ея, раздѣвши ее, оставили одну съ Коннептаблемъ? Съ самою нѣжною заботливостію спрашивалъ онъ у нее о причинѣ ея унынія. Бланка, не зная, что отвѣчать, притворилась нездоровою. Мужъ ея сначала дался было въ обманъ; но не долго оставался въ заблужденіи. Заботясь въ самомъ дѣлѣ о состояніи, въ которомъ она находилась, онъ уговаривалъ ее лечь въ постелью; однакожь просьбы его, которыя она толковала въ дурную сторону, представили воображенію ея столь

ужасную картину, что, не въ силахъ будучи долѣе принуждать себя, она дала вздохамъ и слезамъ своимъ полную волю. Какое зрѣлище для человека, который почишалъ себя на верху блаженства! Онъ уже не сомнѣвался, чтобъ печаль жены его не заключала въ себѣ чего нибудь пагубнаго для любви его. Однакожь, хотя это открытіе приводило его почти въ такое же плачевное состояніе, въ какомъ была Бланка, но онъ имѣлъ надъ собою довольно силы, чтобы скрыть свои подозрѣнія. Онъ спалъ еще болѣе прежняго упрашивая жену свою лечь въ по-

спешю, увѣряя, что не будешь ничѣмъ ее беспокоить. Предлагалъ даже позвать ея женщинъ, если она думаетъ, что онѣ могутъ доставить ей облегченіе. Это обѣщаніе немного успокоило Бланку; она сказала мужу своему, что для успокоенія нуженъ ей одинъ только сонъ. Коннетабль притворился, будто повѣрилъ ея словамъ. Оба они легли въ постелю, и провели первую ночь брака совсемъ не такъ, какъ обыкновенно проводятъ ее молодые супруги въ объятіяхъ любви и Гименея.

Между тѣмъ какъ Сиффредіева дочь предавалась горе-

спи, Коннешабль не зналъ, что о томъ думать, и искалъ настоящей причины своему несчастію. Онъ не сомнѣвался, что имѣетъ у себя соперника; но кто именно былъ этотъ соперникъ, того никакъ не могъ постигнуть и считалъ себя самымъ несчастнѣйшимъ человекомъ на свѣтѣ. Двѣ прелестныя ночи провелъ онъ въ такихъ безпокойныхъ размышленіяхъ, какъ вдругъ послышался ему какой-то шорохъ. Онъ удивился еще болѣе, когда и подлинно услышалъ, что кто-то тихонько ходилъ по комнатѣ; однако думалъ, что обманулся, вспомнивъ, что по

Выходъ Бланкиныхъ женщинъ, самъ заперъ за ними двери. Ошдернулъ занавѣску, и хотѣлъ увидѣть, что это значить; но свѣча, поставленная въ каминѣ, погасла. Вдругъ слышитъ онъ слабый и томный голосъ, который нѣсколько разъ кликалъ Бланку. Въ ярости встаетъ онъ съ постели, беретъ шпагу и идетъ въ ту сторону, откуда слышался ему голосъ. Обнаженная шпага прошившись его шпагѣ. Онъ идетъ впередъ — ошсшупаютъ; преслѣдуетъ — скрываются. Сколько темноша позволяла, онъ ищетъ по всѣмъ угламъ комнатъ того, который, каза-

лось, бѣжалъ отъ него, и—не находить. Остановливается, прислушивается, и ничего болѣе не слышно. Какое очарованіе! Приближается къ дверямъ, думая, что онъ способствовали скрыться тайному похищителю его чести; но двери попрежнему были заперты задвижкой. Не могши ничего понять изъ этого приключенія, кличетъ онъ къ себѣ людей; и отворивъ двери, становится посреди ихъ, опасаясь, чтобы не выпустилъ того, кого ищетъ.

На крикъ его прибѣгаютъ слуги съ огнемъ. Онъ беретъ свѣчу и дѣлаетъ новый обыскъ въ комнатахъ съ обнаженною

шпагою; но опять никого не находилъ; не примѣчаетъ даже ни малѣйшаго знака, чтобъ кто нибудь входилъ туда. Не видно было ни пошатенной двери, ни другаго опроверженія. При всемъ томъ былъ онъ увѣренъ, что слухъ не обманулъ его. Онъ остался въ великомъ недоумѣніи. Прибѣгнуть къ Бланкъ было бы бесполезно, ибо она имѣла причину скрывать истину: ему не льзя было ожидать отъ нее ни малѣйшаго объясненія. И такъ принялъ онъ намѣреніе открыть все Леоншю; выслалъ людей, сказавъ имъ, что ему послышался въ комнатѣ какой-то

шумъ, и что онъ обманулся. Тестъ его попался ему на встрѣчу: онъ шелъ изъ своей комнаты, услышавъ въ домѣ тревогу. Коннетабль разсказалъ ему все, что случилось, съ такимъ видомъ и такимъ тономъ, изъ которыхъ можно было замѣтить чрезвычайное его волненіе и глубокую горестъ.

Это приключеніе изумило Сиффреди. Хотя оно и казалось ему не естественнымъ, однакожь онъ нисколько не сомнѣвался въ его справедливости. Для любви Короля почишалъ онъ все возможнымъ, и эта мысль чрезвычайно его печалила. Но вмѣ-

сто того, чтобы подтвердить подозрѣнія своего зятя, онъ представлялъ ему съ увѣришельнымъ видомъ, что голосъ, который ему слышался, и шпага, которая будто бы прошивилась его шпагѣ, ничто иное, какъ призраки разгоряченнаго ревностию воображенія; что не возможно, чтобы кто нибудь входилъ въ спальню его дочери; что причиною ея грусти можетъ быть какой нибудь припадокъ; что перемѣна состоянія дѣвицы, привыкшей жить въ уединеніи, и отданной неожиданно замужъ за такого человека, котораго она не имѣла еще

времени узнать и полюбить, легко могла бытъ также и спочникомъ слезъ, вздоховъ и сильной горести; что любовь въ сердцахъ благородныхъ дѣвицъ рождается только отъ времени и стараній; почему совѣтовалъ ему успокоиться, удвоить свою нѣжность и угожденія, чтобы шѣмъ пріобрѣсти къ себѣ довѣренность и любовь Бланки; наконецъ просилъ его возвратиться къ ней, увѣряя, что подозрѣнія его и безпокойство оскорбляютъ ея добродѣтель.

Коннетабль не отвѣчалъ ничего на представленія своего шесня, потому ли, что

въ самомъ дѣлѣ убѣжденъ
былъ его словами, или по
той причинѣ, что счелъ за
лучшее притвориться, неже-
ли напрасно увѣрять ста-
рика въ такомъ невѣроят-
номъ приключеніи. Онъ воз-
вращился въ комнату жены
своей, легъ подлѣ нее, и ста-
рался успокоиться нѣсколько
въ объятіяхъ сна. И Бланка,
несчастливая Бланка, была не
спокойнѣе: она слышала то
же самое, что и мужъ ея, и
не почитала за призракъ во-
ображенія произшествіе, ко-
торого тайныя причины бы-
ли ей совершенно извѣстны.
Она удивлялась, какъ Генрихъ
вздумалъ придти въ ея спаль-

ню, отдавши торжественно руку свою Констанціи. Вмѣсто того, чтобы радоваться этому поступку, она почтала его новымъ для себя оскорбленіемъ, и сердце ея распалилось гнѣвомъ.

Между тѣмъ какъ Сиффредіева дочь, предубѣжденная противъ молодаго Короля, почтала его виновнѣйшимъ человекомъ, этотъ несчастный Государь, плѣненный Бланкою болѣе, нежели когда нибудь, неперпѣливо желалъ переговорить съ нею, и оправдать себя въ томъ, въ чемъ по наружности казался онъ ей виновнымъ. Генрихъ пріѣхалъ бы въ Бельмоншъ

гораздо ранѣе, еслибѣ дѣла, которыми онъ долженъ былъ заниматься, не задержали его; при томъ же не могъ скрыться отъ глазъ своихъ придворныхъ прежде наступленія ночи. Онъ очень хорошо зналъ всѣ входы и выходы мѣста, въ которомъ былъ воспитанъ, и ему ничего не стоило пробраться въ Сиффредіевъ замокъ; онъ имѣлъ у себя и ключъ отъ потаенной двери, изъ которой былъ выходъ въ садъ. Такимъ образомъ пришелъ онъ въ прежнюю свою комнату, а потомъ и въ Бланкину спальню. Представьте себѣ, каково было его изумленіе, когда онъ

встрѣшилъ тамъ мушину
 съ обнаженною шпагою. Едва
 не измѣнилъ онъ самъ себѣ,
 и не наказалъ дерзкаго, ко-
 торый осмѣлился поднять
 нечестивую руку на Короля
 своего; но уваженіе, которое
 имѣлъ къ Бланкѣ, удержало
 его мщеніе. Онъ вышелъ так-
 же какъ вошелъ, и въ бѣль-
 шемъ смущеніи, чѣмъ прежде,
 отправился въ Палерму. При-
 ѣхавъ туда предъ разсвѣ-
 томъ, заперся въ своемъ ка-
 бинетѣ и, будучи въ чрезвы-
 чайномъ волненіи, не имѣлъ
 ни минуты покою. Онъ ду-
 малъ только о томъ, какъ
 бы скорѣе возвратиться въ
 Бельмонтъ. Безопасность его,

честь, а особливо любовь, не позволяли ему медлить объясненіемъ всѣхъ обстоятельствъ такого ужаснаго приключенія.

При наступленіи дня велѣлъ онъ приготовиться къ отъѣзду на охоту, и подъ видомъ этой забавы, заѣхалъ далеко въ Бельмоншской лѣсъ съ охотниками своими и нѣкоторыми изъ придворныхъ. Онъ занимался нѣскольکو времени звѣриною ловлею, чтобы скрыть свое намѣреніе; а когда увидѣлъ, что всякой скакалъ съ жаромъ за собаками, то поворошилъ въ сторону и поѣхалъ по дорогѣ къ Леоншіеву замку. Всѣ

пропинки въ этомъ лѣсу были ему знакомы, и онъ не могъ заблудиться. Генрихъ не щадилъ своей лошади; онъ приближался уже къ замку и думалъ, подъ какимъ бы благовиднымъ предлогомъ увидѣться ему тайно съ Бланкою, какъ, выѣхавъ на пропинку, которая вела къ одной изъ дверей звѣринца, примѣтилъ двухъ женщинъ, сидящихъ подъ деревомъ и разговаривающихъ между собою. Не сомнѣваясь, чѣмъ онъ не были изъ замка, пришелъ онъ въ волненіе; но еще болѣе смутился, когда женщины, услышавъ конской топотъ, оборотились къ нему и онъ

узналъ любезную свою Бланку. Она вышла шихонько изъ замка съ Нисою, одною изъ своихъ горничныхъ, которая участвовала во всѣхъ ея тайнахъ, чтобы по крайней мѣрѣ оплакать несчастіе свое на свободѣ.

Генрихъ полетѣлъ къ ней, бросился, такъ сказать, къ ногамъ ея. Глубочайшая горестъ, которую примѣшилъ онъ въ глазахъ ея, чрезвычайно его пронула. — „Прекрасная Бланка, сказалъ онъ ей, перестаньте печалиться. Признаюсь, вы имѣете причину почищать меня виновнымъ; но когда узнаете настоящее мое намѣреніе, тогда

не будете болѣе сомнѣваться въ моей невинности, и то, что почитаете во мнѣ преступленіемъ, примете за доказательство страстной и чрезмѣрной моей къ вамъ любви.“— Слова сіи, вмѣсто того, чтобы уменьшить горестъ Бланки, умножили еще оную. Она хотѣла отвѣчать, но рыданія прерывали ея голосъ. Король, удивленный опчаяннымъ ея положеніемъ, сказалъ ей: „Какъ! не ужели же могу я васъ успокоить? Не ужели не имѣете вы ко мнѣ нисколько довѣренности въ то время, когда для сохраненія васъ подвергаю я опасности свою корону и

самую жизнь.“— Тогда Леон-
тіева дочь, съ трудомъ
преодолѣвъ себя, отвѣчала
ему:— Государь! обѣщанія ва-
ши теперь не у мѣста. Ни-
что уже не можетъ соеди-
нить судьбы моей съ вашею.—
„Ахъ! Бланка, прервалъ Ген-
рихъ съ жаромъ, какія же-
спокія слова я отъ васъ слы-
шу? Кто можетъ похищать
васъ у любви моей? Кто за-
хочетъ подвергнуться яро-
сти Короля, который ско-
рѣе обратитъ въ пепелъ всю
Сицилію, нежели васъ ли-
шится?“— Вся ваша власть,
Государь, сказала Бланка то-
мнымъ голосомъ, ничего не
значитъ противъ препят-

спвѣй насъ разлучающихъ.
Я жена Коннетабля.

„Жена Коннетабля!...“ —
вскричалъ Король, спсшу-
пивъ на нѣскольکو шаговъ.
Онъ не могъ продолжати да-
лѣе, такъ пораженъ былъ
эпимъ неожиданнымъ уда-
ромъ; силы оставили его и
онъ упалъ на стоявшее поза-
ди его дерево. Онъ весь по-
блѣднѣлъ, дрожалъ и не въ
состояніи былъ ничѣмъ дѣй-
ствовать кромѣ глазъ, ко-
торые устремилъ на Блан-
ку столь жалоспнымъ обра-
зомъ, что она ясно могла
видѣть, какъ чувспвишельно
для него объявленное ею не-

счастіе. Она также смошрѣла на него, не говоря ни слова, и въ глазахъ ея изображалось равное страданіе. Несчастливые любовники хранили нѣсколько минутъ сіе ужасное молчаніе. Наконецъ Король, пришедши немного въ себя, сказалъ Бланкѣ со вздохомъ: „Ахъ! что вы сдѣлали? Легковѣріемъ своимъ погубили вы и меня и себя!“

Бланка, не ожидая такого упрека отъ Короля, котораго почишала виновнымъ предъ собою, съ гнѣвомъ отвѣчала ему:—Какъ? Государь! къ невѣрности присоединяете вы еще и пришествіе! Развѣ хотите, чтобы я не вѣрила

глазамъ и ушамъ своимъ? Нѣтъ, признаюсь, это уже сверхъ силъ моихъ!— „Однакожь, при всемъ томъ, вы обманулись. Что я совершенно невиненъ передъ вами и не думалъ нарушить моей къ вамъ вѣрности—столько же справедливо, какъ и то, что вы супруга Коннешабля.“— Какъ, Государь, развѣ не при мнѣ отдавали вы руку и сердце Констанціи? Не увѣряли ли вы Грандовъ, что исполните волю покойнаго Короля? Новые ваши подданные не клялись ли еѣ вѣрности Принцессѣ, какъ Королевѣ и какъ невѣстѣ Принца Генриха? Или глаза мои были тогда

ослѣплены? Скажите, скажите лучше, невѣрный, что вы предпочли престола несчастной Бланкѣ; и не приплетаясь въ помѣ, чего не чувствуете, и чего, можетъ быть, никогда не чувствовали, признайтесь, что Сицилійская корона показалась вамъ гораздо надежнѣе съ Констанціею, нежели съ дочерью Леоншія. Конечно я недостойна такого славнаго престола и сердца такого Государя, какъ вы. Я была очень тщеславна, что льстилась обладать тѣмъ и другимъ; но вамъ не должно бы было оставлять меня въ заблужденіи. Вы знаете, что

при вступленіи вашемъ на престолъ я не смѣла надѣяться на соединеніе съ вами. Зачѣмъ же вы подали мнѣ къ тому надежду? Зачѣмъ такъ жестоко меня обманули? Я обвиняла бы судьбу свою, а не васъ; по крайней мѣрѣ вы сохранили бы мое сердце и рука моя не досталась бы никому другому. Вамъ теперь уже поздно оправдываться. Я жена Коннетабля; и для прекращенія разговора, продолженіе котораго можетъ быть предосудительно моей чести, позвольте, Государь, чтобы я, не нарушая должнаго къ особѣ вашей почтенія, теперь

же оставила Ваше Величество. —

При сихъ словахъ удалилась она отъ Генриха съ такою скоростію, съ какою только могла въ тогдашнемъ своемъ положеніи. — „Поспой, жестокая! — вскричалъ онъ — не приводи въ отчаяніе Государя, который, не смотря на свои несправедливые упреки, скорѣе низпровергнетъ престолъ, нежели исполнитъ ожиданіе новыхъ своихъ подданныхъ.“ — Это теперь бесполезно, отвѣчала Бланка. Такое великодушное пожертвованіе должны бы вы были сдѣлать тогда, когда я не принадлежала еще Коннетаблю. Я уже

не свободна, и потому для меня все равно, превратится ли Сицилія въ пепель, и опдадите ли вы комунибудь свою руку. Если я была такъ слаба, что не могла сохранить моего сердца, то по крайней мѣрѣ буду имѣть довольно твердости испробовать невольныя его движенія, и показать новому Королю Сициліи, что супруга Коннешабля уже болѣе не любовница Принца Генриха. — Говоря такимъ образомъ, приблизилась она къ дверямъ звѣринца, вошла туда поспѣшно вмѣстѣ съ Нисою, и захлопнувъ за собою двери, оставила Короля въ вели-

чайшей горести. Онъ не могъ
 опомниться отъ удара, ко-
 торый нанесла ему Бланка
 извѣстіемъ о своемъ замуж-
 ствѣ.—„Несправедливая Блан-
 ка!—вскричалъ онъ—ты забы-
 ла взаимное наше общаніе!
 Не смотря на мои и твои
 клятвы, мы разлучены на-
 вѣки! И такъ сладостная
 надежда обладать твоими
 прелестями была одна толь-
 ко пустая мечта! Ахъ, жесто-
 кая! какъ дорого плачу я за то
 счастье, что ты удостои-
 вала меня нѣкогда любви
 твоей!“

Тогда блаженство соперни-
 ка представилось воображе-

нію его со всѣми ужасами ревности. Эта страсть столь сильно овладѣла имъ, что онъ рѣшился было принести въ жертву своему мщенію Коннетабля и даже самаго Сиффреды; но разсудокъ мало по малу укротилъ его гнѣвъ. Однако невозможность разувѣрить Бланку въ мнимой своей невѣрности, приводила его въ отчаяніе. Онъ надѣялся переменить ея мысли, еслибъ удалось ему поговорить съ нею на свободѣ. Полагая, что для этого непременно должно удалить Коннетабля, рѣшился онъ арестовать его, какъ человѣка сдѣлавшагося подозритель-

нымъ при погдашнихъ об-
стоятельстввахъ. И такъ
далъ объ этомъ повелѣніе
Капитану своей Гвардіи, ко-
торый предъ наступленіемъ
ночи отправился въ Бель-
монтъ, взялъ Коннетабля и
отвезъ его въ Палермской
замокъ.

Такое неожиданное происше-
ствіе произвело въ Бельмон-
тѣ чрезвычайное смятеніе.
Сиффреди тотчасъ поѣхалъ
къ Королю, чтобы увѣришь
его въ невинности своего зя-
тя, и предсказать о не-
пріятныхъ слѣдствіяхъ, мо-
гущихъ произойти отъ столь
несправедливаго съ нимъ по-
ступка. Генрихъ, который

ожидалъ того и который хотѣлъ по крайней мѣрѣ до освобожденія Коннешабля по-видашья съ Бланкою, не велѣлъ никого пускать къ себѣ въ томъ вечерѣ; однакожь Леонтію, не смотря на запрещеніе, пробрался въ кабинетъ его. — „Государь! — сказалъ онъ, представъ предъ нимъ — если позволено вѣрно-подданному жаловаться на своего Монарха, то я пришелъ жаловаться вамъ на васъ самихъ. Въ какомъ преступленіи виновенъ зять мой? Подумали ли, Ваше Величество, о томъ, что приказавъ взять его подъ стражу вы нанесли фамиліи моей

вѣчное безчестіе, и что такой поступокъ оскорбитъ и отвратитъ отъ васъ всѣхъ значнѣйшихъ людей въ Государствѣ?“—Я имѣю достоверныя извѣстія, отвѣчалъ Король, что Коннетабль находился въ непозволенныхъ сношеніяхъ съ Инфантомъ Дономъ Педро.— „Въ непозволенныхъ сношеніяхъ!—прервалъ удивленный Леонтіо. Ахъ! Государь, не вѣрьте этому. Васъ обманываютъ. Никогда въ Сиффредіевомъ родствѣ не бывало и не будетъ измѣнниковъ. Коннетабль мой зяць и—одно уже это избавляетъ его отъ всякихъ подозрѣній. Коннетабль

невиненъ ; тайныя причины побудили васъ взять его подъ стражу.“

—За вашу откровенность долженъ я заплащать вамъ моею—отвѣчалъ Король. Вы жалуетесь на заключеніе Кон-нешабля ; а я развѣ не могу пожаловаться на жестокость вашу? Немилосердый Сиффредди! вы лишили меня спокой-ствія и довели до того, что я завидую жребію самаго послѣдняго изъ моихъ поддан-ныхъ. Не ожидайте , чтобы я согласился исполнить планъ вашъ. Бракъ мой съ Кон-станціею не состоится . . . .
„Какъ , Государь! прервалъ Леоншіо съ ужасомъ , Прин-

цесса не будетъ сѹпругою вашею? Не вы ли сами, предъ лицомъ всего вашего народа, дали ей торжественно въ томъ обѣщаніе? — Если я прибѣгнулъ къ обману, то вы одни тому виною. Зачѣмъ вы принудили меня обѣщать то, чего не могу исполнить? Кто велѣлъ вамъ написать имя Констанціи на листѣ, отданномъ мною вашей дочери? Намѣреніе мое было вамъ извѣстно: зачѣмъ же поступили вы такъ безчеловѣчно съ Бланкою, выдавъ ее за человѣка, котораго она не любила? Какое право имѣете вы надъ сердцемъ моимъ, чтобы располагать имъ въ

пользу Принцессы, которую я ненавижу? Развѣ вы забыли, что она дочь жестокой Машильды, которая, презрѣвъ законы крови и челоуѣчества, заставила отца моего окончить дни свои въ ужасномъ заключеніи? И мнѣ женишься на ней! Нѣтъ, Сиффреди, не надѣйтесь эшаго. Прежде, нежели зажженъ будетъ столь ненавистный для меня брачный свѣшльникъ, увидите вы всю Сицилію въ пламени и поля ея наводненныя кровью.

„Что я слышу? вскричалъ Леонтіо. Ахъ, Государь! какими ужаснѣйшими бѣдствіями угрожаете вы всѣмъ намъ! Но нѣтъ, напрасно

опасаюсь я, продолжалъ онъ
перемѣнивъ тонъ: вы столь
много любите своихъ под-
данныхъ, что конечно не за-
хотише сдѣлать ихъ несча-
стными. Вы не дадите вос-
торжесцвовать надъ собою
любви; вы не помрачите до-
бродѣтелей своихъ слабостя-
ми, свойственными обыкно-
веннымъ людямъ. Я выдалъ
дочь мою за Коннешабля для
того только, чтобы досла-
вить Вашему Величеству
храбраго подданнаго, кото-
рый бы могъ рукою своею
и войскомъ, ему ввѣреннымъ,
защищать права ваши про-
тивъ Принца Дона Педро.
Я думалъ, что соединя его съ

домою моимъ споль пѣ-
 снымъ союзомъ. . . .“ Эшотъ
 самый союзъ, вскричалъ Ген-
 рихъ , эшотъ бѣдспвенный
 союзъ и погубилъ меня. Же-
 стокой другъ ! зачѣмъ нане-
 сли вы мнѣ споль чувстви-
 тельный ударъ ? Приказы-
 валъ ли я вамъ стараться о
 моей пользѣ противъ жела-
 ній моего сердца ? Зачѣмъ не
 хотѣли вы , чтобы я самъ
 защищалъ права мои ? Развѣ
 я не имѣю довольно муже-
 сшва , для усмиренія пѣхъ
 изъ моихъ подданныхъ , ко-
 торые вздумали бы мнѣ вос-
 прошивишья. Я умѣлъ бы
 наказашъ Коннешабля, еслибъ
 онъ осмѣлился неповиновашья

мнѣ. Знаю, что Государи не должны быть тиранами, что первѣйшая ихъ обязанность пещись о благоденствіи своего народа; но должны ли они быть рабами своихъ подданныхъ, и съ той минуты, какъ Провидѣніе вручаетъ имъ скипетръ, лишаются ли они права, которое природа даетъ всѣмъ людямъ—располагать своими чувствами? Ахъ! если они не могутъ пользоваться имъ наравнѣ съ послѣдними изъ смертныхъ, то возьми же назадъ верховную власть, которую вы хотѣли доставить мнѣ съ нарушеніемъ моего свойства.—

„Извѣспно Вашему Величеству, возразилъ Миниспиръ, что покойный Король назначилъ преемникомъ престола того, кто будетъ супругомъ Принцессы.“— А по какому праву, вскричалъ Генрихъ, сдѣлалъ онъ это завѣщаніе? Развѣ и онъ съ такимъ же условіемъ получилъ въ наслѣдство престолъ отъ своего брата, Короля Карла? Зачѣмъ вы были такъ слабы и согласились на столь несправедливое постановленіе? Непроспительно Великому Канцлеру столь худо знать наши обычаи. Однимъ словомъ, обѣщая руку свою Констанціи, я сдѣлалъ это

прошивъ моей воли. Я не
 намѣренъ сдержать своего
 слова; и если Донъ Педро
 основываетъ на отказѣ мо-
 емъ надежду вступитъ на
 престолъ, то чтобы не до-
 вести народъ до междоусоб-
 ной и кровопролитной вой-
 ны, пусть рѣшитъ оружіе,
 кто изъ насъ достойнѣе цар-
 ствовать.—Леонтіо не смѣлъ
 болѣе ему противорѣчить, и
 стоя предъ нимъ на колѣ-
 няхъ, просилъ объ освобож-
 деніи своего зятя, что ему
 и обѣцано. „Поѣзжайте опять
 съ Бельмоншъ, сказалъ ему
 Король, Коннетабль вслѣдъ
 за вами шуда будетъ.“—
 Министръ вышелъ, и воз-

вратился въ Бельмоншъ, будучи увѣренъ, что зящъ его скоро за нимъ пріѣдетъ. Онъ обманулся. Генрихъ хопѣлъ въ эту ночь видѣться съ Бланкою, и для того освобожденіе мужа ея опложилъ до слѣдующаго утра.

Между тѣмъ Коннетабль находился въ самомъ ужасномъ положеніи. Заключение открыло глазамъ его настоящую причину его несчастія. Ревность совершенно овладѣла имъ, и онъ, позабывъ долгъ вѣрнопопданнаго, который свято соблюдалъ до того времени, дышалъ однимъ только мщеніемъ. Полагая, что Король не про-

пустишь ночью поспишь
 Бланку, и желая заспать ихъ
 вмѣстѣ, онъ просилъ Комен-
 данта Палермской крѣпости,
 чшобы отпустилъ его толь-
 ко на ночь, обѣщаясь воз-
 вращишься назадъ до раз-
 свѣта. Комендантъ, совер-
 шенно ему преданный, со-
 гласился охотно на его прось-
 бу, зная, что Сиффреди не-
 премѣнно исходатайствуетъ
 ему свободу, и даже прика-
 залъ дать Коннетаблю ло-
 шадь, на которой могъ бы
 онъ ѣхать въ Бельмонтъ.
 Коннетабль, пріѣхавъ туда,
 привязалъ лошадь къ дереву,
 вошелъ въ звѣринецъ черезъ
 заливку, отъ которой имѣлъ

при себѣ ключъ, и былъ шакъ
счастливъ, что пробрался
въ замокъ, ни съ кѣмъ не
встрѣпившись. Вошедши въ
покои жены своей, спрятался
онъ въ передней, за ширма-
ми. Ошшуда намѣренъ былъ
наблюдать все, что проис-
ходитъ будетъ, и явиться
тотчасъ въ Бланкину спаль-
ню, когда услышитъ тамъ
какую малѣйшій шумъ. Онъ
увидѣлъ, что Ниса, раздѣв-
ши госпожу, пошла спать въ
свою комнату.

Сиффредіева дочь, кото-
рой не трудно было понять
причину заключенія мужа ея,
полагала, что онъ не воз-
вращается въ Бельмонтъ въ

эту ночь, хотя и слышала
отъ своего отца, что Ко-
роль обѣщалъ ему немедлен-
но освободить Коннептабля.
Она не сомнѣвалась, чѣмъ
Генрихъ, пользуясь симъ слу-
чаемъ, не вздумалъ видѣться
и поговорить съ нею на-
единѣ. Въ такихъ мысляхъ
ожидала она Государя, и хо-
тѣла сдѣлать ему выговоръ
за столь неосторожный съ
его стороны поступокъ, ко-
торый могъ имѣть пагуб-
ныя для нее послѣдствія. Въ
самомъ дѣлѣ, какъ только
ушла Ниса, потаенная дверь
отворилась, и Король бро-
сился къ ногамъ Бланки. —
„ Не выслушавъ напередъ ,

не обвиняйте меня, сказалъ онъ ей. Если я велѣлъ заключить Коннешабля, то подумайте, что одно только это средство оставалось мнѣ къ моему оправданію и къ объясненію съ вами. Вы сами всему причиною. Зачѣмъ сегодня поутру не хотѣли меня выслушать? Ахъ! завтра супругъ вашъ получитъ свободу, и мнѣ уже не лѣзя будетъ говорить съ вами. И такъ выслушайте меня въ послѣдній разъ. Потерявъ васъ, я долженъ оплакивать судьбу мою; по крайней мѣрѣ не лишайте меня горестнаго утѣшенія объявить вамъ; что не не-

вѣрностію навлекъ я на себя
 это несчастіе. Я обѣщаль
 руку мою Констанціи толь-
 ко потому, что въ положе-
 ніи, въ которое привелъ ме-
 ня отецъ вашъ, не могъ я
 поступить иначе. Надобно
 было, какъ для моей, такъ и
 для собственной вашей поль-
 зы, обмануть Принцессу: одно
 только это средство оста-
 валось къ сохраненію для
 васъ короны и руки моей.
 Я совершенно былъ увѣренъ
 въ успѣхъ; принялъ даже мѣ-
 ры къ уничтоженію обяза-
 тельства; но вы разрушили
 мое предпріятіе и легко-
 мысленною рѣшительностію

своею сдѣлали и меня и себя навѣкъ несчастными!“

Онъ произнесъ слова сіи съ такимъ чувствомъ, что Бланка чрезвычайно была ими пронута. Она не сомнѣвалась болѣе въ его невинности; сначала это обрадовало ее; но вскорѣ потомъ почувствовала она во всей силѣ свое несчастіе.— „Ахъ! Государь, сказала она Королю, послѣ того, какъ судьба разлучила на вѣкъ меня съ вами, я должна чувствовать еще новое мученіе, узнавъ теперь, что вы ни въ чемъ невиновны передо мною. Несчастливая! что я сдѣлала? Мщеніе ослѣпило меня. Я

почитала себя оставленною, и въ досадѣ приняла руку Коннетабля, по убѣжденію отца моего. Я преступница, виновница нашего несчастія! Увы! въ то самое время, когда упрекала васъ въ непостоянствѣ, я сама, легковѣрная, разорвала узы, которыя клялась носить вѣчно! Ошмстите, Государь, за себя, возненавидьте неблагодарную Бланку . . . . позабудете . . . .“ — Могу ли, прервалъ съ горестію Генрихъ, могу ли испоргнуть изъ сердца моего спрасъ, которую и самая несправедливостъ ваша истребитъ не въ силахъ? — „Однакожь, Государь, надобно

преодолѣть себя...“ продолжала Сиффредіева дочь со вздохомъ. — Въ состояніи ли вы сами это сдѣлать? — „ Не знаю, удастся ли мнѣ, но употребляю всѣ силы, чтобы успѣть въ томъ.“ — Ахъ, жестокая! не трудно вамъ будетъ забыть Генриха, когда можете рѣшиться на это! — „ А чтожь вы думаете? сказала Бланка твердымъ голосомъ: не надѣетесь ли, что я позволю вамъ продолжать ваши любовныя изъясненія? Нѣтъ, Государь, оставьте эту надежду. Если не рождена я бытъ Королевой, то Небо не сотворило меня и для того, чтобы пищать

беззаконную любовь. Мужъ мой, также какъ и вы, Государь, происходишь изъ знаменитаго дома Анжу, и хопя бы долгъ мой не полагалъ непреодолимаго препятствія вашей порочной страсти, шочеснь моя не позволяла бы отвѣчать ей. Заклинаю васъ, оставьте меня: намъ не должно болѣе видѣться другъ съ другомъ.“— Какое упорство! вскричалъ Король. Ахъ! Бланка, возможно ли, чшобъ вы поступали со мною шакъ жестоко? Развѣ еще мало для меня шого несчастія, что вы супруга Коннетабля? Вы хопите еще лишить меня единственнаго утѣшенія,

которое мнѣ оспается : видѣть васъ.— „Бѣгите лучше, отвѣчала Бланка со слезами: какое удовольствіе видѣть то, что надѣялись получить, и что принадлежишь уже другому? Прощайте, Государь, бѣгите отъ меня ! И ваша честь, и мое доброе имя эшаго пребудутъ. Я прошу васъ о томъ для собственнаго моего спокойствія: хотя движенія сердца и не могутъ поколебать моей добродѣтели, но воспоминаніе о вашей любви производитъ во мнѣ столь жестокое волненіе, что я прошивостоять ему почти не въ силахъ.“

Послѣднія слова произнесла она съ такимъ жаромъ, что уронила со стола подсвѣчникъ; свѣча погасла. Бланка, поднявъ ее, отворяетъ двери въ переднюю и идешь засвѣшитъ въ комнату Нисы, кошорая еще не спала; потомъ возвращается съ огнемъ. Едва успѣла она показаться, какъ Король, ожидавшій ее, началъ снова умолять ее, чтобы она не отвергала любви его. Коннетабль, услышавъ голосъ Государя, бросился въ комнату съ обнаженною шпагою, и приближась къ Генриху, вскричалъ съ яростію: „Посшой, ширанъ! Не думай, чтобы я

былъ столь подлъ, и снесъ
 терпѣливо причиняемое по-
 бою мнѣ безчестіе?— Ахъ,
 измѣнникъ!— отвѣчалъ Ко-
 роль приговорясь защищающь-
 ся—дерзость твоя не оста-
 нется безъ наказанія!— Тутъ
 началось между ними жаркое
 сраженіе, которое продолжа-
 лось не долго. Коннетабль,
 опасаясь, чтобы Сиффреди и
 служители его не прибѣжали
 на крикъ Бланки, и не вос-
 претягивали его мщенію,
 не щадилъ себя нисколько.
 Ярость лишила его разсудка.
 Онъ наступалъ съ такимъ
 жаромъ, что самъ напкнул-
 ся на шпагу своего соперни-
 ка, которая вошла въ него

по ефесь. Онъ упалъ, и Король остано-
вился.

Бланка, тронутая состоя-
ніемъ своего мужа, преодо-
лѣвъ природное къ нему ош-
вращеніе, спала подлѣ него
на колѣни, чтобы помочь ему.
Но несчастный былъ такъ
предубѣжденъ прошивъ нее,
что ни горестъ, ни состра-
даніе ея, нисколько его не про-
нули. Смерть, приближеніе
которой онъ чувствовалъ,
не могла укротить его рев-
ности. Въ сіи послѣднія ми-
нуты видѣлъ онъ только
блаженство своего соперни-
ка; и эта мысль казалась
ему столь ужасною, что со-
бравъ оставшія силы, под-

нялъ шпагу, кошорая была еще у него въ рукѣ и вонзилъ ее въ грудь Бланки. „Умри, вскричалъ онъ, умри, измѣнница, когда не можешь сохранить вѣрности, въ которой клялась мнѣ предъ олшаремъ! А ты, Генрихъ, не радуйся моей смерти. Ты не будешь пользоваться моимъ злополучіемъ. Я умираю доволенъ.“— Выговоривъ сіи слова, испустилъ онъ послѣднее дыханіе. Лице его, и по смерти, сохранило ожесточеніе, съ кошорымъ онъ умеръ. Но Бланка представляла совсемъ другое зрѣлище. Ударъ, поразившій ее, былъ смертельный. Она упала на без-

дыханное тѣло своего супру-
га , и кровь невинной жер-
твы смѣшалась съ кровію
убійцы , который исполнилъ
свое звѣрское предпріятіе
такъ незапно , что Король
не успѣлъ ему въ томъ вос-
противишься.

Несчастный Генрихъ закри-
чалъ, видя упдающую Бланку,
и чувствуя болѣе, нежели она,
ударъ лишающій ее жизни ,
бросился податъ ей плакую
же помощь , какую хотѣла
она оказать своему мужу и
за которую такъ худо была
награждена. Она сказала ему
умирающимъ голосомъ: „ Го-
сударь, стараніе ваше беспо-
лезно ; я жертва , которой

требовала немилосердая судьба. Дай Богъ, чтобы послѣ
эшаго укрошился гнѣвъ ея,
и царствованіе ваше было
навсегда благополучнымъ! —
Лишь только выговорила сло-
ва сіи, вошелъ въ комнату
Леонтію. Крикъ дочери при-
влекъ его туда. Онъ окаме-
нѣлъ отъ такого неожидан-
наго зрѣлища. Бланка, не при-
мѣчая его, продолжала гово-
рить Королю: „прощайте,
Государь, не забывайте меня:
нѣжная любовь моя и несча-
стія того отъ васъ требу-
ютъ. Не мстите отцу мое-
му, пощадите горестную
старость его, и отдайте
справедливостъ ревностной

его службѣ. Увѣрьте его въ
моей невинности; вотъ о
чемъ заклиная васъ болѣе
всего . . . . Прощай, любезный
Генрихъ! . . . я умираю . . . .
прими послѣдній вздохъ мой“

При сихъ словахъ она скон-
чалась. Король стоялъ нѣ-
сколько времени въ глубокомъ
молчаніи. Потомъ сказалъ
онъ Сиффреди, который по-
груженъ былъ въ смертельное
уныніе: „вотъ, Леонтію, что
вы надѣлали! Вотъ плодъ
преждевременныхъ стараній
вашихъ и усердія служить
мнѣ!“ Спарикъ былъ шакъ
пораженъ горестію, что не
могъ отвѣчать ни слова. Но
зачѣмъ описывать зрѣлище,

котораго никакими словами изобразить невозможно?

Король во всю жизнь сохранилъ нѣжное воепоминаніе о своей любезной. Онъ не могъ рѣшиться на бракъ съ Констанціею. Инфантъ Донъ Педро соединился съ этою Принцессою, и оба они не пощадили ничего, чтобы завѣщаніе Рожера сдѣлать дѣйствительнымъ; но наконецъ принуждены были уступить Генриху, который одержалъ верхъ надъ всѣми своими непріятелями. Чтожь касается до Сиффреды, то горестъ, что былъ причиною столь многихъ несчастій, сдѣлала свѣтъ для него прошивнымъ,

и пребываніе въ опечесствѣ
несноснымъ. Онъ оставилъ
Сицилію и переѣхавъ въ Ис-
панію съ меньшою дочерью
своею, Порціею, купилъ эшотъ
замокъ. Здѣсь жилъ онъ по-
слѣ смерти Бланки около
пятнадцати лѣтъ, и имѣлъ
ушѣшеніе, прежде кончины
своей, выдать замужъ Пор-
цію. Она вышла за Дона Іеро-
нима де Сильву, и я един-
ственный плодъ ихъ брака.

Вотъ, продолжала вдова
Дона Педро Пинареса, и-
сторія моей фамиліи, и вѣр-
ное повѣсшеованіе несчастій
изображенныхъ на картинѣ,
кошорую дѣдъ мой велѣлъ
написать, чшобы оставить

попомству своему памятникъ
эшаго печальнаго происшествія

ГЛАВА V.

Что сдѣлала Аврора пріѣхавши въ Саламанку.

Госпожа Оршицъ, ея подруги и я, выслушавъ эту исторію, вышли изъ комнаты. Аврора осталась одна съ Эльвиною. Весь вечеръ провели онѣ въ разговорахъ. Время казалось имъ очень пріятнымъ, и на другой день, при нашемъ отъѣздѣ, имъ

такъ трудно было разсва-
ваться, какъ двумъ прія-
пельницамъ, давно уже при-
выкнувшимъ жить вмѣстѣ.

Наконецъ мы благополучно
пріѣхали въ Саламанку; пош-
часъ наняли шамъ совсемъ
прибранный домъ, и госпожа
Оршицъ, по сдѣланному нами
условію, приняла на себя имя
Донны Кимены де Гусманъ.
Ей ничего не стоило сдѣ-
латься прекрасною актри-
сою, пошому что такъ давно
уже была Надзирательницею.
Въ одно утро отправилась
она съ Авророю, горничною
и лакеемъ въ пракширъ, въ
которомъ, какъ мы узнали,
обыкновенно останавливался

Пашеко. Она спросила, нѣтъ ли тамъ порожнихъ покоевъ. Ей ошвѣчали, что есть, и показали порядочно убранныя комнаты, которыя она и наняла, заплашивъ хозяйкѣ деньги впередъ и сказавъ, что нанимаетъ ихъ для своего племянника, который ѣдетъ изъ Толедо въ Саламанку учиться и долженъ прибыть сегодня.

Потомъ Дуенна и госпожа моя возвратились домой; прекрасная Аврора, не теряя времени, переодѣлась въ мужское платье. Она покрыла черные волосы свои бѣлокурымъ парикомъ, подбѣлила брови, и нарядилась

такъ хорошо, что походила совершенно на молодаго кавалера. Видъ ея былъ пріятенъ, обращеніе непринужденно, и еслибъ не лице, слишкомъ пригожее для мужчины, то никто бы не догадался, что она переодѣта. Горничная, которая должна была служить ей вмѣсто пажа, также одѣлась. Мы совершенно были увѣрены, что она выдержитъ свою ролю: кромѣ того, что была не изъ красавицъ, она имѣла еще какую-то наглость, которая очень шла къ насущей ея должности. Послѣ обѣда, когда наши актрисы въ состояніи были показатъ-

ся на сцену, то есть, отправившись въ театръ, онѣ поѣхали туда вмѣстѣ со мною въ каретѣ. Мы запаслись всемъ, что только нужно было для нашей комедіи.

Бернарда Рамирецъ (такъ звали хозяйку) приняла насъ очень учтиво, и проводила въ назначенные для насъ покои, гдѣ вступили мы съ нею въ разговоръ. Сдѣлавъ сначала условіе о столѣ и о ожемясячной за то плащъ, мы спросили ее, много ли у нее постояльцевъ. „Теперь нѣтъ никого, отвѣчала она. У меня было бы ихъ очень много, когда бы я принимала всѣхъ безъ разбору; но я

не хочу пускашь къ себѣ никого, кромѣ знатныхъ молодыхъ господъ, и нынѣшній же вечеръ ожидаю одного, который ѣдетъ сюда изъ Мадрида для окончанія наукъ. Его зовутъ Донъ Людовикъ Пашеко. Можетъ быть и вы объ немъ слыхали? — Нѣтъ, сказала Аврора; впрочемъ вы меня очень обяжете, если его опишите: вѣдь я долженъ жишь съ нимъ вмѣстѣ. — „Государь мой, отвѣчала хозяйка смотря на мнимаго кавалера, онъ прекрасный мужчина: ни дать, ни взять, какъ вы. Вамъ очень кста-ти быть вмѣстѣ. Клянусь Св. Іаковомъ! могу похва-

сташься, что у меня будутъ
 два совершенные красавца
 изо всей Испаніи.“— Конечно
 эшаго Дона Людовика, ска-
 зала госпожа моя, прелест-
 ный полъ очень жалуетъ? —
 „О! у здѣшнихъ дамъ онъ
 въ большой чести: гдѣ толь-
 ко ни покажется, тамъ и
 побѣда! Между прочими, влю-
 билась въ него одна молодая
 и пригожая дѣвица, по име-
 ни Изабелла, дочь спараго
 Доктора правъ. Она — что
 называется — безъ ума отъ
 Дона Людовика.“— Скажи мнѣ,
 милая, поспѣшно прервала
 Аврора, любите ли и онъ ее
 также страстно? — „До отъ-
 ѣзда своего въ Мадридъ онъ

точно любилъ ее; а любилъ ли еще теперь, не знаю: за постоянство его ручаться трудно. Онъ, какъ и всѣ молодые господа, не долго занимается однимъ предметомъ.“

Старушка не успѣла еще кончить рѣчи, какъ на дворѣ послышался шумъ. Выглянувъ изъ окна, мы увидѣли двухъ человѣкъ, которые сходили съ лошадей. Это былъ самъ Донъ Людовикъ Пашеко, пріѣхавшій съ своимъ камердинеромъ изъ Мадрида. Старуха пошла къ нему на встрѣчу; а госпожа моя, не безъ смущенія, готовилась играть ролю Дона Феликса. Донъ Людовикъ вошелъ

въ дорожномъ плащѣ. „Я слышалъ, сказалъ онъ поклонясь Аврорѣ, что здѣсь оставился молодой дворянинъ изъ Толедо. Мнѣ очень пріятно имѣть такого поварища.“— Между тѣмъ, какъ госпожа моя отвѣчала на это привѣтствіе, Пашеко, казалось мнѣ, удивлялся насмѣдши такого любезнаго кавалера. Онъ не могъ удержаться, чтобъ не сказать ему, что не видывалъ никогда мушкетеры и пригожее его. Послѣ многихъ учтивостей и съ той и съ другой стороны, Донъ Людовикъ пошелъ въ отведенную для него комнату.

Въ то время, какъ онъ переодѣвался, Авроръ встрѣтился на лѣстницѣ мальчикъ, съ письмомъ въ рукахъ. Онъ почелъ ее за Дона Людовика, и подавая ей письмо, сказалъ: „извольте, сударь, принять; хощя я и не имѣю чеспи знать господина Пашеко, но, думаю, что не нужно спрашивать, вы ли это: я увѣренъ, что не обманываюсь.“ — Нѣтъ, другъ мой, отвѣчала госпожа моя съ удивительнымъ присутствиемъ духа, ты не обманываешься, и очень исправенъ. Я Донъ Людовикъ Пашеко. Поди, я потчасъ пришлю отвѣтъ. — Мальчикъ ушелъ. Аврора, запершись съ гер-

ничною своею и со мною ,
 распечатала письмо и проч-
 ла намъ слѣдующее: „Сію ми-
 нушу узнала я, что вы прі-
 ѣхали въ Саламанку. Какъ
 обрадовало меня это извѣ-
 стіе! Я чуть было не сошла
 съ ума. Но любите ли вы
 еще Изабеллу? Поспѣшите
 увѣрить ее, что вы не пе-
 ремѣнились. Ахъ! она умретъ
 отъ радости, когда най-
 детъ васъ вѣрнымъ попре-
 жнему.“

„Какое страстное письмо!
 сказала Аврора; оно показы-
 ваетъ самую пламенную лю-
 бовь. Признаюсь, такая со-
 перница для меня опасна;
 но я ничего не пожалѣю ,

чтобы отвлечь отъ нее Дона Людовика, и даже не допустишь его до свиданія съ нею. Трудное предпріятіе! Однакожь не теряю надежды.“— Тушь госпожа моя подумала немного, и черезъ минуту прибавила: „ручаюсь вамъ, что они сегодня же поссорятся!“— Пашеко, отдохнувъ нѣсколько времени въ своей комнашѣ, пришелъ опять къ намъ и снова завелъ съ Авророю разговоръ. „Государь мой, сказалъ онъ ей шушя, я думаю, что мужья и любовники не очень рады вашему пріѣзду въ Саламанку: вы надѣлаете имъ много хлопотъ. Я боюсь, чтобъ вы

и у меня не отбили. . . .“—
 Страхъ вашъ не напрасенъ,
 прервала госпожа моя та-
 кимъ же тономъ: говорю
 вамъ напередъ, что Донъ
 Феликсъ де Мендоза въ са-
 момъ дѣлѣ немножко стра-
 шенъ. Я бывалъ уже здѣсь,
 и знаю, что Саламанскія кра-
 савицы не нечувствительны.
 Съ мѣсяць назадъ случилось
 мнѣ проѣзжать черезъ эшотъ
 городъ; я останавливался
 только на одну недѣлю, и—
 скажу вамъ откровенно—ус-
 пѣлъ уже плѣнить дочь од-
 ного спараго Доктора правъ.—

Я примѣтилъ, что Донъ
 Людовикъ, при сихъ словахъ,
 смутился. „Простите моей

нескромности, сказалъ онъ,
 если спрошу васъ объ имени
 этой дѣвицы? — Помилуйте! —
 вскричалъ мнимый Донъ Фе-
 ликсъ, къ чему мнѣ тамъсь
 передъ вами? Не ужьли по-
 читаете вы меня скромнѣе
 прочихъ молодыхъ людей?
 Не обижайте меня этимъ.
 Впрочемъ, между нами ска-
 зашь, она и не стоить та-
 кого снисхожденія: она про-
 стая мѣщанка. Вы знаете,
 что знаменитый человѣкъ зани-
 мается бѣдною дѣвкою толь-
 ко для шушки и еще дѣлаетъ
 ей честь, лишая ее чести.
 И такъ скажу вамъ прямо,
 что Докторскую дочь зовутъ
 Изабеллою. — „А Докторъ,

прервалъ Пашеко съ непер-
пѣніемъ, не господинъ ли
Мурція де ла Ллана?— Такъ
почно. Вотъ письмо, кото-
рое она сей часъ ко мнѣ при-
слала; прочтите его и суди-
те о ея ко мнѣ расположе-
ніи.— Донъ Людовикъ взгля-
нулъ на записку, увидѣлъ
знакомую руку, и остолбе-
нѣлъ опъ изумленія.— Чпо
я вижу? продолжала Аврора
съ удивленіемъ: вы блѣднѣете!
Не ужьли принимаете въ
эпой дѣвицѣ участіе? Какъ
мнѣ досадно, что я гово-
рилъ съ вами слишкомъ оп-
кровенно!

„Напрошивъ, я вамъ очень
благодаренъ за это—сказалъ

Донъ Людовикъ съ негодова-
ніемъ и сердцемъ. Измѣнни-
ца! непостоянная! Донъ Фе-
ликсъ, какъ я вамъ обязанъ!
Вы выводите меня изъ за-
блужденія, въ кошоромъ, мо-
жешъ бытъ, я оставался бы
еще надолго. Я воображалъ,
что Изабелла любитъ меня!
Любитъ?— думалъ, что она
обожаешъ меня! Я имѣлъ къ
ней нѣкоторое уваженіе, а
теперь вижу, что она есть
ничто иное, какъ кокетка,
достойная всякаго презрѣ-
нія.“— Вы правы, сказала
Аврора съ такимъ же ви-
домъ негодованія. Дочь До-
кшора правъ, казалось, долж-
на бы бытъ довольна и шѣмъ,

что имѣетъ любовникомъ
 такого дворянина, какъ вы.
 Я не могу простить ея не-
 поспоянство; и вмѣсто по-
 го, чтобы принять жертву,
 какую она приносишь мнѣ,
 измѣняя вамъ, хочу, въ нака-
 заніе, презрѣть ея благо-
 склонность.— „Что касается
 до меня, то нога моя у нее
 не будетъ; я отмщу только
 эшимъ.“— Хорошо! Однакожь,
 чтобы показать ей, какъ ве-
 лико наше презрѣніе, напи-
 шемъ оба по ругательному
 къ ней письму. Я запечатаю
 ихъ въ одинъ конвертъ и
 пошлю въ отвѣтъ на ея, по-
 лученное мною сегодня. Но
 прежде, нежели приступимъ

къ этой крайности, посовѣ-
пуйтесь съ вашимъ сердцемъ:
можешъ быть, разрывъ съ
Изабиллою со временемъ за-
ставишь васъ раскаяться.—
„Нѣтъ, нѣтъ, никогда не
позволю себѣ подобной сла-
бости, и совершенно согла-
сенъ на ваше предложеніе.
Должно посрамить неблаго-
дарную.“

Я принесъ топчасъ бума-
ги и чернилъ, и они оба
принялись сочинять самыя
учтивыя и нѣжныя письма
къ дочери Доктора Мурціи
де ла Ллана. Особливо Па-
шеко не могъ сыскать словъ,
довольно сильныхъ для вы-
раженія того, что чувство-

валъ ; онъ разодралъ пять или шесть начатыхъ писемъ, пошому чшо они казались ему не такъ колкими. Наконецъ написалъ одно, копорымъ былъ доволенъ, и не безъ причины. Вотъ его содержаніе : „Посмотри хорошенько на себя, моя красавица, и не воображай болѣе, чтобъ я любилъ тебя. Не такія достоинства нужны, чтобы плѣнить меня“ „Прелести твои не могутъ доставить мнѣ и минутаго удовольствія. Ты годишься только быть забавою для самыхъ послѣднихъ Университетскихъ студентовъ.“ — И такъ рѣшился

онъ послашь это нѣжное посланіе. Когда Аврора кончила свое, которое не уступало первому въ оскорбительныхъ выраженіяхъ, то запечатавъ ихъ и отдавая мнѣ, сказала: „На, Жилбазъ, постарайся доставить это письмо нынче же ввечеру. Понимаешь меня“— примолвила она, дѣлая мнѣ знакъ глазами, который я понялъ совершенно.—Слушаю, сударь, отвѣчалъ я, вы будете мною довольны.

Тутъ пошелъ я со двора, и на улицѣ сказалъ самъ себѣ: И такъ, господинъ Жилбазъ, вы представляете слугу въ этой комедіи. Ну, другъ мой, докажи, что у

тебя достанешъ разума сы-
грашъ такую трудную роль!
Донъ Феликсъ сдѣлалъ тебѣ
только знакъ: видно, пола-
гаешся онъ на свое благо-
разуміе; и не ошибется. Такъ
точно: знаю, чего онъ опъ
меня ожидаетъ. Ему хочет-
ся, чтобы я опдалъ одно
только письмо Дона Людо-
вика: вотъ что значитъ его
миганье; нѣтъ ничего яснѣе!—
Не сомнѣваясь нимало въ до-
гадкахъ моихъ, распечаталъ
я пакетъ, вынулъ Пашеково
письмо, и понесъ его къ До-
жтору Мурціѣ (я скоро узналъ,
гдѣ онъ живетъ). У дверей
вспрѣшилъ я того самого
мальчика, который приходилъ

къ намъ. „Послушай, брашецъ, сказалъ я ему, не слуга ли ты дочери господина Доктора Мурціи?“— Да, отвѣчалъ онъ.— „По лицу своему вижу, что ты малой услужливой; посприрудись отдашь это писмецо госпожѣ своей.“

Мальчикъ спросилъ меня, отъ кого оно, и едва успѣлъ я вымолвить: отъ Дона Людовика Пашеко, какъ онъ сказалъ мнѣ: „Если такъ, то ступай за мною: мнѣ приказано впустишь тебя. Барышня хочетъ поговорить съ тобой.“— Онъ проводилъ меня въ комнату, куда тотчасъ вошла Изабелла. Красота ея поразила меня: нико-

гда еще не видывалъ я такого прелестнаго лица. Видъ ея имѣлъ въ себѣ что - то милое и дѣшское, хотя уже по крайней мѣрѣ лѣтъ тридцать ходила она безъ помощей. „Другъ мой, сказала она мнѣ улыбаясь, ты служишь у Дона Людовика Пашеко?“ — Я отвѣчалъ, что недѣли три, какъ нохожусь у него камердинеромъ. Потомъ опдалъ ей роковое письмо. Она прочитала его раза два или три и, казалось, не вѣрила глазамъ своимъ. Въ самомъ дѣлѣ она совсемъ не ожидала такого отвѣта. Поднявши глаза въ небу, кусала губы; лице ея показывало ясно,

какъ терзалось ея сердце. Попомъ, вдругъ оборотясь ко мнѣ, сказала: „Не съ ума ли сошелъ Донъ Людовикъ? Скажи, другъ мой, если знаешь, для чего онъ пишеть ко мнѣ такъ учтиво? Какой злой духъ въ него вселился? Когда онъ хочетъ прервать знакомство со мною, то развѣ не можешь сдѣлать этого, не оскорбляя меня такими грубыми письмами.“

Конечно, сударыня — сказалъ я ей — господинъ мой виноватъ; но нѣкоторымъ образомъ онъ принужденъ былъ къ такому поступку. Если вы общаетесь никому не рассказывать, то открою

вамъ всю тайну.— „Объща-
 юсь, прервала она скоро; го-
 вори смѣло.“— И такъ въ
 двухъ словахъ объясню вамъ
 все дѣло. Только что полу-
 чили мы ваше письмо, во-
 шла къ намъ въ пракширъ
 госпожа, закушанная непро-
 ницаемымъ покрываломъ. Она
 спросила господина Пашеко,
 поговорила съ нимъ нѣсколь-
 ко времени наединѣ, и раз-
 спаваясь, сказала: „Вы кля-
 нешесь мнѣ, что никогда ее
 не увидите; это еще не все:
 вы должны—для совершенна-
 го удовлетворенія моего—на-
 писавъ теперь же къ ней
 то, что буду вамъ сказывать.
 Я опъ васъ эшаго требую.“

Донъ Людовикъ исполнилъ ея желаніе; потомъ, отдавая бумагу мнѣ, сказалъ: „Узнай, гдѣ живетъ Докторъ Мурція де ла Лана, и вручи пи-хонько это письмецо дочери его, Изабеллѣ.“

Видите, сударыня, продолжалъ я, что это оскорбительное письмо есть дѣло соперницы, и что господинъ мой не совсемъ виноватъ. — „О Небо! вскричала она, онъ виновнѣе еще, нежели я думала. Невѣрность его оскорбляетъ меня болѣе, чѣмъ колкія слова, рукою его написанныя. Ахъ, жестокой! онъ могъ отдать другой свое сердце . . . . Но, прибавила она

съ гордымъ видомъ , пускай наслаждается онъ въ объятіяхъ новой любовницы ; я не стану мѣшать ему. Скажи ему , что онъ не имѣлъ нужды писать ко мнѣ ругательныхъ писемъ для того , чтобы принудить меня уступить мое мѣсто соперницѣ , и что мое къ нему презрѣніе столь велико , что я никогда и не подумаю объ немъ.“— Сказавши это , она отпустила меня и пошла въ свою комнату , въ ужасномъ огорченіи.

Я вышелъ , будучи очень доволенъ собою , и заключилъ , что могъ бы сдѣлаться искуснымъ плутомъ , еслибъ за-

хопѣлъ воспользоваться своими дарованіями. Возвратившись въ пракпиръ, заспалъ я Мендозу и Пашеко за ужиномъ. Они разговаривали между собою, какъ самые короткіе пріятели. Аврора примѣтила по моему довольному виду, что я не худо исполнилъ ея порученіе. „Ты ужь и воропился, Жилблазъ, сказала она мнѣ: посмотри, что ты сдѣлалъ?“—Тутъ надобно было опять прибѣгнуть къ вымыслу. Я сказалъ, что доставилъ пакетъ въ собственныя руки, и что Изабелла, прочитавъ оба письма, не только не пришла въ смущеніе, но расхохотавшись

какъ безумная, сказала: „По-
 чеспи, у молодыхъ знатныхъ
 господъ прекрасный слогъ!
 Надобно признайся, что ни-
 кто другой такъ мастерски
 не напишетъ.“— Это зна-
 чишь умъшь избавляться отъ
 замѣшательства, вскричала
 госпожа моя; вошь претон-
 кая кокетка!— „Что касает-
 ся до меня, сказалъ Донъ
 Людовикъ, то я не узнаю
 Изабеллы: конечно въ ошсу-
 швіе мое она совсемъ пере-
 мѣнилась.“— И я думалъ объ
 ней иначе, ошвѣчала Аврора.
 Однакожь должно согласишь-
 ся, что есть женщины, ко-
 торыя умъюшь принимашъ
 на себя всякіе виды. Я лю-

билъ подобную женщину, которая долго водила меня за носъ. Жилблазъ скажетъ вамъ, что подъ личиною скромности она могла обмануть всякаго. — Да, подхватилъ я вмѣшавшись въ разговоръ, свѣтъ не производилъ такой плутовки: думаю, что она провела бы и меня!

Пашеко и мнимый Мендоза подняли громкой смѣхъ при сихъ словахъ моихъ: одного забавлялъ опъзывъ мой о вымышленной красавицѣ, а другой хохоталъ только тому, что я такъ выразился. Мы продолжали разсуждать о женщинахъ — пришворщицахъ, и слѣдствіемъ всей нашей бе-

сѣды было то, что Изабелла осталась изобличенною въ самомъ наглomъ кокетствѣ. Донъ Людовикъ снова далъ обѣщаніе никогда съ нею не видашья; а Донъ Феликсъ, по примѣру его, клялся, что вѣчно будетъ презирать ее. Послѣ сихъ увѣреній, они уговорились, въ знакъ дружбы, не скрывать одинъ отъ другаго ничего; наконецъ, послѣ ужина, насклававъ другъ другу много учтивостей, разспались: каждый удалился въ свою спальню. Я пошелъ за Авророю, и сообщилъ ей въ подробности разговоръ мой съ Докторскою дочерью, не забывъ нималяшаго обсто-

яшельства. Чуть было не обняла она меня отъ радости. „Любезный Жилблазъ, сказала мнѣ, я восхищаюсь твоимъ разумомъ. Когда по несчастію предаемся мы страсти, которая заставляетъ насъ прибѣгать къ хитростямъ, то какое благополучіе имѣть у себя такого умницу, какъ ты! Не робѣй, другъ мой! Мы сбыли съ рукъ соперницу, которая могла бы надѣлать намъ много хлопотъ. Дѣло идетъ не худо. Но какъ любовники часто принимаются за старое, то я думаю прислупить поскорѣе къ развязкѣ нашей комедіи, и съ завтрашняго дни вы-

веспи на сцену Аврору де Гусманъ. “ Я одобрилъ эту мысль, и оставивъ Дона Феликса съ пажемъ его, пошелъ въ комнату, гдѣ была моя постеля.

ГЛАВА VI.

Какую хитрость употребила Аврора, чтобъ заставить Дона Людовика Пашеко въ нее влюбиться.

Оба новые пріятели сошлись опять на другой день поутру. Свиданіе ихъ началось взаимными объясненіями;

чему Аврора не прошивилась,
 желая сыграть, какъ должно,
 ролю Дона Феликса. Они по-
 шли вмѣстѣ прогуляться по
 городу, взявъ съ собою меня
 и Шилиндрона, камердинера
 Дона Людовика. Мы остано-
 вились передъ Университе-
 томъ посмотрѣть прибитыя
 къ ворошамъ объявленія о
 новыхъ книгахъ. Любопыт-
 ство привлекло туда мно-
 гихъ изъ проходящихъ. Меж-
 ду ими увидѣлъ я малорос-
 лаго человѣка, который ска-
 зывалъ свое мнѣніе о всѣхъ
 объявляемыхъ сочиненіяхъ. Я
 примѣшилъ, что его слушали
 съ великимъ вниманіемъ, ко-
 тораго, повидимому, орапоръ

почиталъ себя достойнымъ. Онъ казался щеславнымъ, и — какъ почти всѣ малорослые люди — судилъ рѣшительно. „Этотъ *новой переводъ Го-
рація*, говорилъ онъ, копо-
раго заглавіе означено ша-
жими крупными буквами,
сдѣланъ въ прозѣ однимъ
сшарымъ школьнымъ учите-
лемъ. Книга его въ великомъ
уваженіи у студентовъ: ее
разошлось уже чешыре изда-
нія; но ни одинъ умной че-
ловѣкъ не купилъ ни экзем-
пляра.“ Не выгоднѣе судилъ
онъ и о другихъ произведе-
ніяхъ; разругалъ всѣ безъ
милосердія. Вѣроятно, онъ
самъ былъ сочинитель. Мнѣ

хотѣлось выслушать его до конца; но я принужденъ былъ идти за Дономъ Людовикомъ и Дономъ Феликсомъ, которые, не находя удовольствія въ сужденіяхъ его, и не принимая участія въ крипикуемыхъ имъ книгахъ, пошли далѣе.

Мы возвратились въ прачширъ около полудни. Госпожа моя сѣла за столъ съ Пашекомъ, и завела искуснымъ образомъ разговоръ о своей фамиліи. „Отецъ мой, сказала она, послѣдній въ родѣ Мендозовъ, поселившемся въ Толедо; а мать родная сестра Донны Кимены де Гусманъ, которая за нѣсколько

дней по одному важному дѣлу пріѣхала въ Саламанку съ племянницею своею, Авророю, дочерью Дона Винценша де Гусманъ, котораго вы, можете бышь, знали.“— Нѣтъ, я не зналъ его, оповѣчалъ Донъ Людовикъ; но много слыхалъ объ немъ, также какъ и о сестрицѣ вашей Аврорѣ. Правда ли то, что объ ней говорятъ? Увѣряютъ, что разумъ и красота ея ни съ чѣмъ несравненны.— „О! въ разумъ нѣтъ у нее недостатка; она даже можетъ назваться ученою; но не скажу, чтобъ была совершенная красавица: между нами находятъ большое сходство.“—

Если такъ , то не напрасно
ее хвалятъ : у васъ черты
лица правильныя, цвѣтъ жи-
вой и свѣжій ; сестрица ва-
ша должна быть прелестна.
Хотѣлось бы мнѣ увидѣть ее
и поговорить съ нею. — „Из-
вольте , я сегодня же удо-
вольствую ваше любопыст-
ство: пойдете послѣ обѣда
къ моей тещушкѣ.“

Вдругъ госпожа моя пере-
мѣнила разговоръ и начала
рѣчь совсемъ о постороннихъ
вещахъ. Послѣ обѣда , пока
собирались они идти къ Дон-
нѣ Кименѣ, побѣжалъ я впе-
редъ , чтобы приготовить
Дуенну къ этому посѣщенію.
Возвратившись домой, пошелъ

я за Дономъ Феликсомъ, который повелъ Дона Людовика къ своей теткѣ. При самомъ входѣ въ комнашы вспрѣшила ихъ Донна Кимена, и сдѣлавъ имъ знакъ, чшобъ они не шумѣли, сказала въ полголоса: „Тише, тише, вы разбудите племянницу. Со вчерашняго дни она ужасно спрадаетъ головою болью; теперь ей немножко полегче; съ чепверть часа, какъ она бѣдная заснула.“— Жаль, очень жаль!— сказалъ ложный Донъ Феликсъ; я надѣялся, чшо мы увидимъ сестрицу: мнѣ хотѣлось доставить тѣмъ удовольствіе другу моему, Дону Пашеко.—

„ Это еще не такъ къ спѣху, опвѣ*ала Оршицъ улыбаясь, можно опложитъ и до зав-трева.“ Кавалеры, пробывши не долго со старухою , уда-лились.

Донъ Людовикъ повелъ насъ къ одному изъ своихъ прія-телей, молодому дворянину , Дону Габріелю де Педрозу. Мы проводили тамъ остатокъ дня , и опужинавъ , пошли домой во второмъ часу по полуночи. На половинѣ доро-ги попались намъ подъ ноги два человекъ , лежавшіе на улицѣ. Сперва почли мы ихъ убитыми , и остановились , чшобы, если еще можно , по-дать имъ помощь. Между

тѣмъ, какъ мы старались
 освѣдомиться, сколько тем-
 нота позволяла, о состояніи
 сихъ несчастныхъ, прибли-
 жился къ намъ дозоръ. На-
 чальникъ, сочтя насъ сперва
 за убійцъ, велѣлъ командѣ
 своей окружить насъ; но
 переѣнилъ свое мнѣніе, ко-
 гда вступили мы съ нимъ
 въ разговоръ, и когда при
 свѣтѣ поштеннаго фонаря,
 увидѣлъ онъ черты лица Фе-
 ликса и Пашеко. Дозорные,
 по приказанію его, осмошрѣ-
 ли лежащихъ, и открылось,
 что то были пьяные. „Го-
 спода, вскричалъ одинъ изъ
 дозорныхъ: узнали ли эшаго
 шолстняка? Это вѣдь Лицен-

ціапъ Гуйоморъ , Ректоръ
здѣшняго Университета. Не
смотря на шеперешнее его
положеніе, онъ право великой
человѣкъ , опличный геній :
хоть какого философа заго-
няешъ на диспутахъ ; слова
льются у него рѣкою. Жаль
только , что онъ ужъ слиш-
комъ любитъ вино , пѣжбы
и женщинъ. Конечно ужиналъ
онъ у своей Изабеллы ; слуга
его , видно, столько же вы-
пилъ какъ и господинъ , и
оба свалились въ грязь. И
прежде Ректорства съ по-
чтеннымъ Лиценціапомъ слу-
чалось это довольно часто.
Справедлива пословица , что
почести не перемѣняютъ нра-

вы.“ Дозоръ принялъ на себя попеченіе отнести домой обоихъ пьяницъ, а мы возвратились въ трактиръ и легли спать.

Донъ Феликсъ и Донъ Людовикъ встали около полудни, и первый разговоръ ихъ былъ объ Аврорѣ де Гусманъ.— „Жилблазь, сказала мнѣ госпожа моя, сходи къ тещкѣ моей Доннѣ Кименѣ, и спроси отъ моего имени, можемъ ли мы съ господиномъ Пашеко видѣть сегодня сестрицу.“— Я вышелъ, чтобы исполнить это порученіе, или лучше сказать, посоветоваться съ Дуенною, что намъ дѣлать. Принявши вмѣ-

спѣ съ нею надлежащія мѣ-
ры, возвратился я къ мни-
мому Феликсу и сказалъ ему:
„Сестрица ваша, сударь, при-
казала вамъ кланяться и до-
ложишь, что посѣщеніе ваше
будетъ для нее очень пріят-
но; а Донна Кимена велѣла
мнѣ увѣрить господина Па-
шеко, что она съ удоволь-
ствіемъ приметъ друга сво-
его племянника.“

Я примѣшилъ, что послѣд-
нія слова мои очень были
пріятны Дону Людовику. Та-
кое же замѣчаніе сдѣлала и
госпожа моя, надѣясь счаст-
ливыхъ послѣдствій. Передъ
самымъ обѣдомъ, пришелъ
слуга Донны Кимены и ска-

залъ Дону Феликсу: „Какой-
 то прїѣзжій изъ Толедо спра-
 шивалъ васъ у тетушки ва-
 шей и оставилъ эту запи-
 ску.“—Мнимый Мендоза, рас-
 печатавъ записку, прочишалъ
 вслухъ слѣдующее: „Если
 „вы хотите узнать о со-
 „стояніи вашего батюшки и
 „о важныхъ для васъ дѣлахъ,
 „то приходите въ пракпиръ
 „Воронова Коня, что близъ
 „Университета.“—Хотѣлось
 бы мнѣ знать, сказалъ онъ,
 какія это важныя дѣла: пой-
 ду поскорѣе. Не прощаюсь
 съ вами, Пашеко: ежели что
 задержишь меня и я не во-
 рочусь сюда черезъ два ча-
 са, то вы можете одни идти

къ тетушкѣ ; а послѣ обѣда увидимся у нее непременно. Судя по словамъ Жилблаза , вы, кажется, смѣло можете сдѣлать ей посѣщеніе.—Сказавши это , онъ вышелъ и велѣлъ мнѣ за собою слѣдовать.

Легко можно себѣ представить , что мы , вмѣстѣ съ тѣмъ , чѣмъ иди въ прак-тиръ Воронова Коня, отпра-вились прямо въ тотъ домъ, гдѣ жила госпожа Оршицъ. Только что успѣли войти туда, какъ Аврора сняла свой бѣлокурой парикъ , вымыла брови, надѣла женское платьѣе и сдѣлалась прелестною брю-ншкою, какою сотворила ее

природа. Новый нарядъ такъ перемѣнилъ ее, что казалось, будто бы Аврора и Донъ Феликсъ были двѣ совсемъ различныя особы. Женское платье дѣлало ее гораздо выше ростомъ, противъ того, какъ была она въ мужскомъ: правда, что чрезвычайно высокіе каблуки ея не мало къ тому способствовали. Прибавивъ къ природнымъ прелестямъ своимъ все, что только могла занять ошъ искусства, съ нетерпѣніемъ ожидала она Дона Людовика; сердце ея волновалось между страхомъ и надеждою. То полагалась на разумъ свой и красоту, то опасалась неудач-

наго опыта. Орпицъ, съ своей стороны, со всемъ усердіемъ готовилась помогать госпожѣ своей. Чтожъ касается до меня, то я не прежде долженъ былъ показаться Пашеку въ этомъ домѣ, какъ при концѣ его посѣщенія, и походилъ въ семь случаѣ на тѣхъ актеровъ, копорые являющся на сцену только въ послѣднемъ дѣйствіи. И такъ, обобѣдавши, пошелъ я тотчасъ со двора.

Наконецъ все было уже въ порядкѣ, когда пришелъ Донъ Людовикъ. Донна Кимена приняла его очень ласково. Онъ провелъ около трехъ часовъ въ разговорахъ съ

Авророю. Наконецъ я вошелъ къ нимъ въ комнату и сказалъ Дону Людовику: „Донъ Феликсъ проситъ васъ, сударь, чшобъ вы извинили его: ему никакъ не лъзя сегодня бытъ здѣсь: у него теперь шрое прїѣзжихъ изъ Толедо, отъ которыхъ онъ не скоро еще опдѣлается.“— Ахъ, онъ повѣса! вскричала Донна Кимена: вѣрно съ ними пируешь.— „Нѣтъ, сударыня, опвѣчалъ я, онъ занимается съ ними преважными дѣлами. Ему очень жаль, что не можешь придти сюда; онъ поручилъ мнѣ доложить объ этомъ вамъ и Доннѣ Аврорѣ.“— О! я не принимаю его

извиненій, сказала госпожа моя: онъ знаетъ, что я была нездорова; можно бы, кажется, ему имѣть поболѣе привязанности къ роднымъ своимъ. Въ наказаніе за это не хочу видѣть его цѣлыя двѣ недѣли. — „ Не будьте такъ жестоки, сударыня—подхватилъ Донъ Людовикъ—Донъ Феликсъ довольно уже и шѣмъ наказанъ, что не имѣлъ удовольствія васъ видѣть.“ —

Они забавлялись нѣсколько времени на счетъ мнимаго Феликса; наконецъ Пашеко пошелъ домой. Прекрасная Аврора потчасъ переряжается, надеваетъ опять мужское платье, и возвращается, какъ можно

скорѣе, въ шракиширь. — „Простите меня, любезный другъ, сказала она Дону Людовику, что я обмануль васъ : меня задержали. По крайней мѣрѣ то утѣшаетъ меня, что вы имѣли время удовлетворить ваше любопытство. Ну, какова вамъ кажется моя сестра ? Говорите откровенно.“ — Она обворожила меня, отвѣчалъ Пашеко; правда ваша, что вы другъ на друга похожи : какъ двѣ капли воды ! тошъ же окладъ лица, тошъ же глаза, тошъ же ротъ, тошъ же голосъ. Однакожь я замѣшилъ маленькое различіе : Аврора повыше васъ ; она черноволося, а вы блѣ-

куры, вы веселаго характера — она поважнѣе : вошъ и вся между вами разница ! Чтожь касается до разума — продолжалъ онъ — то не думаю, чтобъ какое нибудь небесное существо могло бытъ умнѣе вашей сестрицы: однимъ словомъ — въ ней находящся всѣ совершенства.

Пашеко произнесъ послѣднїя слова съ такою живостью, что Донъ Феликсъ сказалъ ему улыбаясь : „Послушайте моего дружескаго совѣта : не ходите болѣе къ Доннѣ Кименѣ ; отъ эшаго зависить ваше спокойствіе. Аврора де Гусманъ можетъ надѣлать вамъ хлопотъ, вну-

шить сшрась... — Не для
 чего мнѣ видѣть ее въ дру-
 гой разъ—прервалъ Пашеко—
 чтобъ лишиться свободы: дѣ-
 ло кончено. — „Жалѣю: вы
 не такой человекъ, который
 бы могъ любить постоянно,
 а сестра моя — говорю вамъ
 напередъ — не Изабелла. Она
 не будетъ довольна любов-
 никомъ, имѣющимъ на нее не-
 позволенные виды.“ — Что вы
 говорите? Кто осмѣлился
 имѣть ихъ? Ахъ! я почелъ
 бы себя счастливейшимъ изъ
 смертныхъ, еслибъ она удо-
 стоила меня благосклоннымъ
 взоромъ и согласилась сое-
 динить навѣки судьбу свою
 съ моею! —

„Когда такъ, отвѣчалъ
 Донъ Феликсъ, то я готовъ
 быть вашимъ посредникомъ:
 употреблю всѣ способы скло-
 нить Аврору въ пользу вашу,
 и завтра же постараюсь уго-
 ворить тетушку, которая
 имѣетъ большую власть надъ
 нею.“— Пашеко не находилъ
 словъ для выраженія благо-
 дарности за такое обѣщаніе, и
 мы съ радостію замѣтили, что
 хитрость наша удалась, какъ
 не лзя лучше. Новая на дру-
 гой день наша выдумка еще
 болѣе увеличила любовь Дона
 Людовика. Госпожа моя, по-
 бывавши у Донны Кимены,
 подъ предлогомъ, чтобы скло-
 нить ее на сторону эшаго

кавалера, и возвратившись домой, сказала ему: „Я видѣлся съ тетушкой, и насилу могъ уговорить ее. Она была ужасно предубѣждена прошивъ васъ. Не знаю, кшо предспавиль ей васъ самымъ развратнымъ волокитою; однакожь я крѣпко споялъ за моего друга и наконецъ совершенно истребилъ невыгодное мнѣніе, которое она имѣла о вашемъ поведеніи.“

„Это еще не все, продолжала Аврора, я хочу, чшобы вы сами при мнѣ объяснились съ тетушкой: тогда она еще охотнѣе станеть спараться объ васъ у сестры моей.“ Пашеко изъявилъ чрез-

вычайное неперпѣніе видѣшья-
 ся съ Донною Кименою. На
 другой день поутру мни-
 мый Феликсъ повелъ его къ
 госпожѣ Орпицѣ. Въ продол-
 женіе разговора Донъ Людо-
 викъ ясно показалъ, что въ
 такое короткое время влю-
 бился онъ до безумія. Хиш-
 рая Кимена припворилась,
 будто была тронута спра-
 сшною его любовью, и обѣ-
 щалась употребить всѣ воз-
 можныя старанія, чтобы
 убѣдить племянницу отдать
 ему свою руку. Пашеко бро-
 сился къ ногамъ доброй теш-
 ки, и благодарилъ ее за ея
 милости. Потомъ Донъ Фе-
 ликсъ спросилъ, встала ли

сестра его? — „Нѣтъ, она еще спитъ, отвѣчала Дуенна; теперь не лѣзя ее видѣть, а приходите послѣ обѣда: тогда можете пробывать съ нею, сколько вамъ угодно.“ Этому отвѣту — какъ легко можно вообразить — удвоилъ радость Дона Людовика: устроилось ему цѣлымъ годомъ. Онъ возвратился въ практику съ Феликсомъ, который находилъ немалое удовольствіе наблюдать за нимъ и видѣть всѣ признаки истинной любви.

У нихъ только и разговоровъ было, что объ Аврорѣ. Послѣ обѣда Донъ Феликсъ сказалъ Пашеку: „Вотъ что

пришло мнѣ въ голову : не лучше ли будетъ , когда я пойду къ тешушкѣ за нѣсколько минушъ прежде васъ; я поговорю наединѣ съ сесприцею, и узнаю, если можно, о ея къ вамъ расположеніи.“ Донъ Людовикъ одобрилъ эту мысль и пошелъ со двора часъ спустя послѣ своего пріятеля. Госпожа моя такъ хорошо воспользовалась временемъ, что была уже въ женскомъ плашѣ, когда пришелъ ея любовникъ. „ Я полагалъ — сказалъ онъ поклонясь Аврорѣ и Дуеннѣ — что найду здѣсь Дона (Феликса.“ — Сію минушю вы его увидите, отвѣчала Донна Кимена: онъ

пишетъ въ моемъ кабинетѣ.—
 Пашеко, казалось, доволенъ
 былъ такою опговоркою, и
 вступилъ съ дамами въ раз-
 говоръ. Между тѣмъ, не смо-
 тря на присутствіе люби-
 маго предмета, примѣтилъ
 онъ, что время лѣтитъ, а
 Феликса все еще нѣтъ, какъ
 нѣтъ; наконецъ, потерявъ
 терпѣніе, началъ онъ спра-
 шивать о причинѣ его от-
 сутствія. Вдругъ Аврора о-
 ставила приговорство, захо-
 жала и сказала Дону Лю-
 довику: „возможно ли, чтобъ
 вы по сю пору не догадались,
 что васъ обманываютъ? Не
 ужьли бѣлокурой парикъ и
 подкрашенные брови такъ

перемѣнили меня, что можно было ошибиться? Перестаньте заблуждаться, Пашеко—продолжала она, принявъ на себя прежнюю важность — знайте, что Донъ Феликсъ де Мендоза и Аврора де Гусманъ одно и то же.“—

Она не удовольствовалась тѣмъ, что вывела его изъ заблужденія—она открыла ему спрасъ свою, и призналась во всемъ, что сдѣлала для достиженія желаемой цѣли. Восхищенный Донъ Людовикъ не въ силахъ былъ владѣть собою: онъ бросился къ ногамъ госпожи моей и вскричалъ съ восторгомъ: „Ахъ, прелестная Аврора! смѣю ли вѣришь,

чтобъ я былъ хоть сча-
 стливый смертный, къ ко-
 торому вы такъ благосклон-
 ны? Чѣмъ изъявишь вамъ
 благодарность мою? Вѣчною
 любовью?... но и этого мало.“—
 За сими словами послѣдовало
 еще множество другихъ нѣ-
 жныхъ и спрасныхъ объяс-
 неній; потомъ любовники на-
 чали совѣтоваться, какія при-
 няты мѣры къ скорѣйшему со-
 вершенію ихъ желаній. Поло-
 жено было всѣмъ намъ ѣхать
 немедленно въ Мадридъ и
 кончить нашу комедію свадь-
 бою. Какъ положено, такъ и
 исполнено. Черезъ двѣ не-
 дѣли Донъ Людовикъ обвѣн-
 чался съ Авророю и бракъ

ихъ былъ поводомъ къ без-
численнымъ праздникамъ и
веселостямъ.

ГЛАВА VII.

*Жилблазъ перемѣняетъ
мѣсто, и опредѣляется къ
Дону Гонзалецу Пашеко.*

Три недѣли спустя послѣ
свадьбы, госпожа моя захо-
тѣла наградить меня за о-
казанныя ей услуги. Пода-
ривъ мнѣ сто пистолей, она
сказала: „послушай, любезный
Жилблазъ, я не гоню тебя
изъ моего дому: живи у меня,

Часть III.

сколько тебѣ вздумается; но дядя мужа моего, Донъ Гонзалецъ Пашеко, желаетъ имѣть тебя своимъ камердинеромъ. Я наговорила ему о тебѣ много хорошаго, и онъ увѣрялъ меня, что почтетъ за великое удовольствіе, ежели я ему уступлю тебя. Онъ человекъ уже пожилой, и предобраго нрава: тебѣ будешь жить у него очень хорошо.“

Я благодарилъ Аврору за ея милосши, и какъ она не имѣла уже болѣе во мнѣ нужды, то принялъ предлагаемое ею мѣсто, тѣмъ охотнѣе, что все оставался въ услугахъ у одной и той же

фамиліи. И такъ пошелъ я
 однимъ упрямъ отъ имени
 новобрачной къ Дону Гонза-
 лецу. Онъ лежалъ еще въ по-
 стелѣ, хопя уже было близ-
 ко полудни. Въ то время
 какъ я вошелъ въ комнату,
 онъ кушалъ бульонъ, копо-
 рый принесъ ему пажъ. Усы
 у него были завиты въ бу-
 мажки, глаза почти совсемъ
 потухшіе, лице блѣдное и
 сухощавое. Онъ принадлежалъ
 къ числу тѣхъ спариковъ,
 которые, проведя молодость
 свою въ распущствѣ, не ос-
 тавляющъ и въ пожилыхъ
 лѣтахъ прежнихъ шалостей.
 Онъ принялъ меня ласково,
 и сказалъ, что если я буду

служить ему съ такимъ же усердіемъ, какъ служилъ его племянницѣ, то могу надѣяться, что онъ составитъ мое счастіе. Я обѣщаль имѣть къ нему такую же привязанность, какъ и къ Доннѣ Аврорѣ, и съ сей самой минуты онъ принялъ меня къ себѣ въ услуженіе.

Вотъ я и у новаго господина! Богъ знаетъ, что это былъ за человѣкъ. Когда онъ всталъ съ постели, то мнѣ показалось, что вижу воскресеніе Лазаря. Представъше себѣ предлинный скелетъ, обшянутый кожею, по которому легко можно было научиться Остеологіи. Ноги

его были такъ понки, какъ флейшы, не смотря на то, что онъ надѣлъ при или четыре пары чулокъ. При томъ же, эта живая мумія спрадала одышкою, и при каждомъ словѣ кашляла. Напившись шеколаду, спросилъ онъ бумаги и чернилъ; написалъ записку и запечатавъ ее, велѣлъ своему пажу опнести по адресу; потомъ, оборотясь ко мнѣ, сказалъ: „другъ мой, впередъ уже тебѣ буду дѣлать мои порученія, а особливо тѣ, которыя касающся до Донны Евфразіи, одной молодой госпожи, которую я люблю и которая нѣжно меня любитъ.“—

Боже мой! сказалъ я тогда
 самъ себѣ, какъ не думатьъ
 молодымъ людямъ, что ихъ
 любяшъ, когда этакъ спа-
 рой безумецъ воображаетъ,
 что боготворяшъ его? —
 „Жилблазъ—продолжалъ онъ—
 я возьму тебя съ собою къ
 ней сегодня же: почти вся-
 кой вечеръ я у нее ужинаю.
 Благородный и скромный
 видъ ея приведетъ тебя въ
 восхищеніе. Она совсемъ не
 похожа на тѣхъ вѣтреницъ,
 которыя знаются съ моло-
 дѣжью и судяшъ по наруж-
 носпи: умъ у нее зрѣлый и
 основательный; она ищетъ
 въ мужчинѣ чувствительнаго,
 нѣжнаго сердца, и самымъ

блестящимъ красавцамъ пред-
 почищаетъ любовника, ко-
 торый умѣетъ любить.“ —
 Донъ Гонзалецъ не ограни-
 чилъ еще тѣмъ похвалы своей
 возлюбленной: онъ старался
 доказать, что она есть вмѣ-
 стилище всѣхъ совершенствъ.
 Но такого слушателя, каковъ
 я, не легко было въ томъ
 увѣрить: насмотрѣвшись на
 плутовскія уловки актрисъ,
 не почиталъ я старыхъ го-
 сподъ за большихъ счастливи-
 цевъ въ любви. Однакожь, изъ
 вѣжливости, притворился,
 будто бы всему повѣрилъ.
 Эшаго еще мало: я хвалилъ
 разборчивость и тонкой вкусъ
 Евфразіи; не постыдился даже

ушверждашь, что она не можешь имѣть лучше и достойнѣе его любовника. Легковѣрный спарикъ не только не почувствовалъ, что я ему льщу, но сдѣлался ко мнѣ еще благосклоннѣе. Вотъ доказательство, что льстецъ на все можетъ отважиться со знатыми господами! Они охотно слушаютъ и самыя нелѣпыя ласкательства.

Отправивъ письмо, спарикъ вырвалъ щипчиками нѣсколько волосъ изъ бороды своей; потомъ промылъ глаза, которые наполнены были густымъ гноемъ; вымылъ также уши и руки; насурмилъ усы, брови и волосы. Онъ

занимался туалетомъ гораздо долѣе, нежели какая нибудь старая вдова, копорая спарается загладитъ слѣды, проведенные на лицѣ ея рукою времени. Когда нарядъ его кончился, то вошелъ въ комнату другой старикъ, пріятель его, Графъ Азумаръ. Сей послѣдній не скрывалъ сѣдыхъ волосъ своихъ, опирался о палку и—какъ видно было—не только не спарался казаться молодымъ, но еще гордился своею старостью. „Господинъ Пашеко—сказалъ онъ входя—я сегодня у васъ обѣдаю.“—Милости просимъ, Графъ!—оповѣчалъ мой господинъ.— Они

обнялись, сѣли и начали разговаривать, пока накрывали на столъ.

Первый разговоръ зашелъ о бывшемъ недавно боѣ быковъ. Они разсуждали о кавалерахъ, которые отличились передъ другими проворствомъ своимъ и силою. Старый Графъ, какъ другой Неспоръ, которому все настоящее подавало случай хвалить прошедшее, сказалъ со вздохомъ: „Нѣтъ! не видашь теперь такихъ молодцовъ, какіе бывали въ старину! Что нынѣшніе турниры въ сравненіи съ прежними!“ — Я внутренно смѣялся надъ предубѣжденіемъ господина Азу-

мара, который не удоволь-
 ствовался порицаніемъ од-
 нихъ турнировъ; но взгля-
 нувъ за десертомъ на пре-
 красивые персики, сдѣлалъ
 слѣдующее замѣчаніе: „Въ мое
 время персики были гораздо
 крупнѣе нынѣшнихъ; приро-
 да день ото дня истощает-
 ся.“— По этому, подхватилъ
 Донъ Гонзалецъ усмѣхнув-
 шись, персики при Адамѣ
 крупнѣе были нынѣшнихъ
 тыквъ.—

Графъ Азумаръ пробылъ
 почти до вечера у моего го-
 сподина, который какъ толь-
 ко лишь отъ него отдѣлался,
 то и пошелъ самъ со двора,
 приказавъ мнѣ за собою слѣ-

довать. Мы отправились къ
 Доннѣ Евфразіи, которая жи-
 ла отъ насъ очень близко, и
 зашли ее въ комнату, убран-
 ной съ большимъ вкусомъ.
 Она была щегольски одѣта,
 и показалась мнѣ съ лица
 очень молодою, хотя имѣла
 отъ роду по крайней мѣрѣ
 лѣтъ шридесятъ. Съ пріятною
 наружностью соединяла она
 удивительный разумъ. Она
 не принадлежала къ числу
 тѣхъ кокетокъ, которыя от-
 личаются только вольнымъ
 обращеніемъ и болтаньемъ:
 въ поступкахъ и словахъ ея
 видна была спрожайшая бла-
 гоприспособность; говорила
 чрезвычайно остро, не спа-

раясь выказывать своего остроумія.— Боже мой! сказалъ я самъ себѣ, возможно ли, чтобъ женщина, которая казалася такою скромницей, жила распутно? Я воображалъ себѣ, что всѣ эти жрицы Пафосской богини должны быть безстыдны, и удивлялся, нашедши одну изъ нихъ скромную — по наружности. Мнѣ тогда не вошло въ голову, что онѣ великія мастерицы припворяться и поддѣлываться ко нравамъ богачей и вельможъ, которые попадаются къ нимъ въ руки. Хопятъ ли обожатели ихъ развязности? — онѣ живы и рѣзвы; нравятся ли имъ

скромность? — онъ являющся
подъ личиною благоразумія и
цѣломудрія. Настоящіе хаме-
леоны, перемѣняющіе цвѣтъ,
смотря по нраву и склонно-
стямъ шѣхъ, которые къ
нимъ приближаются!

Донъ Гонзалецъ былъ не
одного вкуса съ прочими зна-
мыми господами: онъ не могъ
перпѣть дерзскихъ краса-
вицъ, и женщина, которая
захотѣла бы ему понравить-
ся, должна была непременно
имѣть скромную наружность
Веспалки. Евфразія не могла
не замѣтить въ немъ тако-
го расположенія и доказала,
что не на одномъ только
театрѣ есть искусныя ак-

трисы. Оставивъ моего господина съ его нимфою, пошелъ я въ особую комнату, гдѣ нашелъ старую горничную. Я потчасъ узналъ въ ней давнишнюю свою знакомку: она служила прежде у одной актрисы, и также меня узнала. „Это вы, господинъ Жилблазъ!— вскричала она съ восторгомъ. Давно ли опошли опъ Арсеніи?“ Давно, отвѣчалъ я, и послѣ того служилъ уже у одной знатной дѣвицы. Жизнь театральныхъ героевъ и героинь не очень мнѣ нравится. Я оставилъ Арсенію по собственной своей волѣ, даже не объяснившись съ нею.—

„Вы хорошо сдѣлали, подхватила Беатрикса (такъ звали горничную); я почти также поступила съ Констанціею. Въ одно утро сказала ей на отрѣзъ, что не хочу жить у нее; она не опѣчала мнѣ ни слова, и мы разстались безъ всякой церемоніи.“

—Очень радъ, сказалъ я, что мы встрѣшились въ порядочномъ домѣ. Донна Евфразія, какъ я вижу, дама знатная, и, кажется, съ прекрасными качествами.— „Вы не ошибаетесь: она изъ хорошей фамиліи; чтожь касается до ея нрава, то могу васъ увѣрить, что такого

постояннаго и тихаго вы
 ни въ комъ не найдете. Она
 не изъ числа тѣхъ серди-
 тыхъ и своенравныхъ го-
 спожъ, на которыхъ не уго-
 дишь ни чѣмъ, которыя вор-
 чать безпрестанно, мучать
 людей своихъ, и которыми
 служишь то же, что бышь
 въ аду. Я ни разу еще не
 слыхала отъ нее браннаго
 слова. Когда случится мнѣ
 сдѣлать что нибудь не такъ,
 какъ ей хочется, то она вы-
 говариваетъ мнѣ безъ доса-
 ды и безъ брани, на кошо-
 рую сердитыя госпожи столь-
 ко щедры.— Господинъ мой
 также очень кротокъ: рѣд-
 кая душа! И такъ теперь

намъ съ вами гораздо лучше, чѣмъ было у актрисъ.—,,Какое сравненіе! тамъ вела я жизнь шумную и безпокойную; а здѣсь живу уединенно. Кромѣ Дона Гонзалеца никто изъ мужчинъ сюда не ходитъ. Я буду видѣть однихъ только васъ, и это меня восхищаетъ. Давно уже я къ вамъ равнодушна, и не разъ завидовала Лаурину счастью, что она имѣла васъ своимъ любовникомъ. Впрочемъ надеюсь, что буду и я не меньше счастлива. Правда, я не такъ молода и пригожа, какъ Лаура, за то ненавижу кокетство и вѣрна какъ горлица.“

Добрая Беатрикса была изъ числа тѣхъ женщинъ, копорыя, видя, что никто не спарается о снисканіи ихъ благосклонности, сами на всѣхъ съ нею навязываются, и пошому я нисколько не хотѣлъ воспользоваться ея объясненіемъ. Однакожь, чшобъ не дать замѣшеть моего къ ней презрѣнія, я опвѣчалъ съ такою учтивостію, что она не совсемъ лишилась надежды заманишь меня въ свои сѣти. Такимъ образомъ воображалъ я себѣ, что плѣнилъ старую горничную; но и тутъ опять обманулъ. Не одна красота моя заставляла ее такъ со мною обхо-

дишься: главная цѣль ея состояла въ томъ, чтобы склонить меня на сторону госпожи своей, къ которой столько была привязана, что ничего въ свѣтѣ не жалѣла для услугъ ея. Заблужденіе мое открылось на другой день по утру, когда принесъ я къ Евфразіи любовное письмецо отъ моего господина. Она приняла меня благосклонно и обошлась со мною очень ласково. Горничная также вмѣшалась въ разговоръ. Одна удивлялась моему наружному виду; другая, сверхъ пріятности, находила въ немъ нѣчто умное и благородное. Донъ Гонзалецъ—

по словамъ ихъ—имѣлъ во мнѣ сокровище. Короче сказахъ: онѣ расхвалили меня до того, что возбудили во мнѣ подозрѣніе. Я проникнулъ въ ихъ намѣреніе, однакожь припворился будто всему вѣрю, и эшою хитростью обманулъ плутовокъ, кошорыя сняли наконецъ съ себя личину.

„Послушай, Жилблазъ, сказала мнѣ Евфразія, ошъ тебя самаго зависишь твое счастье. Станемъ, мой другъ, дѣйствовать соединенными силами. Донъ Гонзалецъ уже старъ; здоровье его такъ слабо, что самая легкая горячка — при помощи хорошаго Доктора—можешь оправишь

его на потъ свѣшъ. Воспользуемся временемъ, которое осталось ему жить; постараемся довести его до того, чтобы онъ отпказалъ мнѣ большую часть своего имѣнія. Я подѣлюсь съ тобою честнымъ образомъ, и сохраню это обѣщаніе столь же свято, какъ бы давала его письменно, за свидѣтельстввомъ всѣхъ Мадридскихъ Нотаріусовъ.“ — Къ вашимъ услугамъ, сударыня! — отвѣчалъ я. Извольте только приказать, что мнѣ дѣлать, и вы будете мною довольны. — „Хорошо же: ты долженъ наблюдать строго за своимъ господиномъ, и доводить до моего свѣденія каж-

дое его слово, каждый шагъ. Когда случится тебѣ съ нимъ разговаривать, заводи рѣчь о женщинахъ, и не пропускай случая хвалить меня. Сколь возможно болѣе занимай его Евфразіей. Но это еще не все. Не выпускай изъ виду ничего, что дѣлается въ Пашековой фамиліи. Ежели замѣтишь, что кто нибудь изъ родственниковъ Дона Гонзалеца слишкомъ къ нему подбивается, и цѣлится на его наслѣдство — сей часъ дай мнѣ о томъ знать, чтобы я могла принять свои мѣры. Я очень хорошо знаю всѣхъ родственниковъ моего господина; знаю, въ какихъ смѣ-

шныхъ видахъ можно ему ихъ представить; и уже довольно очернила передъ нимъ всѣхъ его братьевъ и племянниковъ. “

Изъ сихъ и тому подобныхъ наставленій, данныхъ мнѣ Евфразіею, заключилъ я, что она изъ числа тѣхъ красавицъ, которыя придерживаются щедрыхъ старичковъ. Недавно заспавила она Дона Гонзалеса продать деревню, а деньги прибрала къ себѣ; каждый день кое-чѣмъ опъ него шечилась, и сверхъ того надѣялась еще, что не будешь забыта въ духовной. Я притворился, будто готовъ исполнять съ охотою

ея требованіе; а — сказать правду — возвращаясь домой, колебался, помогать ли мнѣ обманывать моего господина, или стараться отвлечь его отъ любовницы. Последнее показалось мнѣ сообразнѣе съ честностію, и я чувствовалъ въ себѣ болѣе расположенія исполнять долгъ свой, нежели его нарушить. Впрочемъ Евфразія ничего вѣрнаго мнѣ не обѣщала, а это самое, можетъ быть, и было причиною вѣрности моей къ господину. И такъ, я рѣшился неизмѣнно служить Дону Гонзалесу, и былъ увѣренъ, что если удастся мнѣ отвлечь его отъ эшаго идола,

то получу во сто разъ лучшую награду.

Желая вѣрнѣе доспигнуть предположенной мною цѣли, я показывалъ себя совершенно преданнымъ Доннѣ Евфразіи; увѣрялъ ее, что буду безпреспанно говорить объ ней съ моимъ господиномъ, и на-сказалъ ей разныхъ небылицъ, копорыя приняла она за на-личныя деньги. Словомъ, я подлестился къ ней такъ искусно, что она почишала меня преданнымъ ей всею душою. Чтобъ еще лучше про-вести ее, пришворился я влюбленнымъ въ Беатриксу, копорая, будучи внѣ себя отъ восхищенія, что въ та-

кихъ лѣтахъ могла вскру-
житьъ голову молодому чело-
вѣку, вовсе не примѣчала того,
какъ ловко я ее обманывалъ.
Когда господинъ мой и я
бывали у своихъ красавицъ,
то представляли двѣ раз-
личныя картины въ одина-
комъ вкусѣ. Донъ Гонзалецъ,
сухой и блѣдный, какъ я
описалъ его выше, походилъ
на человека при послѣднемъ
издыханіи, когда хошѣлъ взгля-
нуть нѣжно; а моя инфанта,
чѣмъ спраспнѣе я припво-
рялся, тѣмъ жеманнѣе ста-
новилась, и не забывала ни
одной уловки старыхъ коке-
токъ: чему училась по край-
ней мѣрѣ сорокъ лѣтъ. Она

навошприлась, служа у шѣхъ
Цишерскихъ героинь, копо-
рыя умѣютъ нравишься и въ
старости, и копорыя уми-
раютъ, будучи обремѣнены до-
бычею ошъ двухъ или шрехъ
поколѣній.

Не довольно того, что я
каждый вечеръ бывалъ у Ев-
фразіи съ моимъ господиномъ,
но ходилъ къ ней иногда и
одинъ. Однако, въ какое вре-
мя ни случалось мнѣ бывать
у нее, никогда я не заста-
валъ шущъ ни мущины, ни
даже женщины подозритель-
наго виду. Не примѣшно бы-
ло нимальшихъ слѣдовъ не-
вѣрности. Это казалось мнѣ
очень странно: я не могъ

вообразить себѣ , чтобъ такая красавица была совершенно вѣрна Дону Гонзалесу. Послѣдствія оправдали мои догадки: прекрасная Евфразія, какъ вы скоро увидите, имѣла у себя въ запасѣ любовника болѣе приличнаго лѣтамъ ея, съ копорымъ могла терпѣливо ожидать наслѣдства моего господина.

Въ одно утро принесъ я къ ней по обыкновенію любовное письмецо , и между шѣмъ какъ дожидался отвѣта , увидѣлъ ноги спрятавшася за обои мушкетеры. Я вышелъ, сдѣлавъ видъ, будто бы ничего не замѣтилъ. Хотя не лзя было слишкомъ

удивляпсья такому отккры-
тію, и дѣло касалось не до
моей чести, однакожь мнѣ
было чрезвычайно досадно.
„Ахъ, вѣроломная! вскричалъ
я съ негодованіемъ, ты не
довольна тѣмъ, что обманы-
ваешь бѣднаго старика, увѣ-
ряя его въ любви своей; ты
еще завела связи съ другимъ,
чтобы довершишь твое вѣ-
роломство!“ — Какой же я
былъ дуракъ, рассуждая та-
кимъ образомъ! По крайней
мѣрѣ я сдѣлалъ бы умнѣе,
еслибъ не говорилъ о томъ
ни слова, и не вздумалъ
выдавать себя за вѣрнаго
слугу. Въспомо того, чтобы
умѣришь ревность мою, я

вступился со всею горячностію за честь Дона Гонзалеса, и сдѣлалъ ему вѣрное донесеніе о томъ, что видѣлъ; прибавилъ еще къ тому, что Евфразія хотѣла подкупить меня. Я рассказалъ ему подробно обо всемъ, что она со мною говорила. Отъ него самого, кажется, зависѣло образумишься. Слова мои поразили его; гнѣвъ, примѣшанный на лицѣ его, казалось, предвѣщалъ, что невѣрность любовницы его не останется безъ наказанія. — „Довольно, Жилбазъ—сказалъ онъ мнѣ—я очень благодаренъ тебѣ за твое усердіе и вѣрность. Сей часъ пойду къ Евфразіи,

разругаю ее, и прерву всякую связь съ невѣрною.“ — Съ сими словами онъ въ самомъ дѣлѣ пошелъ къ ней; а мнѣ позволилъ оспаться дома, чшобы избавишь меня отъ непріятной роли, кошую доспалось бы мнѣ играшь во время ихъ объясненій.

Съ величайшимъ нешерпѣніемъ ожидалъ я возвращенія моего господина, и не сомнѣвался, чшобъ онъ, имѣя столь важную причину жаловаться на свою любовницу, не пришелъ домой совершенно свободнымъ отъ сѣпей ея, или, по крайней мѣрѣ, съ твердымъ намѣреніемъ разорвать ихъ. Въ такомъ

ожидаіи, восхищался я самъ собою, представлялъ себѣ то удовольствіе, которое будутъ имѣть законные наслѣдники Дона Гонзалеца, когда узнаюшъ, что ихъ родственникъ не служишъ уже болѣе игрищемъ спраши, споль противной ихъ выгодамъ. Я льсшился надеждою, что они будутъ мнѣ за это благодарны, и что наконецъ ошличусь ошъ прочихъ слугъ, которые обыкновенно болѣе спараются удѣрживаши господъ своихъ въ распушсшвѣ, нежели опклоняшъ ошъ онаго. Мысль, что почтущъ меня примѣромъ лакеевъ ласкала моему самолюбію и при-

водила въ восхищеніе; но такія пріятныя мечтанія скоро разрушились. Господинъ мой возвратился домой.

„Другъ мой, сказалъ онъ мнѣ, я имѣлъ весьма жаркое объясненіе съ Евфразіею. Она утверждаетъ, что ты на нее налгалъ. По словамъ ея, ты не иное что какъ клеветникъ: тебя подкупили мои родственники, изъ угожденія къ которымъ спарашься ты всѣми мѣрами поссорить меня съ нею. Я видѣлъ, какъ она плакала, и слезы ея были непришворны. Она клялась всѣми святыми, что не дѣлала тебѣ никакихъ предложеній, и что

никакой другой мужчина къ ней не ходитъ. Беатрикса, которая, кажется мнѣ, дѣвушка честныхъ правилъ, увѣряла меня въ томъ же — и гнѣвъ мой укропился прошивъ воли. “ —

— Какъ, сударь — прервалъ я горестно — вы сомнѣваетесь въ моей искренности? не вѣрите.... „Нѣтъ, дружокъ, ты правъ. Я не почишаю тебя въ заговоръ съ моими родствѣнными; увѣренъ, что честь и польза моя тебѣ дороги, и очень за то благодаренъ. Но наружность обманчива: можешь быть, тебѣ такъ показалось. Посуди же, сколь непріятно дол-

жно бытъ Евфразіи твое
обвиненіе. Какъ бы то ни
было, перестать любить ее
я не въ силахъ. Я долженъ
принести ей жершву, копто-
рой она отъ меня пребуешъ:
долженъ опуститъ тебя.
Жаль; но нечего дѣлать. По
крайней мѣрѣ ты можешь
ушѣшаться тѣмъ, что я не
отпущу тебя безъ награды.
Я приспрою тебя къ мѣсту:
опрекомендую одной знакомой
госпожѣ, у которой будетъ
тебѣ хорошо.

Мнѣ очень больно было
видѣть, что усердіе мое об-
рашилось мнѣ же во вредъ.
Я проклиналъ Евфразію, и
сжалѣлъ о слабости Дона

Гонзалеца, который позво-
 лилъ ей водить себя за носъ.
 Добрый спарикъ довольно
 чувствовалъ, что опуская
 меня единственно изъ угож-
 денія своей любовницѣ, по-
 ступалъ не совсемъ справед-
 ливо. И такъ, чтобы при-
 крыть малодушіе свое, и
 заспавить меня скорѣе про-
 глошить пилюлю, далъ мнѣ
 пятьдесятъ червонцевъ, и на
 другой день повелъ къ Мар-
 кизъ Хавесъ. Онъ сказалъ ей
 при мнѣ, что я молодой че-
 ловѣкъ съ отличными каче-
 ствами, что онъ меня лю-
 бить, и что единственно
 фамильныя причины не поз-
 воляющъ ему долѣе держатъ

меня. Въ заключеніе онъ просилъ ее принять меня въ число своихъ служителей. Она тогда же оставила меня у себя — и вотъ опять очутился я въ новомъ домѣ.

ГЛАВА VIII.

Характеръ Маркизы Хавесъ; какіе люди посѣщали домъ ея.

Маркиза Хавесъ, вдова тридцати пяти лѣтъ, была высокаго росту, статна и прекрасна; не имѣя дѣтей она получала десять тысячъ

червонныхъ доходу. Я не
встрѣчалъ ни одной жен-
щины съ такою важною и
степенною наружноспію; всѣ
почитали ее самою умною
дамою въ Мадридѣ. Не бе-
русъ рѣшить, что достави-
ло ей эту славу: умъ ли ея,
или то, что у ней каждый
божій день собиралось мно-
жество знати и ученыхъ?
Скажу только, что съ име-
немъ ея была сопряжена мысль
о необыкновенномъ умѣ, и
что домъ ея почитался су-
дилищемъ вкуса.

Тамъ читались только по-
эмы, трагедіи и другія сши-
хотворенія, въ которыхъ о-
писывающся предметы важ-

ные: все забавное и комическое было въ изгнаніи. Комедія самая прекрасная, романъ самый остроумный и веселый, почитались тамъ произведеніями слабаго ума, и недостойными никакой похвалы; напротивъ того, самая посредственная ода, элога, или сонетъ, казались чрезвычайнымъ усиліемъ человѣческихъ дарованій. И потому часто случалось, что публика не только не утверждала сужденія нашихъ знатоковъ, но даже самымъ неучпивымъ образомъ освистывала піэсы, которыя были превознесены ими до небесъ.

Должность моя состояла единственно въ томъ, чтобъ въ положенные часы приготовить все нужное для пріема госшей; разставить по мѣстамъ кресла и стулья, вымести комнату, и потомъ ставши у дверей, впускать приходящихъ, докладывать объ нихъ Маркизѣ. Въ тотъ день, какъ я началъ исправлять свою должность, стоялъ въ передней вмѣстѣ со мною дворецкой, человекъ весьма не глупой и большой охотникъ посмѣяться. Онъ довольно хорошо описалъ мнѣ каждого гостя.

Первая пріѣхавшая особа былъ Епископъ; я доложилъ

о немъ, и когда онъ вошелъ,
 то Молина—такъ звали дво-
 рецкаго—сказалъ мнѣ: „Вопъ
 смѣшной человѣкъ! При Дво-
 рѣ его только что знаюшъ,
 а ему хочешся всякаго увѣ-
 ришь, что онъ тамъ въ боль-
 шой силѣ; всѣмъ предлагаетъ
 свои услуги, и никому ниче-
 го не дѣлаешъ. Однажды
 встрѣтился съ нимъ кто-то
 во Дворцѣ и поклонился:
 вопъ онъ его останаавливаешъ,
 душойшъ учтивостями, жмешъ
 руку, и говоришъ: „Боже
 мой! какъ я радъ, что нако-
 нецъ васъ увидѣлъ! Скажите
 мнѣ, ради Бога, чѣмъ могу
 вамъ служишъ: я не умру
 спокойно, ежели не найду

случая что нибудь для васъ сдѣлать!“— Тотъ спалъ благодарить его за такое участіе; но когда ушелъ, то Прелатъ, оборотясь къ одному изъ своихъ подчиненныхъ, сказалъ: „мнѣ кажется, что я знаю эшаго человека: помнишь, я его гдѣ-то видѣлъ.“

Потомъ пріѣхалъ сынъ одного Гранда. „Еще оригиналь! сказалъ Молина; вообрази, что онъ часто пріѣзжаетъ въ иной домъ для того, чтобъ поговорить съ хозяиномъ о какомъ нибудь важномъ дѣлѣ—и уѣзжаетъ не сказавъ о немъ ни слова. Но...прибавилъ Молина, увидя

двухъ женщинъ: вошъ Донна Ангела де Пеннафіэль и Донна Маргарита де Монпальванъ. Эши двѣ дамы ни сколько не походятъ одна на другую. Донна Маргарита хочешъ казаться большою философкою, рада спорить съ самыми учеными Саламанкскими Докторами, и—что ей ни говори!—никогда не уступитъ. Напрошивъ того, Донна Ангела хошя имѣетъ много познаній, но не хочешъ слышъ ученою; умной, непринужденной разговоръ ея всякому покажется пріятнымъ.“— Это заставляетъ любить ее, сказалъ я Молинъ; но характеръ ея подру-

ги, кажется мнѣ, не очень приличенъ прекрасному полу.— „Не только не очень, но и совсемъ неприличенъ—отвѣчалъ онъ улыбаясь:—это иногда и мужчинъ дѣлаетъ смѣшными... Наша Маркиза также немножко заразилась философіею. Посмотри, сколько спору будетъ сегодня! Дай Богъ, чшобъ они хошь бѣдную вѣру оставили въ покоѣ!“

Тупъ пришелъ сухощавый человекъ, съ важнымъ и преугрюмымъ видомъ. Молина и его не пощадилъ. „Этотъ господинъ, сказалъ онъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, копорые, при помощи своего молчанія и вы-

ученныхъ сеншенцій изъ Се-
неки , хотяпъ прославиться
глубокомысліемъ ; но кото-
рые—ежели разсмотрѣшь ихъ
хорошенько—набитые дура-
ки.“ За нимъ вошелъ чело-
вѣкъ довольно стройный; на
лицѣ его написано было, что
онъ очень доволенъ собою. —
Это кто? спросилъ я — „Дра-
матической стихотворецъ,
опивчаль Молина. Онъ напи-
салъ въ жизнь свою сто ты-
сячъ стиховъ , которые не
принесли ему ни копѣйки;
но за то теперь шестью
строками прозы сдѣлалъ се-
бѣ навсегда состояніе.“

Я хотѣлъ было распро-
сигъ объ этихъ благодѣтель-

ныхъ шести спрочкахъ, какъ
услышалъ страшный шумъ
на лѣстницѣ. „Вотъ пожа-
ловалъ и Лиценціата Кам-
панаріо! сказалъ Молина:—онъ
самъ о себѣ докладываетъ:
еще у воротъ начинаетъ кри-
чать, и продолжаетъ это до
тѣхъ поръ, пока опять не
выдешъ за ворота.“ Въ са-
момъ дѣлѣ, всюду раздавался
голосъ шумнаго Лиценціата:
онъ привелъ одного пріятеля,
Баккалавра, и во весь
день не закрывалъ рта ни
на минушу.— Видно, что
Кампанаріо человекъ не глу-
пой, сказалъ я Молинѣ.—„Да,
отвѣчалъ онъ: въ немъ есть
остроша, и онъ довольно

пріятель въ обществѣ; но за то ужь говорунъ немило-сердый! и, что всего несноснѣе, любитъ сто разъ повторять одно и тоже!... Впрочемъ, забавный видъ, съ которымъ онъ рассказываетъ, едва ли не главное достоинство его шутокъ; самыя умныя изъ нихъ не сдѣлають большой чести собранію острыхъ словъ.“

Тутъ явилось еще нѣсколько лицъ, которыя всѣ были описаны товарищемъ моимъ довольно забавно. Онъ не забылъ также сдѣлать портретъ и нашей госпожи, который мнѣ очень понравился. „Въ Маркизѣ, при всей

философiи, сказалъ онъ, умъ
 самый обыкновенный; впро-
 чемъ, нравъ у ней не дуренъ,
 и намъ грѣшно на нее жа-
 ловаться. Между знашными
 дамами такихъ немного; въ
 ней нѣтъ ни одной стра-
 сти: въ карты она не играетъ,
 не любитъ ни щегольства,
 ни кокетства; все ея веселье
 — разговоръ. Такой образъ
 жизни для многихъ дамъ по-
 казался бы скучнымъ.“ Эти
 похвалы предупредили меня
 въ пользу Маркизы. Однакожь,
 спустя нѣсколько дней, я
 началъ подозрѣвать, что она
 не совсемъ безстрашна. Вотъ
 какимъ образомъ родилось во
 мнѣ это подозрѣніе.

Въ одно утро, когда она сидѣла за туалетомъ, пришелъ какой-то человекъ лѣтъ сорока, очень малаго роста, самой непріятной наружности, запачканный какъ сочинитель Педро де Моія, и еще въ добавокъ къ этому, съ превеликимъ горбомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что хочетъ поговорить съ Маркизою.—Отъ кого ты? спросилъ я.—,Отъ себя, отвѣчалъ онъ гордо. Скажи Маркизѣ, что я тотъ человекъ, о которомъ она говорила вчера съ Донною Анною де Веласко.“ Я доложилъ о немъ. Маркиза въ ту же минуту оставила свой туалетъ, и съ чрезвычайною

радостью сказала, чтобы и
 выпустилъ его. Потомъ, всперѣ-
 тивъ его какъ не лѣзя ла-
 сковѣ, приказала она гор-
 ничнымъ своимъ выдти, и
 счастливый горбунъ остался
 съ нею одинъ. Это непонят-
 ное свиданіе, которое пода-
 ло поводъ горничнымъ и мнѣ
 довольно посмѣяться, про-
 должалось около часу; послѣ
 чего Маркиза отпустила гор-
 буна, осыпавъ его множес-
 твомъ учтивостей, изъ ко-
 торыхъ можно было дога-
 даться, что она имъ очень
 довольна.

Ей въ самомъ дѣлѣ споль-
 ко полюбилась его бесѣда,
 что ввечеру она сказала мнѣ

наединѣ : „Послушай, Жил-
 блазъ, когда эпошъ горбунъ
 придешъ, введи его ко мнѣ
 въ спальню; только поста-
 райся, чшобъ никто его не
 видалъ.“ Признашъся, эшо
 приказаніе ушвердило мои
 подозрѣнія. Однакожь я по-
 слушался Маркизы, и на дру-
 гой день, когда горбунъ опашъ
 пришелъ, я провель его въ
 спальню по пошпенной лѣст-
 ницѣ. Я дѣлалъ эшо нѣсколь-
 ко разъ, и наконецъ изъ по-
 ступковъ Маркизы вывелъ
 слѣдующія заключенія: или
 Маркиза имѣешъ очень стран-
 ный вкусъ, или горбунъ при-
 носитъ ей вѣсши ошъ како-
 го нибудь любовника.

„Тьфу пропасть! говорилъ
я самъ себѣ, ушвердившись
въ эсихъ догадкахъ: ежели
Маркиза любишь какого ни-
будь порядочнаго человѣка —
ужь такъ и бышь! но ежели
она влюбилась въ эту обезья-
ну — можно ли чѣмъ извинишь
такой испорченный вкусъ!“
Какъ худо я объ ней думалъ!
Маленькой горбунъ выдавалъ
себя за чернокнижника; Мар-
кизу увѣрили, что онъ поч-
но колдунъ, а Маркиза вѣ-
рила всѣмъ плушнямъ шар-
лапановъ: вошь и вся загад-
ка, почему принимала она
эшаго урода! Онъ давалъ ей
смотреѣть въ хрусталь, училъ
жертѣть решето, и ошкры-

валъ за деньги всѣ тайнства
кабалистики; или, говоря
справедливѣе, онъ былъ плутъ,
который жилъ на счетъ лег-
ковѣрныхъ людей, и, какъ
сказывали, сбиралъ со мно-
гихъ знатныхъ дамъ хоро-
шую подашь.

ГЛАВА IX.

*По какому слугаю Жил-
блазъ оставилъ домъ Мар-
кизы Хавесъ, и что съ
нимъ случилось.*

Я служилъ уже съ пол-
года у Маркизы, и былъ

очень доволенъ своимъ мѣс-
томъ; но судьба, коюрой я
долженъ былъ повиноваться,
не позволила мнѣ долѣе быть
ни въ домѣ этой дамы, ни
даже въ Мадридѣ. Вотъ при-
ключеніе, копорое принудило
меня опшуда удалиться.

У Маркизы была горнич-
ная, по имени Порція. Кромѣ
молодости и красоты, я на-
шелъ въ ней такой хорошій
нравъ, что полюбилъ ее, не
зная, что мнѣ должно спо-
рить съ другимъ о ея серд-
цѣ. Секретарь Маркизы, че-
ловѣкъ гордый и ревнивый,
былъ также влюбленъ въ
Порцію. Едва примѣтилъ онъ
мою склонность, то, не ста-

раясь вывѣдать, любимъ ли я взаимно, предложилъ мнѣ биться съ нимъ на шпагахъ. Рыцарь былъ такъ малъ ростомъ, что едва подходилъ ко мнѣ подъ плечо, и казался такимъ слабымъ, что я вовсе не считалъ его опаснымъ для себя соперникомъ. Вотъ явился я на мѣсто сраженія въ твердой надеждѣ, что накажу дерзкаго, и уже напередъ восхищался мыслию, что этотъ случай обратитъ на меня вниманіе Порціи. Но на дѣлѣ оказалось совсемъ не то: прошивникъ мой, который два или три года учился фехтовать, обезоружилъ меня какъ ребенка, и

приспавъ шпагу къ груди
 моей, сказалъ: „или гошовь-
 ся умереть, или дай чест-
 ное слово оставишь домъ
 Маркизы и не думашъ о
 Порціи!“ Я согласился на
 все шѣмъ охотнѣе, что пос-
 лѣ такой неудачи мнѣ каза-
 лось стыдно появишься на
 глаза людямъ Маркизы, а
 особливо прекрасной Еленѣ,
 кошорая была причиною на-
 шего поединка. И такъ я
 возвратился домой только
 за шѣмъ, чтобъ забрать мои
 пожитки, и въ томъ же день
 вышелъ изъ города на То-
 ледскую дорогу, имѣя въ
 карманѣ шуго набитой ко-
 шелекъ, а за спиною узелъ

съ моими пожитками. Хотя
я, по договору съ побѣдите-
лемъ, и не обязывался выдти
изъ Мадрида, однакожь раз-
судилъ оставишь его по край-
ней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ.
Мнѣ вздумалось побродить
по Испаніи, останавливаясь
въ каждомъ городѣ на нѣ-
сколько времени. Денегъ — ду-
малъ я — станешь у меня на
долго: я не буду ихъ тра-
тить по пустому; когда же
издержу, могу опять пойти
къ кому нибудь въ услуженье.
Такой человекъ, какъ я, всег-
да найдетъ себѣ мѣсто;
стоить только захотѣть.

Больше всего хотѣлось мнѣ
посмотрѣть Толедо. Я при-

шелъ туда черезъ три дни,
и остановился въ хорошемъ
трактирѣ, гдѣ всѣ почли
меня за особу немаловаж-
ную: потому что я не за-
былъ нарядиться въ лучшее
мое платье, и принявъ на
себя видъ знашнаго человека.
Отъ меня зависѣло свести
знакомство съ разными при-
гожими женщинами, которыя
жили по сосѣдству; но ког-
да я узналъ, что это требу-
етъ многихъ издержекъ, то
обуздавъ мои желанія. Осмо-
трѣвъ всѣ городскія досто-
памятности, и чувствуя
охоту путешествовать, от-
правился я въ одинъ день
на разсвѣтъ изъ Толедо въ

Куэнсу, откуда хошѣлъ про-
братъся въ Аррагонію.

Во второй день пуши,
вздумалось мнѣ зайти опдо-
хнувъ на одинъ посшоялый
дворъ. Вмѣстѣ со мною при-
шло шуда нѣсколько прис-
тавовъ Святой Германдадъ.
Они велѣли подашь себѣ вина,
и опоражнивая бушылки, на-
чали описывать челоуѣка,
копорого велѣно имъ взятьъ
подъ карауль. „Ему не бо-
лѣе двадцаши прехъ лѣтъ,
сказалъ одинъ: черные воло-
сы, носъ орлиной, хорошіи
спанъ и темногнѣдая ло-
шадь.“ —

Я слушалъ, не показывая
никакого вниманія, и, прав-

ду сказать, совсемъ не за-
 бошился объ этомъ. Оставя
 ихъ на постояломъ дворѣ,
 отправился я въ свой путь;
 но не успѣлъ опойти четвер-
 ти мили, какъ встрѣшилъ
 молодого человѣка, очень
 стройнаго, сидящаго на тем-
 ногнѣдой лошади. — Вѣрно его
 ищущъ, подумалъ я. Черные
 волосы, носъ орлиной: поч-
 но онъ! Надобно ему услу-
 жишь. — „Позвольте спросить
 васъ, Милоспивый Государь,
 сказалъ я ему: не случилось
 ли съ вами какого несчас-
 тія?“ Молодой человѣкъ
 взглянулъ на меня, не говоря
 ни слова; казалось, что во-
 просъ мой его встревожилъ.

Я сказалъ , что спрашиваю
его не изъ пусшаго любопыт-
ства, и онъ скоро въ этомъ
увѣрился , когда я объявилъ
ему слышанное мною на пос-
тояломъ дворѣ. — „ Велико-
душный незнакомецъ, сказалъ
онъ ; это правда : я имѣю
причину думать , что при-
спавы ищутъ меня ; теперь
поѣду я по другой дорогѣ. “ —
Нѣтъ, отвѣчалъ я, по моему
мнѣнію, лучше поискать мѣс-
та безопаснѣе , гдѣ бы мы
могли скрыться и отъ гро-
зы, посмотрише, какія тучи! —
Въ самое это время увидѣ-
ли мы дорогу, по сторонамъ
которой росли густыя де-
ревья; немедленно пустились

мы по ней и достигли подошвы одной горы. Тамъ нашли большую и глубокую пещеру, украшенную снару- жи разноцвѣтными камнями и раковинами, и успанную свѣжимъ дерномъ; множество цвѣтовъ разливали свой за- пахъ въ воздухъ, а у самого входа была небольшая раз- сѣлина, изъ которой съ шу- момъ низвергался ключъ и кашился по лугу. Прибли- жаясь къ пещерѣ, увидѣли мы выходящаго изъ нее пустын- ника. Одною рукою опирался онъ на кость, въ дру- гой держалъ большія чешки; на головѣ у него была нахло- бучена сѣрая шерстяная шап-

ка съ предлинными ушами; а борода его, бѣлая какъ снѣгъ, висѣла до пояса. „Честной отецъ, сказалъ я подошедши къ нему: позвольте намъ укрыться отъ бури въ вашей пещерѣ.“ — Войдите, дѣти мои, отвѣчалъ онъ, посмотривъ на меня пристально: мое жилище для васъ открыто; вы можете пребыть здѣсь сколько вамъ угодно.— Послѣ этого указалъ онъ поварищу моему мѣсто, гдѣ можно было поставить его лошадь, и повелъ насъ въ пещеру.

Едва успѣли мы войти шуда, какъ поднялась сильная гроза, дождь лился рѣ-

кою, молнія сверкала ужасно, а опъ громовыхъ ударовъ тряслась земля подъ нашими ногами. Пустынникъ спалъ на колѣни передъ образомъ святаго Пахомія, который былъ вдѣланъ въ стѣнѣ, и началъ молишься; мы послѣдовали его примѣру. Наконецъ громъ утихъ; мы встали; но такъ какъ дождь еще не переставалъ, а ночь между нѣмъ приближалась, то пустынникъ сказалъ намъ: „Дѣши мои, не совѣтую вамъ пускашся шеперь въ дорогу, ежели не имѣете крайней нужды.“ Мы отвѣчали, что намъ шоропиться не зачѣмъ, и что, еслибъ не боялись его

обезпокоить, то просили бы позволенія провести ночь въ его жилищѣ.—,,Сердечно радъ, сказалъ онъ : миѣ не будетъ опъ васъ никакого безпокойства ; только не погнѣвайтесь, что не найдете у меня ни мягкой постели , ни сышнаго ужина.“

Потомъ старикъ посадилъ насъ за маленькой споликъ , и поставя передъ нами нѣсколько луковицъ съ кускомъ хлѣба и кружкою воды, сказалъ : ,, Вотъ обыкновенная моя пища ; но для васъ найду я еще чего нибудь.“ Тутъ принесъ онъ немного сыру и горсти двѣ орѣховъ. Товарищъ мой, не имѣя большаго

апетиту, не допрогивался ни до чего. „Я примѣчаю, сказалъ ему пустынникъ, что ты, сынъ мой, не привыкъ къ такой пищѣ, или, лучше сказать, что сластолюбіе испортило природной твоей вкусъ. Я также жилъ въ свѣтѣ. Самыя лакомыя кушанья сдѣлались наконецъ для меня невкусными; но съ той поры, какъ живу здѣсь, я совершенно ошвыкъ опъ нихъ и люблю только коренья, плоды, молоко—словомъ, ту пищу, которую употребляли наши праотцы.“

Между тѣмъ, какъ онъ говорилъ, товарищъ мой крѣпко задумался. Пустынникъ

примѣтилъ это, и сказалъ ему: „Сынъ мой, кажется, у тебя лежишь что-то на сердцѣ. Могу ли знать причину твоей грусти? Откройся мнѣ: не любопытство, а состраданіе побуждаетъ меня къ сему вопросу. Я въ такихъ лѣтахъ, что, кажется, въ состояніи подать полезный совѣтъ, а ты, можешь быть, имѣешь въ немъ нужду.“— Такъ, отецъ мой—ощвѣчалъ молодой человекъ со вздохомъ—я точно имѣю нужду въ добрыхъ совѣтахъ, и готовъ слѣдовать вашимъ, но прежде должно мнѣ рассказать вамъ всѣ мои обстоятельства; думаю, что

безъ всякаго опасенія могу
открыться такому какъ вы
человѣку.— „О! не бойся, другъ
мой — сказалъ пустынный—
мнѣ можно вѣрить всякую
тайну.“ И молодой человѣкъ
началъ говорить слѣдующее.

ГЛАВА X.

Исторія Дона Альфонса и прекрасной Серафины.

Не хочу ничего скрыть,
святой отецъ, ни ошъ васъ,
ни ошъ моего товарища:
если бы я не довѣрялъ ему,
то худо бы заплашилъ за его
великодушіе.

Я родился въ Мадридѣ. Одинъ офицеръ Нѣмецкой Гвардіи, по имени Баронъ Шпейнбахъ, идучи однажды ввечеру домой, нашель у себя на крыльцѣ корзинку обвернутую полотномъ. Онъ взялъ ее, принесъ къ своей женѣ, и открывши увидѣлъ новорожденнаго мальчика, закушаннаго въ хорошихъ пеленкахъ, а сверху лежала бумажка, на которой написано, что этотъ мальчикъ уже окрещенъ и называется Альфонсомъ; что родители его знатной фамиліи и современемъ о себѣ объявятъ. Этотъ несчастный ребенокъ — я; вотъ все, что мнѣ извѣстно

о моемъ рожденіи. Не знаю, для шого ли машъ моя меня подкинула, чшобы скрыть позоръ свой, или, будучи обольщена невѣрнымъ любовникомъ, по необходимости должна была меня ошвергнуть.

Какъ бы то ни было, но Баронъ и жена его пронулись моею судьбою; не имѣя дѣшей, рѣшились они дать мнѣ воспитаніе. Съ каждымъ днемъ спановился я для нихъ милѣе; они содержали меня, какъ собственнаго своего сына, и не щадили никакихъ издержекъ, чшобъ воспитать меня какъ можно лучше. Они занимались однимъ мною, во

мнѣ одномъ полагали все
 утѣшеніе, и не только не
 старались отыскать моихъ
 родищелей, но, казалось, же-
 лали, чтобъ тайна рожденія
 моего никогда не объясни-
 лась. Когда я выросъ, Баронъ
 записалъ меня въ военную
 службу; выпросилъ мнѣ чинъ
 Прапорщика, снабдилъ меня
 всемъ нужнымъ, и, совѣтуя
 бытъ храбрымъ, представ-
 лялъ мнѣ, что путь къ сла-
 вѣ открытъ для всякаго, и
 что я могу пріобрѣсти имя
 шѣмъ болѣе славное, что ме-
 нѣ буду обязанъ другимъ.
 Тутъ открылъ онъ мнѣ тай-
 ну моего рожденія. Но какъ
 въ городѣ всѣ почишали ме-

ня его сыномъ, и я самъ не могъ бы подуматъ инаго, то, признаюсь, что это извѣстіе причинило мнѣ большую горестъ. И теперь еще безъ стыда не могу вспомнить о моемъ рожденіи. Чѣмъ болѣе врожденное чувство увѣряетъ меня въ благородномъ происхожденіи, тѣмъ болѣе мучусь, что отверженъ моими родителеми.

Нѣсколько времени былъ я съ полкомъ моимъ въ Голландіи, и по заключеніи мира, возвратился въ Мадридъ, гдѣ Баронъ и жена его приняли меня со всѣми знаками родительской нѣжности. Однажды по утру — мѣсяца

два спустя послѣ моего пріѣзда въ Мадридъ—приходишь ко мнѣ въ комнату пажъ, и подаешь записку почти такого содержанія: „Я недурна, довольно стройна, но при всемъ этомъ, вы смотрите на меня очень равнодушно, когда я показываюсь у окна. Признаюсь, я не ожидала бы этого отъ свѣтскаго, хорошо воспитаннаго человѣка. Холодность ваша такъ для меня обидна, что я хотѣла бы отомстить вамъ. Равнодушіе къ молодой женщинѣ — непростительно.“

Я тотчасъ догадался, что эта записка была отъ одной

вдовы, по имени Леоноры, которая жила напрошивъ нашего дому, и славилась своимъ кокетствомъ. Начинаю спрашивать пажа; сначала онъ скромничаетъ; но я даю ему червонецъ — и онъ рассказываетъ мнѣ все, что надобно, берется даже отдать господжѣ своей записку, въ которой я изъяснилъ, что признаюсь въ моемъ преступленіи, и уже чувствую, что жестоко наказанъ.

Я не былъ нечувствителенъ къ моей побѣдѣ. Оспался на цѣлой день дома, и безпрестанно подходилъ къ окну, чтобъ увидѣть мою красавицу. Она показалась.

Дѣлаю ей разные знаки; мнѣ отвѣчающъ, и на другое утро опять является посланный съ извѣстіемъ, что ежели я въ двѣнадцать часовъ ночи выйду на улицу, то могу подойти къ окну, и поговорить съ нею.

Хотя я совсемъ не чувствовалъ любви къ этой чувствительной вдовушкѣ, но написалъ, какъ водится, самый страстный отвѣтъ, и съ величайшимъ нетерпѣніемъ дожидаясь ночи. Когда смерклось, я пошелъ прогуляться въ Прадо, въ ожиданіи назначеннаго часа; но только что пришелъ туда, какъ вдругъ догналъ меня человекъ

верхомъ , и соскочивши съ лошади , спросилъ меня грубо : „не вы ли сынъ Барона Шшеймбаха ?“ — Я. — „Такъ это вы будете разговаривать съ Леонорою подъ окномъ? Я видѣлъ ея письма и ваши отвѣты. Пажъ мнѣ показалъ ихъ ; я ѣхалъ за вами отъ самаго вашего дому , чѣмъ увѣдомить васъ , что вы имѣете во мнѣ такого соперника, который считаешь за подлость раздѣлять съ вами сердце своей любовницы. Думаю, что сказалъ довольно; мы одни; намъ должно биться, ежели вы не обѣщаетесь прекратить всѣ связи съ Леонорою. Сію же

минуту откажитесь отъ нее —или разстанетесь съ жизнью!“—Милостивый Государь, отвѣчалъ я: вы должны просить, а не требовать. Я бы согласился на вашу просьбу, но за ваши угрозы не сдѣлаю!— „Если такъ—сказалъ онъ, привязывая лошадь къ дереву—намъ должно драться. Такому человѣку, какъ я, стыдно унижаться передъ вашей братьей. Другой, будучи на моемъ мѣстѣ, не захотѣлъ бы еще мстить чести чести образомъ.“—Эти слова показались мнѣ слишкомъ обидны, и мы вынули шпаги. Сраженіе наше, будучи слишкомъ горячо, не могло про-

должаться долго: я прокололъ его насквозь, и онъ упалъ безъ дыханія. Тутъ, помышляя только о спасеніи себя, вскочилъ я на его лошадь, и пустился по Толедской дорогѣ. Я не смѣлъ возвратиться къ Барону Штейнбаху, ибо зналъ, что онъ не легко перенесетъ мое несчастье; къ тому же мнѣ нужно было, какъ можно скорѣе, бѣжать изъ Мадрида.

И такъ, въ самыхъ горесѣнныхъ размышленіяхъ, ѣхалъ я остатокъ ночи и все утро; но въ полдень принужденъ былъ дать отдохнуть лошади и переждать зной, который становился неносенъ.

Пробывъ въ одной деревнѣ до захожденія солнца, опять отправился въ путь, желая нигдѣ не останавливаться до самаго Толедо. Въ полночь, когда я уже былъ за двѣ мили отъ Иллескаса, заспигла меня посреди поля гроза, такая же ужасная, какъ сегодня. Увидя недалеко садъ, я добрался до него, и прислонился къ стѣнѣ; но какъ и здѣсь не можно было укрыться отъ дождя, то прижался я съ моею лошадью къ дверямъ одной бесѣдки, у конца садовой стѣны, надъ которою былъ сдѣланъ балконъ. Прислоняясь къ двери, я примѣшилъ, что она не

заперта, и подумалъ, что это случилось отъ нерадѣнія слугъ; сошелъ съ лошади, и, не столько изъ любопытства, какъ для того, чтобъ поискать защиты отъ дождя, который продолжалъ покоить меня подъ балкономъ, вошелъ въ бесѣдку, ведя за собою и лошадь.

Во время грозы старался я осмотрѣть мѣсто, въ которомъ находился, и хотя могъ различать предметы только тогда, когда блистала молнія, однакожь увидѣлъ, что этотъ садъ долженъ принадлежать какому нибудь знатному господину. Мнѣ хотѣлось только переждатьъ

дождь, и тотчасъ пустилъ-
 ся въ дорогу; но примѣтивъ
 вдали большое освѣщеніе, я
 принялъ другое намѣреніе.
 Оставя лошадь въ бесѣдкѣ,
 и замкнувши на всякой слу-
 чай двери, пошелъ къ тому
 мѣсту, гдѣ видѣнъ былъ огонь,
 въ тѣхъ мысляхъ, что еже-
 ли въ домѣ еще не спятъ,
 то конечно не откажутъ мнѣ
 въ ночлегѣ. Прошедши нѣ-
 сколько аллей, добрался я до
 крыльца; попробовалъ отво-
 рить двери, и, къ великому
 удивленію, нашелъ ихъ так-
 же не запертыми. Войдя въ
 обширную залу, и увидя, при
 свѣтѣ прекрасной хрусталь-
 ной люстры, повсюду вели-

колѣпіе, увѣрился, что нахо-
жусь въ знашномъ домѣ. Полъ
былъ мраморной, карнизы
вызолочены, а плафонъ рас-
писанъ рукою искуснаго жи-
вописца. Всего болѣе занима-
ли меня бюсты Испанскихъ
Героевъ, которые на прекра-
сныхъ пьедесталахъ стояли
вокругъ залы. Я имѣлъ до-
вольно времени разсмотрѣть
все, и хотя иногда прислу-
шивался, не идешь ли кто,
однакожь не слыхалъ ни ма-
лѣйшаго шороху.

Съ одной стороны залы
нашелъ я дверь, которая
была заперта неплотно. От-
воривъ ее, увидѣлъ я длин-
ный рядъ комнатъ, изъ ко-

торыхъ только послѣдняя была освѣщена. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать; благоразумнѣе было ворошиться назадъ; но любопытство, или, лучше сказать, судьба влекла меня въ эту комнату. Рѣшаюсь идти, прохожу нѣсколько помещений, и наконецъ вступаю въ послѣдній. Прежде всего жиннулись мнѣ въ глаза прекрасныя мебели и богатая кровать; но скоро новый предметъ обратилъ все мое вниманіе. На кровати, у которой занавѣсы были не совсемъ опущены, увидѣлъ я молодую, прекрасную даму, спящую глубокимъ сномъ, не смотря на сильные удары

грома. Изумленный ея красотою, стоялъ я какъ вкопаной; сердце мое билось, и жаръ и морозъ разливались по моимъ жиламъ; я былъ внѣ себя; но при всемъ смятеніи души моей, никакая дерзкая мысль не входила мнѣ въ голову; какое-то непонятное чувство заставляло меня уважать прекрасную незнакомку. Между тѣмъ какъ я любовался ею, она проснулась.

Вообразите ея ужасъ, когда она увидѣла въ спальнѣ своей, и въ самую полночь, незнакомаго мужчину! Она закричала изо всей силы. Я старался ее успокоить, го-

ворилъ, что не пришелъ вредить ей; но она была такъ испугана, что не хотѣла меня слушать, и безпрестанно кликала своихъ женщинъ; наконецъ, видя, что на крикъ ея никто не приходитъ, накиннула на себя легкое спальное платье, вскочила съ постели, побѣжала въ тѣ комнаты, чрезъ которыя я прошелъ, и звала людей своихъ. Я ожидалъ каждую минуту, что на крикъ ея прибѣгутъ лакеи, и, не выслушавъ меня, поступаятъ со мною, какъ съ бездѣльникомъ; но, къ счастью, она нашла только одного стараго слугу, который былъ для меня не очень

страшенъ. Не смотря на то, она сдѣлалась при немъ смѣлѣе, и съ гордостью спросила меня, кто я, и какимъ образомъ осмѣлился войти въ ея домъ?— Тупъ началъ я оправдываться; но лишь только сказалъ, что двери въ садъ были отворены, то она вскричала: „Боже мой! теперь все объяснилось!“ и схвативъ со стола свѣчку, побѣжала осматривать всѣ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ она возвратилась опять ко мнѣ въ совершенномъ отчаяніи. „Перестань припворяться, вскричала она: ты злодѣй! Ты зашелъ сюда не случайно, но вмѣстѣ съ

Фернандомъ де Лейвою: ты
подлой его учасникъ! . . .
Однакожь, не думай уйти
отсюда; у меня осталось
еще довольно людей, чѣмъ
схващать тебя! — Ахъ, су-
дарыня, отвѣчалъ я: не
причисляйте меня къ вашимъ
непріятелямъ! Я совсемъ не
знаю ни Фернанда де Лейвы,
ни васъ. Одинъ несчастный
случай заставилъ меня у-
ѣхать изъ Мадрида; клянусь
вамъ, что если бы не зас-
тигла меня гроза, я не за-
ѣхалъ бы въ домъ вашъ. Будь-
те обо мнѣ лучшаго мнѣнія:
я не имѣлъ и въ мысляхъ
вредить вамъ, и даже — ес-
ли угодно — готовъ опом-

спитъ за васъ. — Эти слова, и видъ, съ которымъ я ихъ выговорилъ, успокоили незнакомку; она, казалось, перестала считать меня врагомъ своимъ: но гнѣвъ ея перемѣнился въ сильную горесть. Она залилась слезами, и столько меня тронула, что я не зная еще причины ея печали, плакалъ вмѣстѣ съ нею. — Откройте мнѣ свое несчастіе, вскричалъ я наконецъ: вы найдете во мнѣ мстителя: я накажу эшаго Фернанда. Тотъ, кого сочли вы злодѣемъ, не пощадитъ для васъ самой жизни! — „Ахъ, отвѣчала она, простите это подозрѣніе! ужас-

ное состояніе мое было причиною, что я васъ обидѣла. Ваше добродушіе истребляетъ во мнѣ стыдъ, раждающійся при одной мысли, что чужой человекъ дѣлается свидѣтелемъ безчестія нашей фамиліи. Такъ, благородный незнакомецъ, я прошу вашей помощи. Но я не хочу смерти Дона Фернанда... Вы услышите, чего я надѣюсь отъ вашего великодушія. Донъ Фернандъ де Лейва влюбился въ сестру мою Юлію, которую онъ увидѣлъ въ Толедо, гдѣ обыкновенно живешь наше семейство. Онъ спалъ свашаться, но опецъ мой, Графъ Поланъ, отка-

залъ ему : причиною отказа
 была старинная вражда меж-
 ду обѣими фамиліями. Сес-
 трѣ моей еще пятнадцать
 лѣтъ: она позволила любов-
 нику увезти себя. Донъ Фер-
 нандъ, безъ сомнѣнія, подку-
 пилъ нашихъ людей, и, уз-
 навъ, что мы живемъ теперь
 одинъ въ загородномъ до-
 мѣ, рѣшился воспользоваться
 этимъ случаемъ. Мнѣ бы хо-
 тѣлось только знать, куда
 онъ увезъ ее, для того, чтобъ
 бабушка и братъ, которые
 живутъ въ Мадридѣ, могли
 принять свои мѣры. Именемъ
 самаго Бога прошу васъ, при-
 бавила она, освѣдомишься объ
 этомъ въ окрестностяхъ

Тоledo. Наша фамилія будетъ вамъ чрезвычайно обязана!“

Серафина — такъ звали дочь Графа Полана — никакъ не воображала, что такое дѣло очень опасно для человѣка, которому должно было, какъ можно скорѣе, выбраться изъ Кастилліи; но и мнѣ самому не пришло это въ голову. Восхищенный мыслию, что могу услужить прекраснѣйшей женщинѣ, я принялъ ея порученіе съ восторгомъ, и спѣшилъ исполнить его со всевозможнымъ усердіемъ; не дождался даже разсвѣта, простился съ Серафиною и увѣрилъ, что скоро возвращусь съ какимъ нибудь из-

въспіемъ. Я вышелъ тою же дорогою, которою и пришелъ въ замокъ; прекрасная дочь Графа Полана не выходила у меня изъ головы; мнѣ казалось, что я уже влюбленъ въ нее. Я удостоверился въ этомъ еще болѣе по той ревности, съ которою исполнялъ ея порученіе, по тѣмъ любовнымъ мечшамъ, которыя поселились въ моемъ воображеніи. Ласкаясь надеждою, что Серафина, при всей своей горести, замѣшила любовь мою, что нимало не огорчилась такимъ замѣчаніемъ, я надѣялся вмѣстѣ увидѣть со временемъ взаимную ея склонность...

Здѣсь Донъ Альфонсъ прервалъ свою исторію, и сказалъ пустыннику: „Прости-те меня, честной отецъ; я, какъ влюбленный, останавливаюсь на такихъ обстоя-тельстввахъ, которыя вамъ безъ сомнѣнія кажутся скучными.“— Нѣшъ, сынъ мой, ошвѣчалъ шарикъ: они для меня нимало не скучны: хочу знать, до какой степе-ни ты ослѣпленъ страст-ію, и по мѣрѣ того буду располагать моими совѣтами.

Лаская себя такими меч-тами — продолжалъ Донъ Аль-фонсъ — искалъ я два дни похищителя Юліи; но не смо-тря на всѣ мои старанія,

не могъ найши слѣдовъ его ;
наконецъ рѣшился возвра-
титься къ Серафинѣ, которую
думалъ застать въ великомъ
безпокойствѣ. Но я обману-
ся; она встрѣтила меня из-
вѣстіемъ, что получила отъ
Дона Фернанда письмо, въ
которомъ онъ пишетъ, что
обвѣнчавшись съ Юлією тай-
но, отвезъ ее въ одинъ То-
ледской монастырь. „Я ото-
слала это письмо къ бабюш-
кѣ, продолжала Серафина ;
надѣюсь, что дѣло кончится
хорошо, и что этимъ бра-
комъ прекратится ненависть
обѣихъ семействъ.“

Тутъ начала она изви-
нялась, что безпокоила меня

своимъ порученіемъ, и говорила объ опасности, въ которую могла завлечь меня, забывши, что важное дѣло принуждало самого меня бѣжать изъ Мадрида. Примѣтивъ мою усталость, она просила меня отдохнуть у ней въ домѣ; вы можете догадаться, что я согласился на это съ величайшимъ удовольствіемъ.

По траурному плащю, въ которомъ была Серафина, можно было заключить, что она вдова; но, видя ея молодость, я не зналъ, что думать, и неперпѣливо ожидалъ, чтобъ она разрѣшила мое сомнѣніе.

Серафина, съ своей стороны, также хотѣла узнать, кто я. Она просила, чтобъ я сказалъ ей свое имя. „По вашему виду—говорила она—и особливо по великодушію, съ которыми приняли во мнѣ участіе, я заключаю, что вы должны быть чело-вѣкъ знашной фамиліи.“ Эти слова привели меня въ смущеніе; я покраснѣлъ, и—находя, что солгать для меня не такъ стыдно, какъ ска-зать правду—отвѣчалъ, что я сынъ Барона Шпейнбаха, офицера Нѣмецкой Гвардіи—„По какому же случаю вы уѣ-хали изъ Мадрида? спросила она. Я напередъ вамъ пред-

лагаю защиту бапюшки и брата моего Дона Гаспара: будьте увѣрены, что это самой малой знакъ признательности къ тому, кто пренебрегалъ для меня жизнь свою.“ Я разсказалъ ей опроверженно всѣ обстоятельство моего поединка; она винила моего соперника, и снова обѣщала склонить всѣхъ своихъ родныхъ на мою сторону.

Удовлетворивъ ея любопытство, я осмѣлился спросить о причинѣ траура. — „Съ годъ тому назадъ, сказала она, я лишилась мужа.“ — Но по какому же несчастному случаю супругъ вашъ скон-

чался такъ рано?— „Я вамъ
разскажу это, отвѣчала она,
въ награду за вашу довѣрен-
ность.“

„Шестнадцать лѣтъ вы-
дали меня за Дона Діего де
Лару. Онъ былъ человекъ
очень хорошій, любилъ меня
страстно, и обходился со
мною, какъ самый нѣжный
любовникъ, который еще же-
лаешь понравиться; но не
смотря на всѣ добрыя его
качества, онъ не могъ про-
нунуть моего сердца. Любовь
не всегда пріобрѣтается спа-
раніемъ и достоинствами: час-
то — прибавила она со вздо-
хомъ — человекъ, котораго мы
совсемъ не знаемъ, плѣняетъ

насъ при первомъ взглядѣ. Я не могла любить моего мужа. Всѣ нѣжныя ласки его меня безпокоили; и будучи принуждена ошвѣчать на нихъ безъ склонности, упрекала я себя неблагодарностію, но находила себя достойною истиннаго сожалѣнія. Къ общему нашему несчастію, онъ былъ еще болѣе разборчивъ, чѣмъ влюбленъ: всѣ поступки, всѣ слова мои опровергали ему мои чувства; онъ безпрестанно жаловался на мое равнодушіе.— Ахъ, любезная Серафима — часто онъ говорилъ мнѣ — я былъ бы менѣе несчастенъ, если бы ты любила другаго, и

еслибъ это одно было причиною твоей холодности. Моя нѣжность и твоя добродѣтель побѣдили бы страсть твою; но теперь я опчаяваюсь когда нибудь пріобрѣсть твое сердце, потому, что оно не можетъ видѣть любви моей.— Наконецъ, наскучивъ слышать безпрестанно одно и то же, я совѣтовала ему лучше положиться на время, чѣмъ сокрушать и себя и меня пустыми упреками. И дѣйствительно, въ мои лѣта, я не могла еще чувствовать любви столь нѣжной, и Донъ Діего, кажется, долженъ былъ слѣдовать моему совѣ-

шу; но онъ, видя, что прошелъ цѣлый годъ безъ всякой переменны, лишился терпѣнія, или, лучше сказать, разума, и тайнымъ образомъ отправился волонтеромъ въ армію, гдѣ скоро нашелъ конецъ своимъ мученіямъ.“

По окончаніи Серафининой повѣсти, мы продолжали говорить о странномъ характерѣ ея мужа. Разговоръ нашъ былъ прерванъ пріѣздомъ курьера, который привезъ письмо отъ Графа Полана. Я замѣтилъ, что читая его, она перемѣнялась въ лицѣ и прележала; наконецъ подняла глаза къ небу; тяжкой вздохъ вылетѣлъ изъ

груди ея, и слезы покапились градомъ. Горестъ ея поразила меня; я смутился, какъ будто предчувствуя ударъ, который для меня приготавливался.— О какомъ несчастіи пишешь къ вамъ бабюшка?—спросилъ я слабымъ голосомъ.—, Прочитайте, отвѣчала она, заливаясь слезами; прочитайте сами: это слишкомъ до васъ касается.“

Ужасъ овладѣлъ мною; я взялъ письмо, и нашелъ слѣдующее: „Братъ твой „Донъ Гаспаръ дрался вчера „на шпагахъ въ Прадо, и „умеръ сегодня отъ раны. „При смерти онъ объявилъ,

„что человекъ, съ которымъ
 „имѣлъ онъ дѣло, есть сынъ
 „Барона Шпейнбаха, офицера
 „Нѣмецкой Гвардіи. Къ до-
 „вершенію нашего несчастія,
 „убійца ушелъ; но гдѣ бы
 „онъ ни скрылся, я ничего
 „не пощажу, чѣмъ опыс-
 „кашъ его. Теперь разсылаю
 „письма по разнымъ городамъ,
 „въ которыхъ прошу за-
 „держатъ его: надѣюсь, что
 „онъ не избѣгнетъ моего
 „мщенія.“

Графъ Поланъ.

Вообразите мое положе-
 ніе. Нѣсколько минутъ спо-
 ялъ я неподвижно, и не могъ
 выговорить ни слова. Но
 представивъ себѣ, сколько

смерть Дона Гаспара должна вредить любви моей, я пришелъ въ опчяніе, и бросился къ ногамъ Серафины,, Ахъ, сударыня, вскричалъ я, подавая ей мою шпагу: избавьте Графа отъ труда искать человека, который можетъ скрыться отъ его поисковъ. Опомнитесь сами за вашего брата; умертвите сами его убійцу! Пусть это оружіе, лишившее жизни Дона Гаспара, сдѣлается пагубнымъ и для несчастнаго его врага!... Государь мой, отвѣчала Серафина, нѣсколько тронутая моими словами, я любила моего брата. Хотя вы поступили съ нимъ, какъ

должно честному чловѣку ,
 хотя онъ самъ причиною
 своей смерти , но шѣмъ не
 менѣе я должна раздѣлять
 гнѣвъ моего опца. Такъ, Донъ
 Альфонсъ, я ваша непріятель-
 ница, и употреблю противъ
 васъ все, чего требуютъ опъ
 меня родство и дружба. Од-
 накожь я не хочу пользо-
 ваться вашимъ несчастіемъ.
 Честъ вооружаетъ меня про-
 тивъ васъ , но запрещаетъ
 мстить подлымъ образомъ.
 Права гостепріимства свя-
 щенны ; я не хочу плашить
 измѣною за услугу, которую
 вы мнѣ оказали. Бѣгите оп-
 сюда, скройтесь, если мож-
 но, отъ нашихъ поисковъ и

строгости законовъ ; спасите себя отъ угрожающей вамъ гибели.—

„Какъ ! — вскричалъ я — вы имѣете случай отомстить сами, но предаете меня законамъ, которые, можетъ быть, не удовлетворяютъ вашего мщенія! Нѣтъ, поразите несчастнаго, который недостоинъ вашей пощады ! Не поступайте со мною такъ благородно и великодушно ! Знаете ли, кто я? Весь Мадридъ считаетъ меня сыномъ Барона Штейнбаха, но я бѣдный сирота, воспитанный имъ изъ жалости ! Я даже не знаю, кто были мои родители!“ — Нужды нѣтъ,

(прервала Сарафина, и мнѣ показалось, что послѣднія слова мои причинили ей новую горесць) — хопя бы вы были самый послѣдній чело-вѣкъ на свѣшѣ, но я не по-ступила бы съ вами вопре-ки моей чеспи. — „И такъ, если смерть брата не мо-жешъ заставитъ васъ про-лишь кровь мою, я надѣюсь, что заслужу вашу ненависть новымъ преступленіемъ: я люблю васъ! Я не могъ смо-трѣть на васъ равнодушно, и забывъ низкое мое проис-хожденіе, осмѣлился обожаъ васъ. Я былъ столько влю-бленъ, или лучше сказаъ, сшолько безразсуденъ, что

ласкаясь надеждою узнать со временемъ о моемъ происхожденіи, думалъ безъ стыда открыть тогда вамъ свое имя. Не уже ли и послѣ такого дерзкаго признанія вы не рѣшитесь наказать меня?“

— Въ другое время, отвѣчала она, вы бы меня обидѣли, но теперь прощаю это разспроиству вашихъ мыслей. Къ тому же, и я въ такомъ положеніи, что не могу хорошо понимать словъ вашихъ. Еще однажды говорю вамъ, Донъ Альфонсъ — прибавила она, и слезы сверкнули на прекрасныхъ глазахъ ея — не мѣшайте; удалитесь изъ дому, въ кото-

ромъ поселяете горестъ; каждая минута вашего присутствія умножаетъ мое мученіе. — „Не прошивлюсь болѣе, отвѣчалъ я. Мнѣ должно опъ вась удалишья. Но не думайте, что буду стараться сохранить жизнь, которая вамъ ненавистна: не спану искать безопаснаго убѣжища. Нѣтъ, я предаюсь вашему мщенію; буду нетерпѣливо ожидать въ Толедо моей участи, и не скрываясь отъ вашихъ поисковъ, ускорю конецъ моихъ несчастій.“

Сказавъ это, я вышелъ. Мнѣ подали мою лошадь, и я пріѣхалъ въ Толедо. Тамъ прожилъ цѣлую недѣлю, и

такъ мало скрывалъ себя ,
что дивлюсь , какимъ обра-
зомъ меня не схватили. Дол-
жно думать, что Графъ По-
ланъ, который хотѣлъ пре-
сѣчь мнѣ всѣ пути, не ожи-
далъ, чтобъ я оставался въ
Тоledo. Вчера, наскучивъ сво-
бодою, оставилъ я этотъ
городъ и ѣхалъ безъ всякой
цѣли, какъ человекъ, копо-
рому опасаться нечего. Вотъ,
святой отецъ, что у меня
на сердцѣ — помогите мнѣ
вашимъ совѣтомъ.

ГЛАВА XI.

Кто былъ старый пустынный; и какъ Жил-блзъ огутился между людьми знакомыми.

„Сынъ мой — сказалъ старикъ Дону Альфонсу: — ты поступилъ безразсудно, что пробылъ такъ долго въ Толедо. Я смотрю совсемъ иными глазами на то, что ты рассказывалъ, и любовь твоя къ Серафинъ кажется мнѣ совершеннымъ безуміемъ. Послушайся меня, не ослѣпляйся своею страстью. Забудь эту женщину: она не можетъ быть твоею. Уступи

препятствіямъ , разлучающимъ тебя съ нею; и положишь на судьбу, которая, по всѣмъ признакамъ, обѣщаетъ тебѣ еще много такихъ приключеній. Ты, безъ сомнѣнія, найдешь еще другую молодую женщину, которую также полюбишь, и у которой не убьешь брата...”

Онъ хотѣлъ было прибавить еще много такихъ утѣшеній, какъ вошелъ въ пещеру другой пустынный съ пребольшою сумою за плечами. Онъ пришелъ изъ Куэнсы, гдѣ собиралъ милоспшню; казался гораздо моложе своего товарища, и имѣлъ прегустую рыжую бороду.—

„Здравствуй, братъ Антоній —сказалъ ему спарикъ—что новаго въ городъ?“— Новоспи плохи, отвѣчалъ рыжебородый братъ, подавая ему бумагу: узнаешь обо всемъ изъ этой записки.— Спарикъ, развернувъ ее, прочишалъ внимательно, и сказалъ: „Нечего дѣлать! и за то слава Богу! . . . Вотъ, Государь мой, вы видите и во мнѣ чело-вѣка, копорый также ссо-рился съ фортуною. Теперь пишушъ изъ Куэнсы, что кто-то очернилъ меня въ глазахъ правосудія; и что завтра вся тамошняя Поли-ція грозитъ захватить ме-ня . . . Однакожь, я и самъ не

промахъ: не поймашь имъ
вора въ горохъ. Я ужь не
въ первый разъ вырываюсь
у нихъ изъ когшей: мнѣ сто-
итъ только преобразиться,
а шамъ ужь не учи, что дѣ-
лать!“

Говоря это, сбросилъ онъ
съ себя длинную рясу, и
очутился въ черномъ сар-
жевомъ камзолѣ. Попомъ
снялъ шапку, развязалъ сну-
рокъ, на кошоромъ держа-
лась накладная его борода,
и вдругъ изъ спарика пре-
вратился въ молодого. Братъ
Аншоній, слѣдуя его примѣру,
также скинулъ пустынно-
ское платье, снялъ рыжую
свою бороду, и нарядился въ

сершукъ . Но представьте себѣ мое удивленіе, когда въ старомъ пустынникѣ узналъ я плуша Дона Рафаеля, а въ братѣ Антоніѣ , честнаго , вѣрнаго моего слугу Амброзія де Ламелу.— „Вотъ славно ! вскричалъ я : и такъ я между старыми знакомыми!“ — Правда ваша , господинъ Жилблазъ, ошвѣчалъ Донъ Рафаель улыбаясь , вы видите двухъ своихъ пріятелей, которыхъ вѣрно не чаяли найти здѣсь. Я согласенъ , что вы , можете бытъ , имѣете причину на насъ жаловаться; но оставимъ прошлое, и поблагодаримъ Бога , что онъ далъ намъ еще разъ съ вами

увидѣться. Амброзій и я предлагаемъ вамъ наши услуги : ихъ презирать не должно. Не почитайте насъ дурными людьми : мы ни на кого не нападаемъ , ни кого не убиваемъ ; а стараемся только жить на счетъ ближняго. Безъ сомнѣнія , кража дѣло несправедливое, но не ужь-то необходимость не извиняетъ ее ? Приспавъте къ намъ : право, не оспанетесь въ накладъ. Жизнь наша очень пріятна, если умѣешь вести себя хорошо. Конечно , случается, что при всей осторожности, мы попадаемся въ хлопоты, но за то какъ пріятно, когда сдѣлаешь что

нибудь удачно. При томъ же, надобно привыкать къ непостоянству форшуну.—

Государь мой, продолжалъ Донъ Рафаель, обращаясь къ моему товарищу, мы предлагаемъ и вамъ тоже самое; надѣюсь, что въ вашемъ положеніи, вы намъ не откажете: не говоря уже о вашемъ дѣлѣ, которое заставляетъ васъ скрываться, у васъ, безъ сомнѣнія, денегъ не очень много.— „Правда, отвѣчалъ Донъ Альфонсъ, и, признаюсь, это увеличиваетъ мою горестъ.“— О! если такъ, сказалъ Донъ Рафаель, то не оставляйте отъ насъ. Вы не будете терпѣть нуж-

ды, и всѣ поиски вашихъ непріятелей будутъ напрасны. Мы прошли почти всю Испанію, и знаемъ ее, какъ не лѣзя лучше: намъ извѣстны, какъ опче нашъ, всѣ лѣса, горы и мѣста, копорыя могутъ служить убѣжищемъ отъ преслѣдованій Полиціи.— Донъ Альфонсъ благодарилъ за ихъ предложеніе, и будучи въ самомъ дѣлѣ безъ денегъ, безъ всякой помощи, рѣшился слѣдовать за ними. Я также согласился, не желая оставишь эшаго молодого человека, къ которому чувствовалъ истинную привязанность.

Тутъ всѣ четверо спали
мы совѣтоваться, убраться
ли намъ потчасъ, или навѣ-
сшить сперва флягу съ пре-
краснымъ виномъ, которую
братъ Антоній принесъ на-
канунъ изъ Куэнсы; но Ра-
фаель, какъ человекъ опыт-
ной, представилъ, что преж-
де всего надобно было поду-
мать о нашемъ спасеніи. По-
мнѣнію его, намъ должно бы-
ло идти всю ночь, чтобы
добраться до дремучаго лѣсу,
между Виллардезою и Альмо-
дабаромъ; и тамъ упопре-
бить цѣлый день для отды-
ха. Мы одобрили этотъ со-
вѣтъ и оба пустынноика, свя-
завъ всѣ свои пожитки и

съѣстные припасы, положи-
ли ихъ на Донъ Альфонсову
лошадь. Все это сдѣлалось
въ нѣсколько минутъ; послѣ
чего вышли мы изъ пещеры,
оставя тамъ, въ добычу По-
лиціи, двѣ рясы, сѣдую и
рыжую бороды, двѣ вѣхія
кровати, столъ и трехъ нож-
кахъ, сшарой сундукъ, два
соломенныхъ спула, и образъ
Святаго Пахомія.

Мы шли всю ночь, и начи-
нали уже чувствовашь боль-
шую усталость, какъ увидѣ-
ли на разсвѣтѣ лѣсъ, гдѣ
назначено было мѣсто для
отдыха. Видъ гавани при-
даетъ новыя силы мореход-
цу, утомленному долговремен-

нымъ плаваньемъ: то же было и съ нами: мы ободрились, и вмѣстѣ съ восхожденіемъ солнца достигли лѣса. Пробравшись чрезъ самое густое мѣсто, расположились въ пріятной рощицѣ, подъ высокими соснами, которыхъ вѣтви сплелись сводомъ надъ нашими головами, и могли защищать насъ отъ солнечнаго зною. Мы разнуздали лошадей, и снявши съ нее поклажу, пустили на шраву. Потомъ сѣли, вынули изъ сумы хлѣбъ, нѣсколько кусковъ жареной говядины, и принялись упирасть въ запуски. Но, при всемъ апетитѣ, не забывали обнимать

нашей фляги, которая безпрестанно переходила изъ рукъ въ руки.

При концѣ завтрака Рафаель сказалъ Дону Альфонсу: „Справедливость требуетъ, чтобъ послѣ довѣренности, которую вы мнѣ сдѣлали, рассказалъ и я вамъ свою исторію съ такою же искренностію“ — Очень обяжете меня, отвѣчалъ онъ. — А меня особенно, подхватилъ я; ваши приключенія должны быть чрезвычайно любопытны. — „О! я увѣренъ, отвѣчалъ Донъ Рафаель: со временемъ я ихъ напечатаю. Это будетъ мнѣ забавою подъ старость; но, пока я еще молодъ, то на-

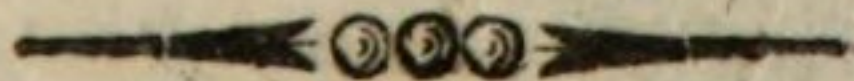
дѣюсь ихъ умножитъ. Однакожь, мы успали: не лучше ли намъ нѣсколько поспдохнуть. Между тѣмъ, какъ мы трое будемъ спать, Амброзій станеть на караулъ, а потомъ придетъ и его очередь. Хотя намъ здѣсь, повидимому, бояться нечего, однакожь не худо бытъ оспорожными.“— Сказавши это, онъ распянулся на правѣ, Донъ Альфонсъ и я сдѣлали то же, а Ламела спалъ на часы.

Донъ Альфонсъ, вмѣсто того, чѣмъ спать, занимался своими несчастіями; я также не могъ сомкнуть глазъ ни на минуту: чтожь касается до Рафаеля, то онъ

заснулъ скоро. Проснувшись, и видя, что мы гошovy его слушать, онъ сказалъ Ламель: „Ну, мой любезной Амброзій, теперь твоя очередь.“— О! нѣтъ, отвѣчалъ товарищъ его, мнѣ спашь не хочется; и хотя я давно знаю всѣ твои приключенія, однакожь они такъ назидательны людямъ нашего промысла, что и въ другой разъ не худо ихъ послушать.— И такъ Донъ Рафаель началъ слѣдующимъ образомъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЕЙ ЧАСТИ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Стр

- ГЛ. I. Жилблазъ не можешь
привыкнушь къ образу
жизни актрисъ, остав-
ляешь Арсенію и нахо-
дишь себѣ лучшее мѣс-
то. - - - - - 1.
- II. Какъ Аврора приняла
Жилблаза, и о чемъ
они разговаривали. - 22.
- III. Большая перемѣна въ
домѣ Дона Винценша;
странное намѣреніе,
которое любовь за-

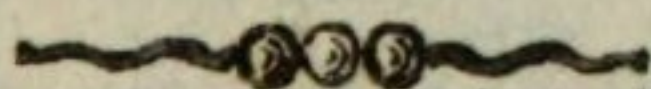

- спавила приняшь пре-
красную Аврору. - - 36.
- Гл. IV. Бракъ изъ мщенія. - 56.
- V. Чшо сдѣлала Аврора
пріѣхавши въ Саламан-
ку. - - - - - 156.
- VI. Какую хитросъ упо-
требила Аврора, чшобъ
заспавишь Дона Людо-
вика Пашеко въ нее
влюбишься. - - - 188.
- VII. Жилбазъ перемѣ-
няешъ мѣсто, и опре-
дѣляешся къ Дону Гон-
залецу Пашеко. - - 217.
- VIII. Харакшерь Маркизы
Хавесь; какіе люди по-
сѣщали домъ ея. - - 254.
- IX. По какому случаю Жил-
базъ оспавилъ домъ.
Маркизы Хавесь, и
чшо съ нимъ случи-
лось. - - - - - 270.

Гл. X. Исторія Дона Альфонса
и прекрасной Серафи-
ны. - - - - - 285.

— XI. Кто былъ старый пу-
стынникъ; и какъ
Жилблазъ очутился
между людьми знако-
мыми. - - - - - 328.

Le Sage, Alain René,

Gil Blas de Santillana

Bd.: 3

St. Petersburg (1820)

P.o.gall. 1257 n-3/4

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10093800-8